

СЛОВО.

ГРАММАТИКА.

РЕЧЬ.

Выпуск XIV

Москва, 2013

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
Филологический факультет

**СЛОВО
ГРАММАТИКА
РЕЧЬ**

Выпуск XIV

Сборник научно-методических статей
по вопросам преподавания
русского языка как иностранного

Москва – 2013

УДК 802/809.1
ББК 82.2Р
С48

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:

доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов
МГУ имени М.В. Ломоносова, канд. пед. наук *Е. Ю. Хомякова*;

доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова канд. филол. наук *Е. Ю. Николенко*

Редакционная коллегия:

Н. В. Баландина	ст. преподаватель
Е. Л. Бархударова	докт. филол. наук, профессор
А. В. Величко	канд. филол. наук, доцент
О. К. Грекова	канд. филол. наук, доцент
Е. А. Илюшин	канд. филол. наук
Л. В. Красильникова	докт. пед. наук, доцент
Е. В. Моргунова	
Ф. И. Панков	докт. филол. наук, доцент
Т. Г. Рошектаева	канд. филол. наук
О. М. Сергеева	канд. филол. наук
Е. С. Сироткина	канд. филол. наук
О. В. Чагина	канд. филол. наук, доцент

Ответственный редактор: **О. В. Чагина**, канд. филол. наук, доцент

Мнение Редакционной коллегии не всегда совпадает с мнением авторов статей

Слово. Грамматика. Речь: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. – М.: МАКС Пресс, 2013. – Вып. XIV. – 220 с.

ISBN 978-5-317-04502-9

https://doi.org/10.29003/m3544.WGS_XIV

Авторы статей рассматривают вопросы описания и представления различных аспектов грамматики в иностранной аудитории, вопросы методики преподавания РКИ, интерпретации художественного текста, культурологии и страноведения. Предназначен для филологов-русистов, студентов, аспирантов и преподавателей РКИ – российских и зарубежных.

УДК 802/809.1
ББК 82.2Р

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Ю.В. Кудрявцева

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ВРЕМЕННЫХ И ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена способам выражения временных и пространственных отношений в русском языке и их сопоставлению со средствами выражения в болгарском языке, что позволяет выявить причины наиболее частотных ошибок в речи носителей болгарского языка при освоении русского как иностранного.

Ключевые слова: РКИ, сопоставление, болгарский язык, временные отношения, пространственные отношения.

Известно, что генетическая близость славянских языков не означает их грамматического тождества. Люди, изучающие близкородственные языки, сталкиваются с многими трудностями, вызванными межъязыковой интерференцией. В данной статье рассматриваются способы выражения временных и пространственных отношений в русском и болгарском языках, а также выявляются основные трудности, возникающие у носителей болгарского языка при освоении способов выражения этих отношений в русском языке. Система значений в родном языке учащегося часто не совпадает с системой значений в русском языке (даже если это носитель родственного языка, такого, как болгарский), поэтому при введении и закреплении материала важно заботиться не только об усвоении учащимися пространственных и временных конструкций, но и о формировании в их сознании корректной системы значений.

Обозначение времени и места – одна из первых задач, которая встает перед изучающим любой иностранный язык, в том числе русский. Центральные фрагменты системы временных и пространственных значений вводятся уже на первых уроках начального этапа, поэтому на способы выражения этих значений

следует обратить особое внимание. Кроме того, русская система пространственных и временных отношений довольно специфична, при ее освоении у учащихся возникают определенные трудности, связанные с пониманием системы значений в целом, а также со способами выражения этих значений – в первую очередь, с предложно-падежными конструкциями. Как правило, такие трудности возникают у носителей аналитических языков, в том числе болгарского языка. Поэтому мы более подробно останавливаемся именно на предложно-падежных конструкциях, выражающих временные и пространственные значения. Выражение этих значений другими способами (с помощью наречий, прилагательных), а также в рамках сложного предложения – предмет отдельного исследования.

Автором первых работ в области функционального описания русского языка с целью преподавания РКИ является М.В. Всеволодова [Всеволодова 1975; Всеволодова 2008] поэтому, рассматривая далее темпоральные и пространственные функционально-семантические отношения в русском языке, мы опираемся в основном на ее труды.

Темпоральные отношения – это один из типов смысловых отношений, включающий в себя разнородные проявления понятия времени как в простом, так и в сложном предложении. Совокупность всех средств выражения временных отношений в русском языке образует функционально-семантическое поле, состоящее из ряда микрополей: соотнесенность времени действия с настоящим моментом (*я читал – читаю – буду читать*), выражение их одновременности или разновременности по отношению друг к другу, протяженность действия во времени, кратность (единичность – повторяемость) действия [Всеволодова 1975; Книга о грамматике 2009]. Мы более подробно рассматриваем способы выражения временных отношений в микрополе №2, которые связаны с соотнесенностью действия с каким-либо указанным моментом времени, со временем другого действия или события. В зависимости от этой временной соотнесенности различаются предложения, выражающие **отношения одновременности и разновременности (неодновременности)**. Отношения разновременности в свою очередь могут быть конкретизированы как **предшествование** или **последовательность**.

В процессе сопоставления нами были выявлены следующие основные различия между способами выражения временных отношений в болгарском и русском языках, эти расхождения проявляются на самых разных уровнях. Перечислим некоторые из них:

1. На уровне системы значений:

– в отличие от русского, в болгарском отсутствуют некоторые частные значения, что может вызвать трудности при объяснении данного материала: например, в болгарском не различается значение общего и непосредственного предшествования; для событий, происходящих перед каким-либо другим событием, используется один предлог *преди*, тогда как в русском эти значения различаются (*до работы* – нейтральное предшествование, *перед едой*, *под Новый год* – непосредственное);

– некоторым русским конструкциям с разным значением соответствует только одна аналогичная болгарская конструкция: **после+Р.п** (с препозитивными существительными со значением действия или процесса или с анафорическими местоимениями), **по + П.п.** и **через +В.п.** (с существительными – наименованиями единиц или отрезков времени), в болгарском, как и во многих других языках, – один предлог *след*. **Давайте встретимся после двух часов* вместо *Через два часа* – частотная ошибка иностранцев, искажающая смысл высказывания;

– в русском для обозначения начальной и конечной временной границы используется две пары предлогов **с – по, от (при обозначении часа)** – **до**, причем эти пары могут иногда смешиваться (*с утра до вечера*), в болгарском – только одна пара предлогов: *от – до (от сутрин до вечер)*.

2. На уровне типов оппозиций или наличия оппозиций:

– например, в болгарском из-за отсутствия падежной системы в рамках одновременности противопоставление констатация времени – время совершения события нейтрализуется (*ночь – ночью, суббота – в субботу*), в связи с чем конструкция **Т.п. без предлога** может быть спутана с И.п. или с Р.п. без предлога (используется для уточнения времени (*утром*, но: *6 часов утра*, а не **6 часов утром*);

– если при обозначении времени события называется точная дата, порядковое числительное употребляется в **Р.п.**: *Пушкин родился шестого июня 1799-го года*. Эта ошибка встречается у ино-

странцев достаточно часто даже на продвинутом этапе. В болгарском языке при обозначении точной даты какого-то события используется предлог НА (*Пушкин е роден на 6 юни 1799 година*).

3. На уровне сочетаемости в пределах конструкций:

– в рамках одновременности при обозначении часового времени между часами и минутами в русском отсутствует какая-либо связка (точное время: *17 часов 45 минут*), в болгарском обязательно употребляется союз И (*17 часа и 45 минути*), в других временных конструкциях – в русском и болгарском отличается порядок слов: *без пети девет* (рус.) – *девет без пет* (болг.);

– при обозначении даты (число-месяц-год) порядковое числительное в болгарском дается в форме мужского рода, а не среднего, как в русском: *Пушкин е роден на шести юни 1799-та година* (буквально: «шестой июнь»), *Днес е първи май* (не первое мая, а буквально «первый май»);

– при обозначении только месяца или года в болгарском используется предлог *през*, а не В, как в русском (*в мае – през май*, буквально «в течение мая»);

Таким образом, мы видим, что главная оппозиция в системе временных отношений «одновременность – разновременность» существует как в русском, так и в болгарском языке, а расхождения касаются более мелких элементов значений.

Что касается пространственных отношений, то в самом общем виде, по определению М.В. Всеволодовой, это соположение в пространстве какого-либо предмета (действия (события), признака) и некоторого пространственного ориентира – локума. Локум – это пространство или предмет, относительно которого определяется местонахождение предмета (действия, признака) и характер их взаимоотношений (статический, динамический). Система пространственных значений в русском языке построена на бинарных оппозициях: сопостранственность – несопостранственность, заполненность – незаполненность пространства предметом (действием), статический – динамический характер отношений, трасса движения – один из пунктов движения [Всеволодова 2008: 10-15]. В процессе сопоставления нами были выявлены следующие основные различия между способами выражения пространственных отношений в болгарском и русском языках, эти расхождения проявляются также разных уровнях:

1. На уровне системы значений – отсутствие или несовпадение некоторых частных значений:

– например, транспортные средства, с точки зрения русского языка можно рассматривать как место, так и как способ передвижения, поэтому с ними употребляется несколько конструкций (*в самолете – на самолете – самолетом, с утренним поездом*), в болгарском же транспорт – это в основном способ, инструмент (*пътувам със самолет*), поэтому в русском языке болгары чаще будут использовать инструментальную форму (Т.п. без предлога: *еду поездом*), тогда как более частотной в русском является конструкция на + П.п. (*на поезде*);

– в русском в рамках несопротранственности имеется значение “старт” (если предмет сориентирован к одной из сторон локума), выражаемое предлогами **из-за** и **из-под** (*из-под стола*), в системе пространственных отношений болгарского языка такое значение отсутствует;

– значение русских предлогов **вверху, наверху + Р.п.**, которые имеют дополнительную сему “высота”, а также **поверх+Р.п.** (который имеет сему “послойное расположение”) не совпадает со значением болгарского предлога **върху**, который совпадает по значению с предлогом **на** (*Книгата е на масата = Книгата е върху масата*).

– значение русского предлога **около (= рядом – близость предмета к локуму)** не совпадает со значением болгарского предлога **около**, так как он осложнен семой “окружение локума” и соответствует русскому предлогу **вокруг** (*студията е около масата – столовете са около масата*). Осложненность семой “окружение локума” выражается формой **вокруг + Р.п.** Наличие нескольких конструкций, обозначающих близость предмета и локума – особенность русского языка.

2. На уровне типов оппозиций или наличия оппозиций отметим следующие расхождения:

– в болгарском, в отличие от русского, не дифференцированы значения «место расположения предмета» и «направление» (т.е. отсутствует оппозиция статический – динамический характер отношений локума и предмета как в рамках сопротранственности, так и в рамках несопротранственности: *поехать за город и быть за городом – извън града; я был у врача, пошел к врачу – при лекаря; зайти за угол, находиться за углом – зад ъгъла*). Отсюда

частотные ошибки носителей болгарского (и других европейских языков) – неразличение где? и куда? (*я иду в библиотеке, *я занимаюсь в библиотеку), на которые необходимо обратить особое внимание. В болгарском данное противопоставление обнаруживается только в рамках несопричастности, когда предмет расположен по бокам от локума. Статический характер отношений выражается конструкцией **слева от+Р.п., справа от +Р.п.** – *отляво от, отдясно от*, а динамический – **вправо от + Р.п., влево от + Р.п.** – *наляво от, надясно от*.

3. На уровне сочетаемости в пределах конструкций:

– в первую очередь, эти различия касаются употребления предлогов В и НА (общая и конкретная сопричастность). Закрепленное употребление этих предлогов в двух языках различается. Ср: названия стран (*в/на Украине – в Украйна, на Кипре – в Кипър, на кухне – в кухнята* (есть внутренний объем), *на кафедре – в катедрата*, в деревне – *на село*; но: иду в школу, на работу, в кино – *отивам на работа, на училище, на кино*). В болгарском возможно употребление в подобных словосочетаниях предлога В (*отивам в офиса, отивам в училището, отивам в киното*), однако смена предлога существенно отражается на значении: в первом случае значение более абстрактно (*отивам+НА работа, училище, кино*), т.е. говорящий подчеркивает, что отправляется работать/учиться/смотреть кино, во втором же случае (*отивам+В офиса, училището, киното*) значение более конкретно, говорящий подчеркивает, что отправляется, скорее, в конкретное здание. В русском подобная разница в значениях отсутствует.

– если предмет находится у какого-либо одушевленного лица (т.е. локумом является лицо), используется конструкция **у + Р.п.** (*у меня, у брата*). Болгарская конструкция: и с одушевленными, и с неодушевленными именами может использоваться предлог В, ср: *книга в столе – книгата е в чекмеджето, книга у меня – книгата ти е в мене* (разг.). Это также может служить причиной ошибок. При выражении динамического характера отношений (локум – лицо) в русском используется конструкция **к+Д.п.** (*иду к Ивану*), а в болгарском – помимо предлога КЪМ, используются ПРИ и У (используемый в русском для выражения статического характера отношений: *книга у меня*), при этом между данными предлогами существует разница: *отивам към Иван* (иду в на-

правлении Ивана или его дома), *отивам при Иван* (к Ивану), *отивам у Иван* (в его дом);

– при обозначении точного расстояния объекта до локума (в рамках несопротранственности) в болгарском используется конструкция *НА ... км от* (тогда как в русском – *В ... километрах от...*, *НА расстоянии ... километров от...*). При этом в русском приблизительность расстояния возможно выразить инверсией (*метрах в двух от...*), в болгарском перестановка членов именной группы невозможна;

– многочисленные синонимичные и часто взаимозаменяемые предлоги в русском языке имеют, как правило, один болгарский аналог (*у, около, возле, рядом с, под Москвой = до; перед, впереди = пред; напротив, против, навстречу = срещу*).

Таким образом, мы видим, что расхождения касаются как главных оппозиций в системе пространственных отношений, так и мелких элементов значения. Если противопоставление «сопротранственность – несопротранственность» и в русском, и в болгарском языке можно обнаружить, то значения «статика – динамика» («покой» и «направление») в болгарском языке не дифференцированы.

Итак, наиболее существенными различиями в системах значений и способах их выражения в двух языках являются: аналитизм болгарского языка (выражение падежных отношений только с помощью предлогов, и по этой причине основным объектом нашего рассмотрения стали именно предложно-падежные конструкции русского языка), а также отсутствие в болгарском языке на грамматическом уровне противопоставления «время» – «время события» и «место» – «направление». Для правильного употребления конструкций, связанных с выражением времени и пространства в русском языке, иностранец должен иметь представление о том, как устроены данные функционально-семантические поля. Именно данные расхождения между русской и болгарской системой значений и являются причинами наиболее частотных ошибок в речи носителей болгарского языка, и при работе с ними необходимо обращать особое внимание на эти моменты.

Литература

- Бабов К. Проблемы интерференции в процессе обучения русскому языку в болгарской школе. София, 1974.
- Битехтина Г.А., Луцкая Н.Н. Предложное и беспредложное управление в русском языке. Практическое пособие для студентов-болгар. М., 1960.
- Владимирский Е.Ю. Корректировочный курс русского языка для преподавателей-русистов из Народной Республики Болгария. М., 1981
- Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 2008
- Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975.
- Иванова Т.С. Выражение временных отношений в русском языке (на фоне болгарского языка). Шумен, 1998.
- Книга о грамматике. Под ред. А.В. Величко. М., 2009.
- Попов К. Типичные для болгар трудности в русском языке. М., 1982.

The article presents the means of expressing temporal and spatial relations in the Russian language in contrast with the means of expressing these types of relations in the Bulgarian language. This helps to reveal the causes of the most common errors that Bulgarian speakers make in the process of learning Russian as a foreign language.

Keywords: *Russian as a Foreign Language (RFL), contrastive analysis, Bulgarian language, temporal relations, spatial relations.*

КАТЕГОРИЯ СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ: ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ И ТЕЛОДВИЖЕНИЯХ¹

Анализ телодвижений, используемых говорящим во время описания определённых способов действия (далее – СД), может оказать помощь в преподавании СД иностранным студентам. Сравнительное и сопоставительное описание значений СД и соответствующих им телодвижений, используемых русскоязычными говорящими, обладающими и не обладающими филологическим образованием, может выявить связь между формами и значениями СД и их ментальным представлением.

Ключевые слова: способ глагольного действия, наивная дефиниция, представление, слово-стимул, слово-реакция, телодвижения.

Категория способа глагольного действия (СД) отражается в сознании русскоговорящих как на внутриязыковом, так и на внеязыковом уровне. На внутриязыковом уровне она получает морфосемантический статус, так как в семантику глагольной основы посредством использования ограниченного набора приставок и приставочно-суффиксальных структур вносится дополнительное специализированно-результативное, фазовое или количественно-временное значение. В данной статье мы будем опираться на российскую классификацию способов действия («московская традиция») [Рассудова 1968, Петрухина 2000, Зализняк 2000, Шмелев 2000]. Не менее важными считаются в научной литературе классификация Исаченко [Исаченко 1960] и классификация представителей «ленинградско-петербургской традиции», в первую очередь, А.В. Бондарко [Бондарко 1967 и Бондарко 2000]. На внеязыковом уровне эти категориальные смыслы могут проявляться в значимых телодвижениях (*body language*, далее – *жесты*), т.е. разных формах телесных движений, которые могут сопровождать речевое сообщение говорящего. Исследования жестов, разработка методики их описания велись такими учёными как Крейдлин [Крейдлин, Григорьева 2001] и Акишина [Акишина, Кано, Акишина 1991]. Так было отмечено, что, когда говорящий, участвуя в коммуникации, использует в своей речи глаго-

¹ Я хочу выразить свою благодарность всем участникам эксперимента, без помощи которых я не смог бы написать данную статью. Также сердечно благодарю доцента И.В. Ружицкого за данные во время работы советы.

лы определённого СД, эта категория может приобретать и четкую, наблюдаемую физическую реальность. При использовании жестов говорящий получает возможность дублировать и усиливать семантические характеристики действия, передаваемые в русском языке морфологическими структурами СД. Это особенно важно тогда, когда русскоговорящий принимает участие в коммуникации с иностранцами, так как дублирование словесного выражения значения СД жестами может лучше подчеркнуть или уточнить смыслы, передаваемые глагольной формой или всем предложением в целом.

Категория СД связана с набором семантических оттенков, которые могут быть реализованы как в разговорной речи, так и в языке художественной литературы [Исаченко 1960: 224–293, 296]. При этом конкретное, активное или, наоборот, редкое использование средств выражения способов действия носителями русского языка зависит от социальных факторов, таких как уровень образования, тип образования, вид работы, возраст, социальное происхождение и т.п. Кроме этого, важно отметить, что категория СД не проявляется в языках других языковых групп на уровне морфологии в той же степени, что и в славянских языках. В некоторых языках она передаётся только в форме стереотипных выражений, фразеологизмов или совсем не проявляется формально. Данное положение дел привело к тому, что категория СД рядом исследователей стала считаться этнокатегорией.

Цель и задачи исследования. Цель работы - выяснить, существует ли связь между семантическим содержанием СД и его жестовым представлением и возможен ли учёт такого жестового представления при преподавании темы «Формы и значения СД» иностранцам. В связи с этим ставятся следующие задачи:

1. проверить, действительно ли носитель русского языка признает и активно употребляет морфологические структуры, образованные приставочно-постфиксальным способом, и их соотносительные значения, которые современная русская грамматика приписывает категории СД. Здесь анализируются следующие структуры СД : *на-...-ся*, *раз-...-ся*;
2. определить, можно ли приписывать общие семантические и жестовые представления приставочно-постфиксальным структурам СД *на-...-ся*, *раз-...-ся*;
3. доказать, что категория СД – *этнокатегория*, т.е. специфическая лингвистическая категория русского языка как одного из славянских языков, так как она не может передаваться морфологическими сред-

ствами в языках других групп в той же мере, что и в русском. В связи с этим в настоящем исследовании будет проведено сопоставление между русскими формами и выражениями СД и их семантическими и формальными эквивалентами в итальянском языке.

Решение поставленных здесь задач базируется на проведении оригинального эксперимента.

Участники эксперимента – 3 категории респондентов: во-первых, 5 студентов с филологическим образованием (Анна – 20 лет, Иван – 20 лет, Владимир – 20 лет, Надя – 20 лет, Настя – 18 лет). Все 5 учатся в РГГУ. Во-вторых, 3 человека, не имеющих филологического образования (Александр – 55 лет, Николай – 59 лет, Павел – 56 лет). Павел имеет высшее техническое образование, а Александр хорошо владеет немецким языком. В-третьих, в эксперименте приняли участие 2 итальянских аспиранта с филологическим образованием, которые посещают в МГУ курсы русского языка как иностранного. Учитывая небольшое количество участников эксперимента, мы не претендуем на абсолютную однозначность наших выводов.

Материалы эксперимента – чтобы проверить, существует ли связь между глаголами, относимыми к определённому СД, и их основой, был составлен список глаголов приставочно-постфиксальных структур: *на-ся* и *раз-ся*. Если респондент не признает данную форму как действительно присутствующую в русском языке, то ему предлагается тот же самый глагол, но без префикса или постфикса – *ся*. Приставочно-постфиксальные формы, рассмотренные здесь, являются производными от 4 глагольных основ – *бегать*, *гореть*, *смотреть*, *петь*. Данные глагольные основы являются семантически простыми в своих денотативных значениях. Выбор именно этих глаголов определяется предполагаемой возможностью соотнесения их простого значения с элементарными жестами. В итоге респонденту будут представлены 4 исходные бесприставочные формы и 8 производных от них глаголов.

Ход эксперимента – эксперимент можно разделить на две части. Первая часть – это лингвистическое описание респондентами глаголов с *на—ся*, *раз-ся* посредством дефиниций; вторая – лингвистическое описание тех же самых глаголов через характеристику жестов.

А) Первая часть – задавая *слово-стимул* (глагол в инфинитивной форме - и в бесприставочном, и в приставочно-постфиксальном употреблении), от респондента требуют, чтобы он описал значение данного *слова-стимула* словами или примерами (*слово-реакция*;

*наивная дефиниция*²). Определение значения глагола со стороны респондента начинается с простого глагола (бегать) и продолжается двумя его производными приставочно-постфиксальными формами (набегаться, разбегаться).

Формы и значения глаголов, активно употребляемых респондентом, могут в некоторых случаях или семантических оттенках не вполне совпадать с их словарными значениями из-за таких факторов, как разный уровень образования респондентов, тип образования, использование глаголов в речевой ситуации и т.д. Поэтому мы сопоставляем признанные респондентами формы (и их содержание) с теми, что присутствуют в словаре кодифицированного русского языка «Словарь русского языка в четырёх томах (МАС)». Наличие форм в словаре, при соотносительном их отсутствии в наивной дефиниции респондента (который может объяснять такое отсутствие замечаниями вроде «редкая форма», «странная форма» или даже «несуществующая форма в стандартном русском языке») может указывать и на невысокую частотность употребления данной формы, и на невысокую языковую компетенцию респондента. Таким образом, можно противопоставить общезыковое словоупотребление глагола (указанное в словаре) индивидуальному словоупотреблению конкретного респондента (отражённому в наивной дефиниции).

Анализ научного материала. Предварительный взгляд на разные типы респондентов и на неоднородность возможного осуществления наивных дефиниций приводит к необходимости признать некий произвольный критерий описания собранных данных. Ввиду того, что наивные дефиниции респондентов с филологическим образованием (далее – филологи) и без филологического образования (далее – нефилологи) могут осуществляться в форме единичных слов, устойчивых словосочетаний, целых предложений или примеров, нужно применять 2 типа определяющих дефиниции критериев: а) прямой критерий: значения и типы СД глаголов будут определяться непосредственно выражениями наивных дефиниций респондентов. В этом случае наивные дефиниции считаются сами по себе синтетическими и вполне способными свести весь свой смысл к одному определённом чёткому семантическому представлению. Например, если в наивной дефиниции встречаются выражения типа – “устать”, “до усталости”, “сил нет», то они считаются тремя проявлениями одного

²Данный тип лингвистического явления был предметом исследования Л.В. Щербы, когда он создавал свою типологическую классификацию словарей, пользуясь разными типами словарных определений [Щерба 1974: 265–304].

и того же представления – <устать>. б) интерпретационный критерий: наивные дефиниции состоят из целых предложений или примеров. Здесь требуется толкование их семантического содержания, чтобы дойти до одного определённого семантического представления. Например, предложения типа «слишком увлечься, бегая» или такие примеры, как «Я так напелся, что сорвал голос» считаются случаями того же представления – <устать>. Более частотные проявления того же семантического представления для глаголов определённого СД оцениваются как более типичные. Процедура повторяется при анализе наивных дефиниций итальянских респондентов.

Б) Вторая часть – После того, как респонденты описали значение глагола словами, примерами или предложениями, их просят показать жестами значения тех же самых глагольных форм. Жестовое представление воспроизводится в данном докладе с помощью рисунков, которые воспроизводят жестикуляцию респондентов. Анализ представления жестов позволяет выделить и объединить сходные между собой жесты с целью определить, существуют ли общие жесты для одной определённой морфологической структуры СД и для её соотносительного значения.

Анализ научного материала. Чтобы создать общее представление о жестах для одного определённого значения и соответствующей ему морфологической структуры СД, рассмотрение данных будет основываться на критерии зрительного сходства движений и жестов и одновременно на выводах, сделанных в первой части анализа. Как и в первой части анализа, возможность выделить повторение похожих жестов в представлениях филологов и нефилологов по отношению к глаголам одного определённого СД позволяет установить (на основе частотности), существуют ли жесты, которые являются типичными для одного СД на внеязыковом, пространственно-зрительном уровне. Анализ жестов может выявить случаи, когда наивная дефиниция респондентов, которая рассматривается в первой части анализа, оказалась бы не вполне ясной для самого респондента. Процедура рассмотрения представления глаголов жестами происходит так же, как и в первой части анализа.

Анализ полученных результатов. Анализ полученных наивных дефиниций показывается отдельно в таблице 1; жестовое отражение – в таблице 2. Из-за того, что объем данной статьи не позволяет показать все данные, они приводятся здесь уже в качестве общих семантических и жестовых представлений. Список всех наивных дефиниций респондентов приводится в Приложении 1.

Таблица 1 - Частотные представления в наивных дефинициях

Глаголы сатуративного СД *на-...-ся* (набегаться, *нагореться, насмотреться, напиться):

	<i>набегаться</i>	* <i>нагореться</i>	<i>насмотреться</i>	<i>напиться</i>	господствующее семант. предств.
Филологи	<устать>(3/5); <устать+много>(1/5); <достаточно>(1/5)	<надоело>(1/2) ¹ <устать>(1/2)	<достаточно>(3/5); <надоело>(2/5);	<устать> (2/5) <устать+достаточно>(1/5); <некоторое время+ достаточно>(1/5); <некоторое время+перестать>(1/5).	<устать>(8/17)<достаточно>(6/17)
Нефилологи	<устать>: (3/3)	<до конца>(1/1) ²	<повторение действия>(2/3) ³ ; <устать>(1/3)	<вдоволь>(2/3); <устать>(1/3)	<устать> (5/10) <повторение действия>(2/10)<вдоволь>(2/10)
Словарь	<устать>: (1/2);<вдоволь + на некоторое время>(1/2)	нет	<повторение действия>(1/2); <вдоволь>(1/2)	<вдоволь + на некоторое время>(1/1).	<вдоволь>(3/5) <вдоволь + на некоторое время>(2/5).
Итальянцы	<i>Sfiancarsi col correre</i> <устать>: (1/2); <i>Ho corso troppo e sono sfinita</i> <устать+много>(1/2)	нет	<i>'Non avere più voglia di guardare'</i> <надоело>(2/2+1); <i>Averne fin troppo di guardare</i> <надоело + слишком много>(1/2+1)	<i>'Cantar troppo. Non aver più voglia di cantare'</i> <надоело+слишком много>(2/2)	<надоело+слишком много> (3/7) <надоело> (2/7)

Глаголы интенсивно-результативного СД *раз-...-ся*: разбегаться, разгореться, распеться:

	<i>разбегаться</i>	<i>разгореться</i>	* <i>рассмотреть</i>	<i>распеться</i>	господствующее сем. предств.
Филологи	<Начать + больше и больше>(2/5) <Начать +много> (2/5) <Много+ увлечься>(1/5)	<Начать> (1/5) < Начать +Больше и больше> (3/5) ⁴ <Больше и больше>(1/5)	<посмотреть в деталь, внимательно >(3/5+1); <изучать взглядом >(2/5+1)	<Начать>(1/5+1) <Начать+ увлекся >(2/5+1) < Начать+ больше и больше>(3/5+1)	<Начать>(12/15+1) <Больше и больше> (8/16)
Нефилологи	<Начать + больше и больше>(1/3+1) ⁵ <Начать +много> (3/3+1) ⁶	<Начать> (1/3) < Начать +Больше и больше> (2/3)	<посмотреть в деталь, внимательно >(3/3);	< Начать+ больше и больше>(4/3+1) ⁷	<Начать+Больше и больше> (7/11) <Начать +много> (3/11)
Словарь	< Начать +Больше и больше>(1/1)	< Начать +Больше и больше>(1/2) <Начать +много>(1/2) ⁸	<посмотреть в деталь, внимательно >(1/1);	<Начать+ увлекся >(1/1+1) < Начать+ больше и больше>(1/1+1)	<Начать+Больше и больше> (3/4)
Итальянцы	<i>'mettersi a/ iniziare a correre come un matto'</i> <Начать +вдруг+ Больше и больше >(2/2+1) <i>'aumentare la corsa per riscaldarsi'</i> <Больше и больше>(1/2+1)	<i>'scoppiare' (o pungere, scoppa)</i> <Начать+вдруг+Больше и больше >(1/2+2) <i>'iniziare a far più luce; si infiamma il giorno'</i> <Начать+Больше и больше>(2/2+2)	<i>'guardare con attenzione, in cerca di un particolare'</i> <посмотреть в деталь, внимательно >(2/2);	<i>'cantare a squarciagola'</i> <Начать+вдруг+Больше и больше>(2/2+2) <i>'riscaldare la voce'</i> < Больше и больше>(2/2+2)	<Начать+вдруг+ Больше и больше>(5/11) < Больше и больше>(5/11)

¹ глагол *нагореться: только 2 респондента из 5 попытались объяснить его значение наивной дефиницией

² глагол *нагореться: только 1 респондент из 3 попытался объяснить его значение наивной дефиницией

³ Нужно отметить, что только нефилологи дали дефиниции и представления для положительной оценки сатуративного СД - <повторение действия>, без негативных последствий, а просто как повторение действия в соответствии с неопределённым числом повторов самого действия или с неопределённым числом наблюдаемых объектов.

⁴ 1 респондент употребляет слово *активно*. 1 употребляет слово *хорошо*.

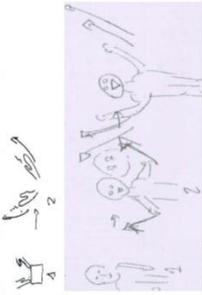
⁵ При использовании указания 3+1 отмечается, что один из 3 респондентов предоставил 2 ответа для того же глагола.

⁶ 1 респондент употребляет слово *активно*. 1 употребляет слово *хорошо*.

⁷ 1 респондент употребляет слово *активно*. 1 употребляет слово *хорошо*.

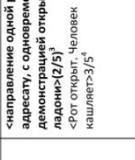
⁸ В словаре употребляется слово *хорошо*.

Глаголы интенсивно-результативного СД: **раз-...-ся-** Частотные представления в жестах

	разбегаться	разгоряться	*рассмотреть	растаться	господствующие жестовые представления
Фило логи	<Убыстренное постепенно движение рук вверх и вниз + тело склоняется вперед>(3/5) <Убыстренное постепенно движение рук вверх и вниз + тело поворачивается >(2/5)	< руки указывают на узкое пространство, потом они быстро поднимаются вверх, отдаляясь друг от друга>(4/5) <быстрое движение пальцев одной руки>(1/5)	Рука движается кругом, показывая объект. Голова движется вместе с объектом (5/5)	<Рот открыт +одна или две руки быстро поднимаются выше и выше в разных направлениях>(3 /5) <Рот открывается больше и больше>(2/5)	господствующие жестовые представления <руки быстро поднимают вверх, отдаляясь друг от друга. Или одна рука направлена вверх, и потом она может двигаться кругом>(7/15)
Нефило логи	< Убыстренное постепенно движение рук вверх и вниз + тело склоняется вперед>(3/3)	<руки указывают на узкое пространство, потом они быстро поднимаются вверх, отдаляясь друг от друга>(2/3)	Пристальный взгляд и палец одной руки направлены к одной определённой точке(3/3)	<Рот открыт -руки быстро поднимаются выше и выше, отдаляясь друг от друга>(1/3) <Рот открывается больше и больше. Голова может двигаться из стороны в сторону>(2/3)	<руки быстро поднимают вверх, отдаляясь друг от друга или одна рука направлена вверх, может двигаться кругом>(6/9)
Итальян цы	< Убыстренное постепенно движение рук вверх и вниз + тело склоняется вперед>(2/2)	<руки указывают на узкое пространство, потом они быстро поднимаются вверх, отдаляясь друг от друга>(2/2)	Пристальные смотрящие глаза и палец одной руки направлены к одной определённой точке(2/2)	<Рот открыт + вытянутые руки быстро поднима- ются выше и выше, отдаляясь друг от друга>(2/2) <Рот открывается больше и больше. Голова может двигаться из стороны в сторону>(2/2)	<руки быстро поднимают вверх, отдаляясь одна от другой(6/6)

⁵ 1 респондент показал вращающуюся руку.

Глаголы сатуративного СД: **ИИ**-...-**ИЯ** - Частотные представления в жестях

	*нагореться	насмотреться	напестыся	господствующее жестовое представление
Фило-логи	<p>набегаться</p> <p><втырание лба рукой + направление одной руки к адресу с одновременной демонстрацией открытой ладони>(2/5); <руку подняли вверх и оставили на лбу>(2/5);</p>	<p>*нагореться</p> <p><руками имитируется разгорание вверх пламени и, после этого, может изображаться и его поспешное и быстрое угасание >(3/5) <движение пальцев быстрее и быстрее>(1/5)</p>	<p>насмотреться</p> <p><направление одной руки к адресу, с одновременной демонстрацией открытой ладони>(2/5) <рот открыт, человек кашляет>(3/5)</p>	
Нефи-логоти	<p><проводит рукой горизонтально по шее>(1/3). < Руки поднимают вверх, разводят в стороны. Потом голова и тело склоняются вниз>(2/3).</p>	<p>Руки показывают на копыто по бокам фонаря(1/1)</p>	<p><рука движется горизонтально по шее или подносится к горлу>(2/3). < подносит руку к горлу>(1/3).</p>	<p>10/20: <направление одной руки к адресу, с одновременной демонстрацией открытой ладони></p>
Итальян-цы	<p>Руки поднимают вверх, разводят в стороны. Потом голова и тело склоняются вниз(2/2)</p>	<p>Нет</p>	<p>Руки поднимают вверх, разводят в стороны(2/2)</p>	<p>1 рука указывает на предмет, говорящий смотрит на него, качая головой из стороны в сторону (2/10)</p> <p>2 <спроводит рукой по шее или подносит руку к горлу>(4/10). < Руки поднимают вверх, разводят в стороны. Потом голова и тело могут склоняться вниз>(4/6)</p>

¹ респондент быстро подняла руки вверх и скрестила их перед головой.

² 1 респондент поднимает обе руки ко лбу, чтобы закрыть ими глаза.

³ 1 респондент подчёркивает то, что рука движется горизонтально по лбу.

⁴ 1 респондент подчёркивает то, что она дует из-за того, что она наддела ситуация.

Выводы: в нашем эксперименте наблюдаются следующие факты:

I. В первой части эксперимента, как уже говорилось, от респондентов требуется описать значения слов-стимулов словами или примерами (т.е. наивными дефинициями). Русские респонденты-филологи почти во всех случаях используют лингвистическую научную терминологию и устойчивые выражения, чтобы определить значения структур СД. В отличие от них, респонденты-нефилологи, имея в силу полученного образования меньше склонности к лингвистическому анализу языковых явлений, используют почти во всех случаях явные примеры, связанные с бытовыми ситуациями. Из этого следует, что филологи применяли почти всегда прямой критерий обозначения данных и чтобы определить их семантическое представление о глаголах определённой структуры СД, можно опираться непосредственно на их дефиниции. Нефилологи же применяли почти всегда интерпретационный критерий, т.е., нужно прежде всего ясно понять значение их примеров перед тем, как описывать их семантические представления о данной структуре СД. Оба эти критерия нужны для анализа данных итальянских респондентов, которые, чтобы перевести значения, передаваемые СД, с русского в итальянский язык, опирались почти исключительно на наречия, устойчивые выражения, фразеологизмы или несвободные словосочетания. Эксперимент такого рода помогает уточнить и конкретизировать семантические структуры данных глаголов. Эти положения могут быть использованы в толковых словарях и в дидактике.

II. Соотнося наивные дефиниции семантики глаголов определённого СД с описанием соответствующих им жестов, можно вывести следующие корреляции:

1. Глаголы с *на-...-ся* в научной литературе обозначаются термином *сатуративный СД* со значением «действие производилось до полного насыщения или даже пресыщения» [см. Зализняк, Шмелёв 2000: 116]. В нашем эксперименте показано, что данные глаголы в наивных дефинициях русских респондентов чаще всего связываются с семантическим значением «устать», в отличие от словарных дефиниций, где встречается прежде всего значение «вдоволь». Оба значения можно свести к общему ментальному представлению о постепенном квантитативном, физическом нарастании интенсивности положения дел, выраженного семантической базовой глагола. Чаще всего в нашем эксперименте это оз-

начает отрицательное отношение респондента к данной ситуации, выраженное филологами такими словами как «устать», «достаточно», «хватит», и нефилологами – такими словами как «нет сил», «досыта», «до упаду». Это отражается в жестовом представлении русских респондентов. Например, отвечавшие могли показать открытую ладонь одной руки адресату, наложить ладонь на лоб, поднести руки к горлу. В наивных дефинициях нефилологов наблюдаются два примера (это ответы двух разных респондентов), связанные с положительным значением структуры **на-...ся**: накоплением реализаций действия базового глагола до высокой меры их количества. Тем не менее, в отличие от других случаев, здесь, при всей важности контекста, отсутствуют значения «устать, досыта». Жестом, который отражает это значение, может быть повторный поворот головы к наблюдаемому предмету, причём пристальный взгляд всегда сосредоточен на предмете. Особенно значительным кажется этот жест тогда, когда он сопровождается указанием рукой на наблюдаемый предмет.

2. Глаголы с **раз-...-ся** в научной литературе классифицируются как реализующие интенсивно-результативный СД и обозначающие «конечную фазу постепенного нарастания интенсивности действия, и, как следствие, достижение высокой реализации некоторого состояния»[см. Зализняк, Шмелёв 2000: 118]. Глаголы с **раз-...-ся**, в нашем эксперименте, если опираться на дефиниции респондентов, прежде всего связываются с семантикой «начинается и развивается всё больше и больше». Это отражается и в словарных дефинициях. Значение начала действия проявляется в таких обозначениях филологов, как «начать» (в большинстве случаев) и «затем»; вторая часть этого значения, «больше и больше» – в усилительных выражениях вроде «всё больше и больше, сильнее и сильнее» или с наречием «хорошо». В ответах нефилологов мы находим значение начала и продолжения действия: «Вначале... потом» (1 случай), выражение «как сумасшедшие», форму «успевают». Значение постепенного нарастания интенсивности развёртывания действия отражается в выражении «как «сумасшедшие», «тихо, тихо и потом громко», «с большой скоростью», «... потом мощно». Всё это может привести к тому, что в нашем эксперименте респонденты могут отражать ментальное представление о действии, которое сразу с самого начала становится постепенно сильнее, интенсивнее, но без определённого предела в своём распределении в пространстве. Это пред-

ставление сохраняется и особенно подчёркивается жестами респондентов: (руками) 1. обе руки направлены в одну точку и потом быстро поднимаются вверх, отдаляясь друг от друга; во время движения вверх они занимают таким образом больше места. 2. одна рука направлена вверх и потом повторяет движение вокруг, впереди тела респондента; поворот головы слева направо (или наоборот). Создаётся представление о том, что это интенсивное движение от исходного пункта в разных направлениях.

3. В итальянском языке для того, чтобы выразить те значения, которые в русском языке могут передаваться структурами СД, невозможно опереться на словообразовательные средства (кроме немногочисленных случаев вроде *arrossire* (начать краснеть) *infiammarsi* (начать быстро и сильно гореть), а только на устойчивые выражения, фразеологизмы или на целые предложения. Поэтому жестикуляция может помочь преподавателям при обучении итальянцев значениям СД. Наблюдения показали, что многие жесты, которые русские респонденты показывали в ходе эксперимента, использовались и самими итальянцами для того, чтобы объяснить значения переводов на итальянский язык форм СД: при глаголах с структурой на-...-ся: Открытая ладонь на лбу, разведённые в стороны или опущенные руки (при выражении усталости или смысла `надоело`); при глаголах со структурой раз-...-ся: 1. руки, направленные в одну точку и потом быстро поднимающиеся вверх, отдаляющиеся друг от друга, во время движения вверх, занимающие таким образом больше места. 2. слегка поднятые вытянутые перед говорящим руки; рот при этом раскрывается всё больше и больше до максимума. Таким образом, оказывается, что применение жестов в передаче информации может оказать помощь при преподавании русского языка иностранцам.

4. Жесты были нужны в данном эксперименте для того, чтобы лучше понять обозначения русских респондентов и чтобы показать значение категорий СД тогда, когда формы в словаре нет: ***нагореться** – только 2 филолога попытались придать значение этой не существующей в русском языке форме словами и жестами. Ещё двое – только жестами. При описании действия словами 1 респондент указывал на обязательность употребления глаголов **на-...-ся** при представлении «действие надоело»; другой использовал обозначение «устал гореть». При анализе представления действия жестами можно опираться на большее количество данных: первые 2 респондента показали один и тот же жест: руки

направили вверх, и по мере того как они поднимались, они отдалялись друг от друга. Потом они руки бросили вниз, сближая одну с другой, потом быстро положили их на стол, стуча по нему ладонями. Этот жест может интерпретироваться как выражающий достижение максимальной степени горения, после чего процесс горения подходит к концу. Другие 2 респондента, которые не передавали значение глагола словами, показали действие данным жестом: респондент быстро шевелил пальцами одной руки и одновременно слегка поднимал ее. Один респондент подняла быстро руки и скрестила их перед головой. Руки, может быть, показали как бы защиту от огня, ввиду того, что огонь стал слишком сильным. Оба представления жестами, может быть, изображают представление об усиливающейся интенсивности горения, но последнее из них проясняется как очень близкое по способу изображения жестами, и, следовательно, по значению, к представлению первых двух респондентов. Среди респондентов-нефилологов только один попробовал описать значение глагола, связывая его с процессом горения свечей «Свечи могут *нагореться до копоти». Показывая жест, он изобразил один воображаемый фонарь, где процесс горения длится до того, когда фонарь больше не светит. Из-за того, что всё пришло к концу, на месте света, на боковых сторонах фонаря, остаётся только чёрная копоть. Снова оправдывается представление о наиболее высокой степени горения, после чего процесс горения приходит к концу. Последнее представление считается, таким образом, господствующим среди русских респондентов для несуществующего в русском языке глагола *нагореться.

Литература

- Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е., «Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь», М., 1991.
- Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол, Л., 1967.
- Бондарко А.В. Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. Типы функционирования грамматических категорий, СПб., 2000.
- Зализняк Анна А. / Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию, М., 2000.
- Исаченко А.В. Грамматической строй русского языка. Морфология, Т.2, Братислава, 1960.
- Крейдлин Г. Э., Григорьева С. А. Словарь языка русских жестов. М., Вена, 2001.

Петрухина Е. В. Русский глагол: категория вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). Учебное пособие. М., 2009.
Рассудова О. П. Использование видов глагола в русском языке. М., 1968.
Словарь Русского Языка в 4-х томах (Малый академический словарь, МАС), под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999.
Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.

Приложение 1.

Наивные дефиниции “филологов”:

- Бегать: 1. Ускоренно идти; 2. Ускоренно передвигаться в пространстве; 3. Быстро двигать мускулы ног; 4. Быстро ходить; 5. Бежать, нестись.
- **Набегаться:** 1. Много побегать и устать; 2. Бегать и устать; 3. Завершить беговое состояние, усталость; 4. Побегать достаточно; 5. Устать.
- **Разбегаться:** 1. Начать много бегать; 2. Бежать медленно, затем – ускоряясь; 3. Начать бегать после тренировки, больше скорости; 4. Слишком увлечься, бегая; 5. Начать бежать, чтобы потом быть в форме.
- Гореть: 1. Выделять свет и тепло; 2. Быть подождённым; 3. Быть в огне; 4. Бумага горит; 5. Быть объятым пламенем.
- **Нагореться:** Не существует для всех; 1. Надоело; 2. Устать гореть.
- **Разгореться:** 1. Когда что-то горит сильнее; 2. Когда пламя, может, дрова подождли, становится всё сильнее; 3. Начать гореть; 4. Пламя разгорается. То есть пламя начинает гореть, дрова начинают активно гореть; 5. Начать хорошо гореть, что-то сперва загорается, потом разгорается. В самом разгаре.
- Смотреть: 1. Использовать глаза; 2. Изучать объект, используя зрительные функции; 3. Смотреть в глаза; 4. Наблюдать что-то; 5. Получить информации, используя глаза.
- **Насмотреться:** 1. Смотреть, смотреть и достаточно; 2. «Я насмотрелся на ваш сериал». Составить вывод об объекте, отвернуться; 3. Когда надоедает смотреть на что-то. Пример: Я насмотрелся на эту картину, пойду к следующей; 4. Закончить смотреть; 5. Посмотреть на что-то в достаточном количестве.
- **Рассмотреться:** 1. Не существует, <рассмотреть>: посмотреть в деталях (внимательно) объект; 2. Не существует, <рассмотреть>: изучить досконально, тщательно, системно, по пунктам; 3. Не существует, <рассмотреть>: Пример А: Рассмотреть дело, то есть ознакомиться с делом. Пример Б: Рассмотреть картину, то есть посмотреть картину в деталях, подробностях; 4. Не существует, <рассмотреть>: изучить взглядом; 5. Не существует, <рассмотреть>: посмотреть что-то внимательно, изучить внимательно.

- Петь: 1. Издавать мелодичные звуки; 2 – Издавать звуки, интонируя; 3. Петь песню; 4 .Издавать музыку голосом; 5 . Издавать мелодичные звуки.
- **Напеться:** 1. Петь, петь и закончить, потому что хватит; 2. Петь и остановиться по какой-то причине; 3. Нет определения; 4. Петь до усталости; 5. Устать от пения, петь достаточно.
- **Распеться:** 1. Петь, петь и войти во вкус; 2 . Используя академические навыки, расшевелиться (звукопроизводный); 3. А: Женя распелся. То есть Женя, поупражняв голос, начал петь чисто, красиво; Б: Женя распелся. Он увлекся пением, поет и не может остановиться; 4. Пропеть что-то перед пением; 5. Размять голосовые связки перед пением.

Наивные дефиниции “нефилологов”:

1. Бегать: 1.Я люблю бегать по утрам; 2. На 200 метров бежать; 3. Стрелка бежит, движется (о наручных часах).
 - **Набегаться:** 1. А: Набегаться до упаду (устать); Б: Набегаться до седьмого пота и принять душ (устать от занятий спортом); 2. Я набегался. Сил нету. Набегался и устал; 3. Я набегался по магазинам, нет сил.
 - **Разбегаться:** 1. На соревнованиях, перед стартом, нужно хорошо разбегаться, размяться, чтобы не было травм и показать хороший результат; 2. Перед соревнованием надо разбегаться, чтобы войти в форму, с большой скоростью; 3. А: Бегал еле-еле, с трудом. Он разбегался только к концу тренировки; Б: Разбегались как сумасшедшие (о детях).
2. Гореть: 1. С наступлением темноты на улицах начинают гореть фанари и рекламные огни; 2. Бумага может гореть пламенем; 3 . Достану зажигалку. Гореть ярким пламенем (перен.: крайняя степень возмущения).
 - ***Нагореться:** 1. Не уверен, существует ли этот глагол. Если существует, то он означал бы только – Свечи могут нагореться до копоти; 2. Не существует; 3. Не существует. Возможна только форма **нагореть** в неопределённом значении `электрический свет`. 100 киловатт мне нагорело. Мне нагорело 1000 рублей.
 - **Разгореться:** 1. Дрова в печке успевают разгореться за 10-15 минут; 2. Разгорелись угли в костре; 3. Костёр разгорелся. День, закат, цвет разгорелся. Вначале слегка, а потом мощно.
- Смотреть: 1. Я люблю смотреть по телевизору пляжный футбол; 2. Мы смотрели, как горит лампа, горит костёр; 3. Смотреть фильм, книгу.
 - **Насмотреться:** 1. Мне удалось вдоволь насмотреться на лыжников, летающих с трамплина на Воробьёвых горах. (Говорящий замечает, что лыжников должно быть обязательно много); 2 . Я так на-

смотрелся. Фильм прекрасный; 3. А . Каждый раз смотрю на эту фотографию и не могу насмотреться; Б. Я насмотрелся (о фильме).

- ***Рассмотреть**: 1. На рассвете мне удалось рассмотреть вдаль два стога сена; 2. А. Мы рассмотрели вопрос о проживании студентов; Б. Мы рассмотрели в кофте/ куртке дырочки; 3. А .Ты рассмотрела, какие у него красивые глаза?; Б. Рассмотреть документ (о бюрократии).

Петь: 1. Я начал петь ещё в детском садике; 2. Я люблю делать домашние задания и петь; 3. Петь песню.

- **Напеться**: 1. В армейские годы ему пришлось напеться досыта, так как он был запевалой во взводе; 2. Я так напелся, что сорвал голос; 3. Пел, пел, так и не напелся.
- **Распеться**: 1. Перед выступлением артистам эстрады полагаётся хорошо распеться; 2. Перед выступлением на сцене надо распеться. Артисту надо распеться; 3. А. (профессиональный термин) Певцы перед выступлением расппеваются; Б. Петь громко (тихо, тихо и потом громко распелся).

Наивные дефиниции итальянских респондентов:

- Бегать/*correre*: 1. *Correre senza una mèta precisa* (Бегать, не имея в виду конечного пункта, которого надо достичь); 2. *Correre di qua e di là* (Бегать туда и сюда, нет определённого конечного пункта);
 - **Набегаться**: 1. *Sfiancarsi col correre; essere sfinito_dopo una corsa* (У меня нет сил из-за бега); 2. *No corso troppo e sono sfinita* (Слишком много бегала и сейчас я без сил)
 - **Разбегаться**: 1. *Mettersi a correre come un matto* (Начать бегать всё быстрее и быстрее); 2. А. *Iniziare a correre come un matto* (Начать бегать как сумасшедший); Б. *Aumentare la corsa per "riscaldarsi"*(sport) (Бежать медленно, затем ускоряясь, перед соревнованием);
- Гореть: 1. *Bruciare; qualcosa ha preso fuoco e brucia* (Гореть; что-то начало гореть и ещё горит); 2. *Bruciare; sentir un forte calore col dito* (Гореть; чувствовать пальцами, что что-то издаёт сильное тепло).
 - **Нагореться** – не существует.
 - **Разгореться**: 1. А. *Scoppiare (per incendio, liti)* (Начать сильно гореть (о пожаре, ссорах); Б. *Arrossire (per guance; ecc..)* (Покраснеть (о щеках); 2. А . *La lampadina ha iniziato a far più luce* (Лампа стала светить всё сильнее и сильнее); Б. *Si infiamma il_giorno* (перен. Рассвет становится более и более светлым);
- Смотреть: 1. *Guardare*; 2. А. *Osservare*; Б. *Puntare gli occhi su un oggetto* (1.Смотреть; 2. А. Наблюдать; Б. Направить взгляд на один предмет).
 - **Насмотреться**: 1. *Non avere più voglia di guardare qualcosa* (Надоело кому-либо смотреть на что-либо); 2. *Averne fin troppo di*

guardare; 3. *Essersi stufata di guardare* (2. Смотреть на что-то, больше не терплю; 3. Мне смотреть что-то сильно надоело)

- **Рассмотреться:** Не существует как слова независимого. Нужен анализ <рассмотреть>: 1) *Guardare con attenzione in cerca di un particolare* (Наблюдать что-то со вниманием, в поисках чего-либо); 2) *Guardare la mappa di Mosca attentamente per orientarsi* (Смотреть карту Москвы, чтобы сориентироваться)
- Петь: 1. *cantare*; 2. *cantare*
- **Напеться:** 1. *Cantar troppo. Non averne più voglia.* (Петь слишком много. Больше не хочется); 2. *Cantare troppo, basta* (Петь слишком много и всё!)
- **Распеться:** 1. *Cantar a squarciagola* (Петь самым громким голосом); 2. *Prima di eseguire l'opera lirica ho "riscaldato" la voce* (Перед тем как исполнить лирическую песню, издавать звуки, чтобы тренировать голос).

The analysis of gestures of a speaker at the time of describing certain manners of verbal action can be useful for teaching these categories to foreign students. Comparative and contrastive description of the meanings of manners of verbal action and the gestures corresponding to them used by Russian speakers, philologists and others, can identify the relationship between the forms and meanings of manners of verbal action and their mental representation.

Keywords: *manner of verbal action, naive definition, mental representation, stimulus-word, response-word, gestures.*

МОДЕЛИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ: ВЫМЫШЛЕННЫЕ ЯЗЫКИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ ВИРТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются различные модели авторских вымышленных языков (конлангов), представленных в Интернете, как результат лингвоконструкторской деятельности профессиональных филологов и энтузиастов. Подчеркивается большая роль аналитической работы с авторскими вымышленными языками для студентов-филологов и, в частности, для иностранных студентов, изучающих русский язык, т.к. подобная работа с позволяет увидеть те структурно-семантические и коммуникативные возможности, которые заложены в языке вообще.

Ключевые слова: интернет-лингвистика, авторские вымышленные языки (ВЯ), лингвоконструирование, модели языков, проекты языков, сконструированные языки (конланги), конструкторы языков (конлангеры), априорный язык, апостериорный язык, языковая система.

1. *Алиса сидела со старшей сестрой на берегу и маялась: делать ей было совершенно нечего, а сидеть без дела, сами знаете, дело нелегкое; раз-другой она, правда, сунула нос в книгу, которую сестра читала, но там не оказалось ни картинок, ни стишков. «Кому нужны книжки без картинок или хоть стишков, не понимаю!» – думала Алиса.*

2. *Viat nârdjen Alîsa ghurim zaudenos zilnui hâloi shûmjên telor, orcenosta khauran saunæth; thovâlat dûlasain nârdû ra prôthû væn, do baugharat græn zilnas, mabarnaxa khôl gintûsan hum kanquilen hâchen væn; nhêrax' Alîsa: voirun târakhæ proth vârath, gintûsnos kanquilenûsta khoil?*

Так начинается сказка Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» в переводе на два чудесных языка:

наш родной, русский, на котором говорят более 250 млн. людей во всем мире, создана одна из величайших культур нашей планеты, тезаурус которого включает около 500 тыс. слов [Мечковская 2001];

и Arêndron – язык семьи Uschœran планеты Atragam, которую вы не найдете ни на одной астрономической карте. Этот язык изобретен Майклом Рептоном (Michael S. Repton), одним из энтузиастов конструирования вымышленных языков в Интерне-

те, для своего фантастического мира. В этом мире на протяжении его многовековой истории возникали и рушились царства, дикие кочевые племена обретали цивилизацию, аналогичную европейской античности, и уходили в глубь веков, оставляя после себя памятники своей культуры, поколения сменяли поколения, Arêndron из живого превратился в язык науки, литературы и философии. И все это под неустанным попечением автора, волей его фантазии и конструкторского мастерства. Казалось бы, какое значение для лингвистики может иметь вымышленный язык, лишенный реальных носителей, имеющий единственную форму существования – виртуальную, в виде грамматического описания в Интернете, воплощающий не многотысячелетнюю деятельность народного духа, а ограниченный план, родившийся в голове одного человека? Различимы ли, вообще, авторские языки-карлики, большинство из которых даже не выходит из состояния проекта, на фоне таких гигантов – естественных языков, как русский или английский? Вымышленный авторский язык интересен нам как часть обширного движения лингвоконструирования, развивающегося на просторах мировой сети, как вид речевой деятельности, через которую человек реализует свои творческие способности, расширяет понимание себя и мира. Преодолевая преобладающую бессознательность нашего повседневного языкового существования, энтузиасты лингвоконструирования устанавливают новые отношения между человеком и языком – отношения создателя и создания, пусть даже ограниченные уровнем модели.

Язык, по выражению немецкого философа М. Хайдеггера, «дом бытия» человека. Человек не пассивный пользователь языка, он его активный творец и преобразователь. В естественных языках процесс творения и преобразования языка людьми происходит в ежедневной коммуникации по большей части бессознательно (хотя определенная доля языковой рефлексии у «наивных» носителей языка обязательно присутствует) и только филологи, профессионально занимающиеся изучением и нормированием языка, пытаются воздействовать на него сознательно и систематически. Однако существует вид деятельности, в котором каждый говорящий может стать создателем языка, – конструиро-

вание (моделирование) искусственных языков, получающее все большее распространение с развитием Интернета. Это занятие охватывает все большие и большие круги энтузиастов, во многих странах действуют «Общества моделирования языков». Список конструированных языков (конлангов) на одном из самых авторитетных источников – www.langmaker.com – включает около 1 500 конлангов.

Стимулами и образцами для создания большей части подобных языков послужили лингвистические эксперименты Дж. Толкина. Языки Средиземья, сконструированные великим английским писателем, филологом по образованию, дали импульс творческой деятельности огромного количества поклонников его творчества. Читатели Толкина не только изучили и усовершенствовали эти языки, написали на них литературные произведения, они сами стали создателями новых языков и фантастических миров, в которых эти языки функционируют. В мировой сети имеются словари и грамматики эльфийских языков (Sindarin, Quenya, Nandorin, Telerin, Valarin и многие другие), шрифты для печатания на этих языках, библиотеки текстов, переводы с эльфийских языков на естественные и с естественных на эльфийские, лингвистические исследования этих языков. Немного меньшей популярностью пользуются языки орков и других сообществ, населяющих миры Толкина или миры, выдуманные читателями в качестве «продолжений» толкиновских.

Второе место по популярности занимает клингон (Klingon) – язык, разработанный на основе языков американских индейцев лингвистом Марком Окрандом для сериала «Star Trek». Впервые несколько слов на языке воинственной космической расы клингонов прозвучали на телеэкранах в декабре 1967 года, их изобретателем был Дж. Духан (James Doohan). После выхода третьего кинофильма “Star Trek” фантастическая раса клингонов стала настолько популярной среди зрителей, что киностудия Paramount решила нанять профессионального лингвиста для конструирования клингонского языка. С 1992 года в США существует Институт клингонского языка, занимающийся его изучением и распространением (<http://www.kli.org/>). В этом институте работают фи-

лологи, психологи, специалисты по информатике. Институт выпускает рецензируемый научный журнал на клингонском языке «HoIQeD», содержащий статьи по клингонской культуре и языкознанию. О серьезности данного издания говорит тот факт, что оно состоит на учете в Библиотеке Конгресса США (ISSN 1061-2327) и в каталогах Ассоциации современных языков (Modern Language Association). По клингону защищен ряд научных диссертаций. Есть люди, свободно владеющие клингоном и даже создающие на нем литературные произведения¹. На клингон переведены Новый завет и несколько пьес Шекспира, на клингоне написана и исполнена опера. А для желающих его изучить созданы словари, учебники, пособия с кассетами – так же, как и для изучающих любой естественный язык. Словарь клингона, составленный Окрандом, разошелся тиражом в четверть миллиона экземпляров к 1995 году. Вышли в продажу аудиокурсы клингонского языка. Образы «Star Trek» за более чем 30 лет существования сериала прочно внедрились в массовую культуру и сознание людей, поэтому неудивительно, что общества интересующихся клингонским языком есть в нескольких десятках стран. Известны даже удивительные попытки нескольких любителей клингона воспитать из своих детей естественных носителей клингонского языка (англо-клингонского двуязычия).

Другим примером вымышленного языка, вышедшего за пределы произведения, для которого изначально он был создан, является язык D'ni из серии компьютерных игр Myst, сконструированный сотрудником компьютерной фирмы Cyan Worlds Ричардом А. Ватсоном (см. <http://www.dnicouncil.com>). По сюжету это язык внеземной расы, прибывшей на землю. Название языка служит самоназванием народа и именем города на Земле (точнее, под землей, под городом Мехико), населенного этим народом. В компьютерных играх серии «Мист» язык D'ni был представлен в виде ряда слов, которые произносили персонажи, и надписей на

¹ О количестве клингоноговорящих землян спорят: одни исследователи утверждают, что таких энтузиастов уже столько, что можно говорить о клингоне как о живом языке, другие полагают, что «все, кто говорит на клингоне, могли бы собраться за одним обеденным столом».

стенах и предметах. Более подробная информация извлекается из нескольких книг, вышедших по следам серии. Существует Интернет-сообщество любителей игры и языка **D'ni**. Под руководством самого создателя языка Ватсона в Интернете желающие могут изучать **D'ni**, разгадывая лингвистические загадки, которые загадывает изобретатель языка, и расшифровывая имеющиеся надписи. Таким образом, этот конланг стоит особняком среди других: фактически его создание происходит коллективно, в онлайн-режиме, но поклонники вымышленного мира «Мист» принимают допущение, что язык уже существует в готовом виде, однако открывается им по частям. В целом, изучение языка **D'ni** сопоставимо с изучением исчезнувшего естественного языка. Имеется ряд исходных надписей: надпись на Золотом куполе, надпись на школьной доске, молитвы, написанные на стене арки, надпись на стене комнаты с картами и т.п. Из них извлекается лингвистическая информация, дополняется словарь и грамматика **D'ni**. Обменом информацией энтузиасты занимаются на специальных сайтах и форумах (http://www.eldalamberon.com/dni_dict.htm, <http://linguists.riedl.org/old/linguists.htm>, <http://linguists.bahro.com/> и др.).

Создателями вымышленных языков часто являются авторы фантастических произведений, выпускники лингвистических факультетов по всему миру также пробуют свои силы в конструировании языков и соответствующих им миров. Наконец, изобрести новый язык по силам и «наивному говорящему» – не лингвисту и не профессиональному писателю.

Авторские вымышленные языки занимают свою нишу среди всех существующих в мире сконструированных языков, иначе *конлангов*, выполняющих ряд важных функций в современной коммуникации. Один из специалистов по вымышленным языкам – Р. Харрисон – называет следующие сферы применения конлангов:

1) лингвистическое исследование (например, для изучения процесса освоения нового языка человеком: конланги, как модели языка, имеют весьма полезную характеристику – их параметры можно изначально задавать и тщательно контролировать; преподавая вымышленный язык группе испытуемых, можно ис-

следовать их (не)способность усвоить этот язык, влияние этого языка на их мышление и восприятие мира и т.д.);

2) создание искусственного интеллекта и общение с компьютером;

3) искусство (ВЯ используются в литературных и кинематографических произведениях как часть образа вымышленной культуры);

4) конструирование языков как хобби;

5) создание тайных групповых и профессиональных языков, в том числе военных шифров;

6) психиатрическая помощь (<http://www.rickharrison.com>).

В зависимости от «строительного материала», из которого создается любой сконструированный (искусственный) язык – вымышленный или международный вспомогательный – конланги делятся на априорные и апостериорные: апостериорные черпают свой материал из естественных языков (например, в эсперанто большинство слов имеют интернациональные корни), априорные отказываются от материального соответствия элементам естественных языков. Разумеется, существуют и смешанные случаи. Апостериорный язык может использовать в качестве источника несколько естественных языков. Так, любимое детище создателя сайта www.langmaker.com Дж. Хеннинга – язык Dublex – имеет более 5 000 слов с корнями, заимствованными из 6 естественных языков.

Причину, побуждающую людей к «странному увлечению, созданию собственных языков (private languages)» в своем знаменитом эссе «Тайный порок» (1931) Дж. Толкин объяснил так: «Я пробовал языки на вкус, и они пронзали сердце лингвиста. Это лишь укрепило меня в стремлении создать несуществующий сказочный язык, который доставлял бы эстетическое наслаждение...» [Tolkien 1988]. А один из поклонников эльфийских языков Толкина среди причин, по которым люди занимаются конструированием и изучением ВЯ, называет в Интернет-дискуссии следующее: «Некоторые из нас увлеклись изучением эльфийского языка, получая от этого примерно такое же удовольствие, какое люди получают от разгадывания хорошо составленного кроссворда: сам факт того, что нет ни одной опубликованной эльфийской

грамматики, написанной самим Толкином, превращает «взлом кода» в увлекательнейшую задачу. Другой причиной может быть чистый романтизм, особая форма погружения в литературу: изучая элдаринские языки, вы пытаетесь подобраться поближе к бессмертным эльфам, как бы проникнуть в сознание к ним – справедливым и мудрым, перворожденным Земли, учителям человечества в его юности. Менее романтическая причина – вы хотите изучить построения талантливого лингвиста и творческий процесс гения, создающего свое любимое детище. Наконец, многие просто наслаждаются эльфийскими языками, как музыкой, как изощренными и (по мнению многих) исключительно успешными экспериментами в области благозвучия».

Но если сами лингвоконструкторы своей деятельностью наслаждаются, то отношение к ней извне тяготеет совсем к другому полюсу оценочной шкалы. В 1985 г. профессор английского отделения Парижского университета Дени-Дидро М. Ягелло (M. Yaguello) выпустила книгу под названием «Лингвистические лунатики» (английский перевод – *Lunatic Lovers of Language: Imaginary Languages and Their Creators*, translated by Catherine Slater, 1991, London). В ней она красочно описывает изобретение языка как акт безумия: «Вы только посмотрите на лунатика, влюбленного в язык. Он сидит в уставленном книжными шкафами кабинете, он собирает горы информации, он упорядочивает и классифицирует ее, он составляет списки и заполняет картотеки. Он в тисках номинативной горячки, таксономического безумия. Он должен дать всему имя, но прежде чем дать имена, он должен выявить и расклассифицировать понятия, втиснуть целую Вселенную в систему условных знаков: создать перечни, иерархии и парадигмы». С помощью карикатурного изображения Джона Уилкинса (автора «универсального классификационного языка» (1668 год), о котором можно прочитать в частности в небольшом эссе Х.Л. Борхеса «Аналитический язык Джона Уилкинса» [Борхес 2005]) Ягелло атакует всех конлангеров, называя их «дилетантами, влюбленными в язык и языки и несведущими в науке о языке». Опираясь на труды психиатров, обнаруживавших связь между шизофренией и стремлением говорить на непонятном дру-

гим языке, Ягелло настаивает на патологическом характере лингвоконструирования. «Персонажи» Ягелло могут действительно представляться опасными, потому что она специально выбирает наиболее странные фигуры среди творцов языков – людей с психологическими или социальными странностями. Критике подвергаются самые разные лица – от академика Марра до Л. Заменхофа – творца эсперанто, от медиума Хелен Смит, умевшей вводить себя в самогипноз, в котором она начинала «говорить по-марсиански»¹ до массы их «наивных» последователей. Книга Ягелло получила широкую поддержку от тех, кто, подобно У. Эко, считал такую деятельность «техническим безумием», глоттоманией. Участники конлангерского движения, естественно, восприняли работу Ягелло весьма негативно.

Дж. Хеннинг смотрит на конланги с другой точки зрения, называя их «языками-моделями». Под моделью Хеннинг понимает минимизированное, упрощенное представление какого-либо объекта, сохраняющее его существенные черты. Создание конлангов, по Хеннингу, естественное проявление человеческой творческой активности, подобное любому моделированию – постройке моделей поездов и самолетов, участию в ролевых играх и т.п. Интернет лишь объединяет энтузиастов языкового конструирования-моделирования. Оппоненты Хеннинга утверждают, что, напротив, Интернет, внося элемент соревновательности и давая возможность людям публично продемонстрировать их «достижения», провоцирует бесполезную глоттоманию, захватывающую, как наркотик. «Язык, – утверждают противники конлангов, – наша самая естественная «технология», социальная машина, ис-

¹ Хелен Смит – псевдоним Катерины Элизы Мюллер, жившей в конце XIX–начале XX века в Женеве. «Марсианские» видения Х.Смит привлекли к себе внимание многих известных психиатров того времени и такого серьезного лингвиста, как Ф. де Соссюр. По сей день Х. Смит, рассказывавшая, находясь в трансе, необыкновенные истории о «жизни на Марсе» на «марсианском языке», представляет загадку для ученых, интересующихся парапсихологическими явлениями. Есть мнение, что несуществующий язык, на котором Смит бегло говорила, был ее бессознательным изобретением. Материалы на эту тему, которые равно можно считать научными и ненаучными, находятся, например, на сайте международного общества «Жизнь после смерти» <http://www.survivalafterdeath.org>.

пользуемая миллионами. Она должна работать. Язык, у которого нет аудитории, нет других говорящих на нем, это не язык». Точку зрения противников конлангов отражает также художественная литература: зачастую в фантастических произведениях изобретением языка занимается ученый-маньяк или просто шизофреник.

Сара Л. Хигли ([Sarah L. Higley](http://journal.media-culture.org.au)) в статье «Аудитория, углоссия и конланг» (<http://journal.media-culture.org.au>) ставит вопрос об аудитории, на которую нацелены вымышленные языки, иными словами, о «потребителях» конлангов, причем не таких конлангов, как эсперанто или оксиденталь, имеющих несомненный круг пользователей, и даже не таких, как клингон или квения. Даже авторы проектов ВЯ в Интернете не изобретают «индивидуальный язык», о невозможности которого писал Л. Виттгенштейн, то есть не изобретают язык для выражения «индивидуальных чувств и настроений», отличающихся от тех, которые выражает естественный язык. Создатели конлангов наполняют свои новые слова общественно значимыми смыслами, существующими в естественных языках. Отличие от естественных языков состоит в другом: конланги – это действительно модели, артефакты. Соответственно они и функционируют. Никто не плавает на модели парусника. Никто не думает и не говорит на конланге, хотя с конланга и на конланг можно переводить. Хигли, и в этом с ней нельзя не согласиться, пишет: «Безусловно, конланги не способны воспроизвести все тонкости и историю реальных языков, Но называть их «обеднениями естественных языков» так же странно, как было бы назвать кукольный домик «обеднением настоящего дома». Откуда это отношение к ВЯ как к угрозе или как к чему-то незначительному?» Хигли сама отвечает на свой вопрос: такое отношение – результат того, что изобретают языки одни люди, а критикуют другие, плохо понимающие суть движения конлангеров. Эта область языковой деятельности требует профессионального переосмысления.

Далее Хигли задается вопросом о месте изобретения языков в структуре человеческой деятельности: что это? Может быть, особый вид искусства? И к «аудитории» ВЯ надо относиться не как к пользователям реального языка, а как к аудитории произве-

дений искусства? В этом случае создание языков ближе к музыке, чем, скажем, к архитектуре. «Аудитория» архитектора наслаждается его творением, не участвуя в его развитии. Конланги могут осваиваться, присваиваться и «исполняться» пользователями, как музыка. Но и от музыки их отличает важный параметр: большая их часть не звучит, они существуют на экране компьютера.

Конструирование языков неразрывно связано с конструированием культур. Создатели ВЯ ставят перед собой и решают более комплексную задачу, чем только моделирование логичной, красивой, оригинальной системы языка: эта языковая система должна отражать психофизиологические особенности, мышление и картину мира, образ и условия жизни вымышленного народа и соответствовать другим проявлениям культуры этого народа (изобразительное искусство, музыка, математика, астрономия и т.п.). При этом язык является главной и необходимой культурной составляющей фантастического мира. На ранних стадиях разработки проекта или вообще у вымышленной расы может отсутствовать искусство, наука, религия, философия, но изобретение языка – непереносимое условие полноценности проекта. Вымышленные языки и культуры отличаются от других виртуальных моделей тем, что они имеют самостоятельную эстетическую и интеллектуальную ценность для своих создателей и «пользователей», а не являются только инструментами изучения моделируемых феноменов реальной действительности.

Не имея реальных носителей, ВЯ «обслуживают» чрезвычайно широкий круг вымышленных народов, отражая социокультурные и – реже – биологические особенности своих гипотетических носителей. Сам характер разработки языка и критерии определяется принадлежностью ВЯ к одному из следующих шести типов.

1. ВЯ альтернативного прошлого, будущего и настоящего народов Земли. Они обычно конструируются для альтернативных ситуаций истории человечества и являются попытками ответить на вопросы: каким бы стал английский язык, если бы в битве при Гастингсе победили не норманны, а англосаксы? какими бы стали

языки Европы, если бы арабы в VIII в. не остановились в Испании, а дошли до Англии?

Помимо единичных проектов такого рода, в Интернете существует Лига потерянных языков (The League of Lost Languages – LLL http://wiki.fraith.net/League_of_Lost_Languages), объединяющая желающих конструировать языки, которые существовали, но исчезли с карты Земли или могли бы существовать в нашем мире. Главное условие – мир LLL должен в полной мере оставаться «нашим миром», с реальной историей и географией, допустимы лишь минимальные изменения, для того чтобы встроить в этот мир вымышленный язык.

В настоящий момент в Лиге представлены такие ВЯ, как языковая семья Albic (Британские острова, до кельтского завоевания), Germanech (романский язык, исходно близкий к итальянскому, но помещенный на территорию современной Германии в район г. Трира), Noric (язык, на котором, по замыслу его создателей, 3 000 лет назад, до прихода германских племен, говорило исконное население австрийских Альп) и т.п.

Каждый из этих языков «размещается» автором не только на определенной территории, но и на определенном отрезке мировой истории. Отсюда вытекают важные следствия для языковых систем, в первую очередь для лексики: в словаре языка не должно быть слов, которых в нем по географическим или хронологическим соображениям быть не может. Например, если автор хочет сконструировать язык далекого прошлого, в нем, естественно, не должно быть слов типа «компьютер», «электровоз», «телефон» и т.п. Поскольку словарь каждого ВЯ, разумеется, невелик, в нем не должно быть слов, которые по тем же соображениям не могут входить в состав самой употребительной лексики данного языка. С другой стороны, слова, называющие реалии, крайне важные для данного вымышленного народа в избранный для конструирования языка период истории, обязательно должны присутствовать.

Вторая импликация, которая весьма существенна для ВЯ этой группы. Они не могут конструироваться как изолированные: не связанные ни генетически, ни ареально с реальными естественными языками Земли. Соответственно, автор, располагая свой ВЯ в

Венесуэле или на Камчатке, должен учесть его контакты с естественными языками, которые существовали или существуют на данной территории в исторический момент, выбранный для конструирования. Кроме того, автор должен ясно представлять себе, слова для каких объектов и понятий могут быть в его языке исконными, а какие, скорее всего, заимствованными. Так, автор языка Mærik, дислоцированного в Швеции, разумеется, получил от коллег-демиургов резкую критику за включение в минимальный словарь таких единиц, как кокос, устрица и сахарный тростник.

Особенно внимательными авторам подобных ВЯ приходится быть при конструировании наиболее культурно обусловленных частей лексикона (термины родства, собственные имена, календарь и под.) и наиболее значимых культурно текстов (например, мифологических).

2) ВЯ, в качестве носителей подразумевающие людей, но не прикрепленные хронологически и территориально, существующие как бы вне времени и пространства. Фантастическое допущение авторов этих ВЯ «Люди могли бы говорить на таком языке» принципиально отличается от фантастического допущения первой группы «Люди такой-то национальности, в таком-то месте, в такое-то время могли бы говорить на таком языке».

3) Человеческие языки вымышленных миров. Эта группа сочетает в себе признаки первой и второй. Автор может сконструировать язык и народ, похожие на китайский, арабский, французский, греческий, суахили и любой другой, но поместить их на фантастическую карту вымышленной вселенной с ее вымышленной историей. Соответственно, отмеченные в первом типе ВЯ требования правдоподобности лексикона отсутствуют. Наоборот, референтное поле (фантастическая среда обитания, культура и нравы вымышленного народа) конструируется автором и воссоздается читателем по данным словаря. Если в словаре ВЯ есть исконные слова, обозначающие *перец*, *устрицы*, *сахарный тростник* и *кокосовый орех*, мы можем заключить, что эти реалии присутствуют в мире народа, говорящего на этом языке.

4) ВЯ эльфов, гномов и других существ из мира «фэнтези». Здесь при рассмотрении проблемы «язык и культура» мы сталки-

ваемся со сложным соотношением действительностей, референтных полей. С одной стороны, мира «фэнтези» не существует. Не существует в окружающей нас действительности. С другой стороны, он давно уже существует в действительности литературной, кинематографической и игровой и обладает вполне определенными чертами. Для многих наших современников «национальные» особенности эльфов, гномов или орков не менее очевидны, чем национальные черты реальных народов Земли. Писатели, режиссеры и сценаристы, авторы ролевых игр внесли в нашу культуру вполне определенное представление о культурах вымышленных рас «фэнтези». Соответственно этим представлениям строятся ВЯ для этих рас: напевный, с преобладанием гласных, с изощренным синтаксисом, с изысканной вязью письма – для эльфов; грубый и краткословный, нарочито примитивный – для орков или троллей.

5) Негуманоидные ВЯ. Эти языки вызывают особую трудность у конлангеров с точки зрения параметров «язык и культура» и «язык и биология». Отдельные черты вымышленной негуманоидной культуры и биологического устройства носителей ВЯ «встроить» в язык удастся, иногда даже целый уровень ВЯ (чаще всего звуковой) получается «негуманоидным», но задача придать всему ВЯ негуманоидный характер недостижима.

Сравним, например, описания вымышленного народа Thau' и его языка Thauliralau на сайте <http://bellsouthpwp.net>. Что сообщает нам автор о Thau'? Это млекопитающие существа. Тело взрослого Thau' имеет несколько сегментов, каждый сегмент с двумя ногами, ухоносом (через который они слышат и дышат), локальным мозгом, сердцем, легкими, несколькими железами, перерабатывающими отходы организма, участком пищеварительной системы и репродуктивной системой. От прочих сегментов отличается головной, имеющий глаза, отдельные уши, рот с голосовыми связками, центральный мозг, сердце, легкие и железы, регулирующие рост. Особый орган на головном сегменте – «отросток памяти» – тау, который используется для связи с другими Thau' и обмена воспоминаниями. Дети рождаются с одним сегментом тела – головным и постепенно в течение жизни наращи-

вают остальные сегменты. Общество Thau' отличается довольно низким уровнем развития техники, также у Thau' нет магических способностей, которыми обладают некоторые их соседи.

Отражаются ли эти особенности в языке Thau'? Некоторые – да, другие, которые, совершенно очевидно, должны оказать влияние на систему языка, автор проигнорировал. Так, звуковая система Thauliralau вполне земная. Есть даже носовые звуки *m*, *n*, хотя не вполне понятно, как их будут произносить существа, у которых нос («ухонос») и рот находятся на разных сегментах тела. Зато в морфологической системе отражена важная роль воспоминаний в культуре Thau'. противопоставляются две формы личных местоимений первого лица единственного числа:

O – конкретное единственное (я один);

Ai – общее единственное (я и мои «предки по памяти» и «родичи по памяти»).

С другой стороны, некоторые особенности грамматики, конструированию которых автор уделяет много внимания, не вытекают из сведений о народе Thau', которые мы имеем (например, множество грамматических противопоставлений, связанных с полом обозначаемого объекта или участников ситуации).

Интересной задачей, которая может решаться при конструировании негуманоидных языков, является создание в этих ВЯ двух рядов лексических единиц в одном тематическом поле так, что один ряд отражает видение этого поля с человеческой точки зрения, а другой – с нечеловеческой, как его воспринимают носители данного языка. Примером может послужить система цветообозначений в языках мира Azirian <http://www.io.com/~hmiller>, созданного профессиональным лингвистом Х. Миллером.

1. ВЯ внеземных цивилизаций, гуманоидных и негуманоидных.

Если в группу 5) входят ВЯ, в которых авторы стремились более или менее отразить именно негуманоидность носителей, то в группу 6) попадают проекты, основная идея которых – внеземная локализация носителей, соответственно, ВЯ призваны передать не столько гуманоидность/негуманоидность сколько «космическую», инопланетную атмосферу вымышленного мира.

Анализ проектов ВЯ убеждает нас в том, что невозможно сделать язык зеркалом всех особенностей вымышленного народа. Всегда имеется один, реже два аспекта отражения фантастического народа в ВЯ, на которых сосредотачивается автор, «забывая» про остальные: либо это среда обитания, либо биологические черты, либо определенные области культуры, либо особенности мышления. Никому до сих пор не удалось создать ВЯ, например, для «обитающих в глубине моря однополых, владеющих телепатией существ, лишенных цветового видения, находящихся на высочайшем уровне технологического развития и отличающихся ксенофобией по отношению ко всем другим расам и любовью к оккультным наукам», так, чтобы все указанные признаки проявились в системе языка.

Ответив в меру наших возможностей и формата статьи, на вопросы, *кто, что* и *как* конструирует в Интернет-галактике вымышленных языков, предложим нашу точку зрения и на то, *зачем* человек начала XXI века продолжает предаваться «глоттомании» Дж. Уилкинса. Ответ приведет нас к логичному выводу о позитивной роли языкового конструирования в современной виртуальной культуре.

Во-первых, все эти попытки имплантации фантастики в реальную действительность являются формой игровой деятельности, необходимость которой для современного человека доказана специалистами.

Во-вторых, они могут, конечно, рассматриваться как вид «графомании», лежащей на перекрестке науки и литературы. И, как в любой графомании, здесь мы обнаруживаем взаимодействие структур повседневности и научности, повседневности и искусства. Так, создание вымышленных миров и население их фантастическими народами выполняет важную ориентационную функцию в системе координат «свой – чужой». Придумывая атрибуты чуждости и в то же время изобретая возможные «точки соприкосновения» между разнообразными, дружелюбными и воинственными, человекоподобными и *не*, жителями сконструированных миров, «наивный демиург», с одной стороны, отражает характерные для нашей цивилизации конфликты, проблемы ксе-

нофобии, национализма, фашизма, космополитизма, с другой – моделирует пути их решения. Нет таких строителей миров, кто изначально был бы настроен на создание полностью негармоничной Вселенной, в которой идет война всех со всеми или разные расы живут совершенно изолированно друг от друга. Без контактов между вымышленными народами, а главное – без общего языка, ничего не выйдет. Не получится сколько-нибудь продолжительного сюжета, не напишется история вымышленного мира. Не случайно в вымышленных мирах, населенных не одним, а несколькими языковыми сообществами, возникает задача создания не только «национальных», но и интернационального языка.

В-третьих, вымышленные миры не статичны. Они обладают историей, которая может писаться для них «с обратным отсчетом» (от зафиксированной создателем мира точки, в которой мы «застаем» действие) и с отсчетом прямым – в будущее. Историю имеют и фантастические языки. Причем их эволюция, межъязыковые контакты и заимствования, формирование диалектов и литературного языка, возникновение социальных и пр. жаргонов должны быть логично связаны с историей мира. Таким образом, люди, увлеченные игрой в миры, делают и нечто большее: они занимаются исследованием социальной коммуникации, языковых ситуаций, языковой политики.

Таким образом, создание конлангов для фантастических миров – род деятельности, хотя и неоднозначный, но скорее полезный, развивающий языковое творчество в связи с осознанием культурных феноменов, это гимнастика ума и способ освоения мультимедийной виртуальной реальности.

Такой вид языковой деятельности; рассмотрение и анализ большого числа различных проектов вымышленных языков несет большую практическую пользу, расширяет представление о родном языке исследователей, а также раздвигает границы для изучения и овладения каким-либо из естественных языков.

Так, например, актуален данный аспект для иностранных студентов, изучающих русский язык. Для начинающего лингвиста анализ непривычно выстроенных систем языков, совершенно иное взаимодействие тех или иных компонентов на разных

уровнях того или иного языка – все это помогает выйти за рамки привычных представлений, расширяет языковую картину мира, дает возможность чувствовать себя увереннее в овладении языком, в данном случае, русским.

Вымышленные языки можно рассматривать как некие языковые модели, с помощью которых можно отрабатывать навыки работы с языком вообще. И так как русский язык для иностранных студентов достаточно сложен – здесь для каждого обучающегося будет очень важно такое «объемное» рассмотрение различных языковых систем.

Литература

Борхес Х. Л. Аналитический язык Джона Уилкинса // Борхес Х. Л. Собрание сочинений. Т.2. СПб., 2005.

Мечковская Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. М., 2001

Сидорова М. Ю., Шувалова О. Н. Интернет-лингвистика: вымышленные языки — М., 2006.

Tolkien, J.R.R. Essays, London, 1988

Jacob.H. History of Planned Auxiliary Languages, London, 1947

The article analyzes the different models of the author's fictional languages (conlangs) represented on the Internet, as a result of linguistic constructional activity of professional philologists and enthusiasts. The author also emphasizes an important role of analytical work with these kinds of fictional languages created by authors for the Russian students who study philology as well as for foreign students in the process of learning the Russian language. This type of work allows us to reveal the structural-semantic and communicative capabilities of the language.

Keywords: *internet-linguistics, author's fictional languages, linguistic constructing, models of languages, projects of languages, constructed languages (conlangs), constructors of languages (conlangers), a priori language, a posteriori language, language system.*

«КВАЛИЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Статья посвящена «квазиэкзистенциальным» вопросительным инфинитивным предложениям. Дается их характеристика, и рассматриваются коммуникативные функции, выполняемые данными предложениями в дискурсе. Материалом для исследования послужили примеры из Национального корпуса русского языка, художественной литературы и разговорной речи.

Ключевые слова: *экзистенциальные вопросы, квазиэкзистенциальные вопросы, первичные функции, вторичные функции, дискурс.*

Ученые, занимающиеся вопросами преподавания русского языка как иностранного, давно уже подчеркивают необходимость описания языковых явлений с точки зрения их функционирования в речи (см. [Всеволодова 2000: 3]). Эта необходимость больше чувствуется в процессе преподавания тех языковых явлений, которые не существуют в родном языке учащихся. Например, вопросительные инфинитивные предложения, которые активно используются в русской разговорной речи, отсутствуют в персидском языке. Данный тип вопросов функционирует в разных речевых актах и имеет разные коммуникативные разновидности (например, об особенности экспликативных вопросительных инфинитивных предложений см. [Дастамуз 2012: 12-16]).

Термин «экзистенциальный вопрос» впервые был использован Х.Р. Мелигом [Мелиг 1991]. Учёный считает, что любой вопрос в рамках текста может относиться либо к существованию ситуации, либо к обозначению ситуации. Вопросы первого типа Х.Р. Мелиг называет экзистенциальными, а вопросы второго типа – экспликативными [Мелиг 2008: 242].

Экзистенциальные вопросы означают, что ситуация (диктальный компонент семантики высказывания) известна, но неизвестно, имеет ли она место. Например: *Ты был на выставке Коровина?* Такой вопрос будет уместным в том случае, если описываемая ситуация («адресат был на выставке Коровина») по какой-либо причине ожидаема говорящим, вытекает из его знаний и представлений о мире (например, говорящий знает, что

адресат собирался пойти на эту выставку или что он обычно не пропускает подобные выставки и т.п.), но говорящий не знает, имела ли она место в действительности. Таким образом, «ты был на выставке Коровина» – тема данного вопроса, а «имело или не имело место» – его рема.

К экзистенциальным относятся общие (модальные) вопросы с ингерентной темой (то есть темой, содержащейся в самом вопросе, а не в контексте)¹, см. приведенный выше пример (*Ты был на выставке Коровина?*). В тему таких вопросов входит вся пропозиция вопроса, или весь диктум, а в рему вопроса – компонент «имеет место», т.е. говорящий хочет знать, имеет место или не имеет места пропозиция вопроса [Шатуновский 2008:897].

Все исследования в области экзистенциальных вопросов осуществлялись на основе предложения с финитной формой предиката. В данной статье предпринимается попытка, во-первых, определить возможность существования экзистенциальных вопросительных инфинитивных предложений с учетом специфики инфинитивных предложений, представляющих ситуацию как ирреальную, т.е. необходимую, возможную или желательную², и с учетом того, что в данных предложениях предметом интереса говорящего является потенциальное поведение субъекта в определенной ситуации; во-вторых, в случае существования таких видов вопросов описать их коммуникативные функции.

Посмотрим сначала, могут ли экзистенциальные вопросы выражаться инфинитивными предложениями. Как Х.Р. Мелиг [Мелиг 2008: 250], так и И.Б. Шатуновский [Шатуновский 2001: 251] считают, что модальный компонент («имеет место») полных модальных вопросов проявляется в финитной форме глагола, имеющей морфологические категории наклонения и времени, т.е. необходимое условие для существования экзистенциальных вопросов – финитная форма глагола. Но анализ примеров свидетельствуют о существовании инфинитивных вопросов, которые формально похожи на экзистенциальные, например: (1) [Пожилая женщина хочет перейти через улицу. Прохожий замечает, что ей трудно, и спрашивает:] – **Вам помочь?** – Да. Спасибо; (2) – Обед

¹ Понятие «неингерентная тема», введенное А.Н. Барановым и И.М. Кобозевой [1983], получило дальнейшее развитие в работах Т. Е. Янко [Янко 2001].

² О модальных значениях инфинитивных предложений см., например, Тимофеев [1950], Русская грамматика [1980], Гришина [1988], Брицын [1990], Коммуникативная грамматика русского языка [1998].

готов. **Принести?**; (3) [Учитель на уроке:] – *Эта задача очень простая. Объяснить ее решение?*

В приведенных примерах диктальный компонент семантики вопросов известен, т.е. входит в тему вопросительного высказывания. Вопросы описывают действия говорящего, воспринимающиеся как наиболее естественные, ожидаемые в данных обстоятельствах. Так, если человек нуждается в помощи, ему надо помочь, см. (1); готовый обед надо принести, см. (2); нормально, когда учитель объясняет решение задачи, см. (3). По сути, данные высказывания представляют собой вопросы-предложения, цель которых – получить информацию о том, необходимо ли говорящему совершать описываемое действие.

Вопросы типа (1)–(3) следует отличать от экспликативных вопросительных инфинитивных предложений: (4) [Друзья сидят за столом. Вдруг один из них чувствует боль в сердце. Другой торопливо спрашивает:] – *Что делать? Позвать врача?* – *Нет. Не надо. Дай мое лекарство.*(5) [Врачи говорят о тяжелобольном человеке, который сам не знает о своей болезни] – *Что же нам делать? Сказать ему о болезни?* – *Не знаю. Может, подождать? Надо подумать.*

В примерах (4) и (5) в фокусе внимания говорящего находится некоторая проблемная ситуация, требующая, с его точки зрения, каких-то действий, и он предлагает возможный вариант решения проблемы (в примере (4) «позвать врача», в примере (5) «сказать ему о болезни»). Сама описываемая ситуация в целом противопоставлена другим возможным вариантам развития событий (позвать врача, или принести воды, или уложить в постель, или дать лекарство и т.п.). Таким образом, в рему (4) и (5) входит запрос об описании ситуации. Напротив, задавая вопросы (1), (2) и (3), говорящий хочет уточнить, необходимо ли, чтобы имела место названная им ситуация¹.

Если сравнить примеры (1), (2) и (3) с экзистенциальными вопросами с финитной формой глагола (например, *Ты был на выставке Коровина?*), можно сделать вывод о том, что если в финитных экзистенциальных вопросах рему образует компонент «имеет ли место», то в инфинитивных вопросах (1), (2) и (3) ремой

¹ Кроме того, экспликативные вопросы отличаются от экзистенциальных своим интонационным оформлением, см. об этом [Баранов, Кобозева 1983], [Янко 2001].

является компонент «необходимо ли, чтобы имело место». Иначе говоря, экзистенциальный компонент семантики инфинитивных вопросов осложнен модальной оценкой. Поэтому данные вопросы не являются экзистенциальными в строгом смысле слова, они лишь в какой-то степени похожи на экзистенциальные, и их имеет смысл называть *квазиэкзистенциальными*. В квазиэкзистенциальных вопросительных инфинитивных предложениях потенциальная ситуация говорящему известна, и, задавая вопрос, он хочет уточнить, необходимо ли, чтобы эта ситуация имела место в действительности.

Наши исследования показали, что квазиэкзистенциальные вопросительные инфинитивные предложения могут содержать в своем составе частицу *ли*, например: (6) *Я в вас совсем не нуждаюсь, потому что я все решил. Но прочтите... Когда будете читать, ничего не говорите, а как прочтете – скажите все... – Читать ли? – нерешительно спросил Тихон. – Читайте; я давно спокоен* (Достоевский. НКРЯ¹); (7) – *Я прибежала предупредить вас, чтобы вы держались левой стороны коридора... Тут справа опасно: обвалился потолок... Боюсь, чтобы не случилось несчастье. – Верить ли ей? – промолвило пугливое туловище* (Игрушки и их враги. НКРЯ).

В примере (6) адресат требует, чтобы говорящий читал. При нормальном ходе событий говорящий должен выполнить требование адресата (читать), но он сомневается в целесообразности совершения действия. Иначе говоря, диктальное содержание высказывания с *ли* не является новым в дискурсе и входит в тему высказывания. Аналогичная ситуация наблюдается и в примере (7): адресат что-то рассказывает, а при нормальном ходе вещей, если человек что-то рассказывает, нужно ему верить. Поэтому диктумное содержание высказывания *Верить ли?* тоже не является новым: оно извлекается из предыдущего контекста с опорой на представления говорящего о нормальном ходе событий (о связи диктального содержания высказываний с *ли* с представлениями говорящего о норме см. [Степанова 1993]). Не случайно такие высказывания могут выражать сомнение говорящего в целесообразности реализации пропозиции вопроса. Сомневаться можно только в том, что для

¹ Здесь и далее так помечаются примеры из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

субъекта сомнения не является новым [Арутюнова 1988: 122], поэтому объект сомнения должен быть либо уже введен в коммуникативный фокус, т.е. предупомянут, либо должен восприниматься субъектом как некая данность [Степанова 1996:172]. Таким образом, вопросительные предложения с *ли* имеют все признаки квазиэкзистенциальных: говорящему известна потенциальная ситуация, и, задавая вопрос, он хочет уточнить, должна иметь место эта ситуация (отметим, что данная трактовка предложений с *ли* не совпадает с описанием этих предложений в работах И.Б. Шатуновского [Шатуновский 2001: 250, 252], [Шатуновский 2008: 900], который относит вопросы с *ли* к диктально-модальным, поскольку они, с его точки зрения, вводят в дискурс новую ситуацию.

Анализ примеров, собранных нами из НКРЯ, художественной литературы и разговорной речи, позволяет утверждать, что квазиэкзистенциальные вопросительные инфинитивные предложения могут выполнять целый ряд вторичных функций. О вторичных функциях вопросительных предложений принято говорить тогда, когда нарушаются условия успешности речевого акта вопроса, и прежде всего – условие назначения: вопрос рассматривается как попытка спрашивающего побудить адресата сообщить ему нужную информацию [Кобозева 1988: 41].

Квазиэкзистенциальные вопросительные инфинитивные предложения могут выполнить функцию **интродуктивного** (или метатекстового) вопроса, цель которого – выделение темы следующего высказывания (высказываний), например: (8) *Не соединилось ли для нас навсегда с этим образом воспоминание о величайшем русском – именно русском актёре, Мочалове? Не приветствуем ли мы с особенным участием каждую попытку передать нам шекспировские творения нашими родными звуками? ... Говорить ли нам теперь перед вами о самом Шекспире? Попытаться ли в быстрых, поневоле кратких очерках представить посильную оценку его гения? Едва ли это возможно и едва ли нужно, тем более что он сам сейчас заговорит перед вами. Шекспир, как природа, доступен всем, и изучать его должен каждый сам, как и природу* (Тургенев. НКРЯ).

Интродуктивные вопросы, по представлениям говорящего, возникают к нему как к «рассказчику», развивающему определенную тему, и на эти вопросы он как

«рассказчик» должен ответить [Степанова 1993: 136]. В квазиэкзистенциальных вопросительных инфинитивных предложениях, выполняющих функцию интродуктивного вопроса, как и в собственно вопросах, речь идет о необходимости совершения субъектом (как правило, самим говорящим) ожидаемого от него действия (см. пример (8)).

Нужно также отметить, квазиэкзистенциальные вопросительные инфинитивные предложения могут выражать **рефлексивный** (или медитативный) вопрос. Это вопросы, функционирующие в монологе и адресуемые говорящим самому себе. Э. Бенвенист отмечает, что «монолог» есть не что иное, как перенесенный во «внутреннюю речь» диалог между я-говорящим и я-слушающим [Бенвенист 2010: 317]. В рефлексивных вопросах также не соблюдается условие назначения речевого акта вопроса: они не направлены к адресату, а формулируют проблему, стоящую перед самим говорящим (см. также [Кобозева 1988: 43]). Например: (9) *Как мы сюда попали? Есть ли хоть крупница правды в предъявленных нам чудовищных обвинениях? Кто виноват в творимых жестокостях и несправедливостях? Одним словом – говорить ли ему правду? Всю ли правду? Странно, но многие склонялись к тому, чтобы «не вносить в молодую душу неразрешимые сомнения* (Гинзбург. НКРЯ).

В данном случае говорящий, задавая себе вопрос (*говорить ли ему правду?*), задумывается над тем, необходимо ли (имеет ли смысл) поступать так, как это вытекает из его представлений о нормальном ходе вещей (а нормально, когда говорят правду). Иначе говоря, диктумная ситуация известна, но неизвестно, должна ли данная ситуация иметь место в действительности.

При помощи квазиэкзистенциальных вопросительных инфинитивных предложений говорящий может выразить свое отношение к реплике адресата, квалифицировав ее как **неуместную**, например: (10) – *Но дал-то он вам червонцы, как вы говорите? – Мне ли червонцев не знать, – отвечала Аннушка (Булгаков).*

В (10) вопросительное инфинитивное предложение выражает риторический вопрос: предполагается, что кто-то может не знать о червонцах, но говорящий-то об этом знает, что и должен понимать адресат, вопрос которого, таким образом, оказывается неуместным. При этом высказывание *Мне ли червонцев не знать* нарушает не только условие возникновения

вопроса, но и одно из подготовительных условий, согласно которому спрашивающий сам не знает ответа и полагает, что слушающий знает его. В представленном же примере говорящий знает мнение адресата по данному вопросу и этим вопросом подчеркивает неуместность его вопроса.

Квазиэкзистенциальные вопросительные инфинитивные предложения могут обозначать идею **невозможности** реализации пропозиции вопроса – из-за отсутствия у субъекта необходимых качеств для того, чтобы действие было успешным, например: (11) – *Ты можешь перевести текст за вечер. – Что ты? Мне ли перевести этот текст за вечер! Я не смогу.* А. В. Величко отмечает, что значение невозможности в *ли*-вопросах нередко обусловлено видом глагола [Величко 1996: 33], а именно совершенным видом. Здесь же высказывание с *ли* используется в качестве диалогической реакции на утверждение собеседника. Ясно, что данное высказывание нарушает условие назначения и подготовительное условие речевого акта вопроса.

Итак, квазиэкзистенциальные вопросы означают, что говорящему известно потенциальное действие (описываемое данным вопросом), и, задавая вопрос, он хочет уточнить, необходимо ли (целесообразно ли) это действие или нет (ср. с экзистенциальными вопросами, где спрашивающий только хочет уточнить, имеет ли место описываемая ситуация).

Квазиэкзистенциальные вопросительные инфинитивные предложения способны выполнить целый ряд вторичных функций, когда нарушаются условия успешности речевого акта вопроса. Они могут выполнять функции **интродуктивного** и **рефлексивного** вопроса или появляться в качестве ответной реплики, показывающей **неуместность** высказывания адресата или **невозможность** реализации пропозиции вопроса с точки зрения говорящего.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. 2-е изд. М., 2001.
- Баранов А.Н., Кобозева И.М. Семантика общих вопросов в русском языке // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1983. № 3.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. 4-е изд. М., 2010.

- Брицын В. М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке. Киев, 1990.
- Величко А. В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев. М., 1996.
- Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
- Гришина Н. И. Место инфинитивных предложений в синтаксической системе современного русского языка. Дис...канд. филол. наук. М., 1988.
- Дастамуз С. Особенности употребления одной группы вопросительных инфинитивных предложений // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. М., 2012.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Кобозева И. М. О первичных и вторичных функциях вопросительных предложений // Текст в речевой деятельности (перевод и лингвистический анализ). М., 1988.
- Мелиг Х. Р. «Модус» и «диктум» у Ш. Балли // Язык, культура, человек. Сборник научных статей к юбилею профессора М.В. Всеволодовой. М., 2008.
- Мелиг Х. Р. Экзистенциальные и экспликативные вопросы // Russian linguistics. 1991. Vol.15.
- Русская грамматика: В 2 тт. М., 1980.
- Степанова Е. Б. Значение русских общевпросительных предложений. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993.
- Степанова Е. Б. Семантика и употребление косвенных вопросов с лексемой ли // Актуальные проблемы современной русистики. М., 1996.
- Тимофеев К. А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
- Шатуновский И. Б. Основные коммуникативные типы полных (общих) вопросов в русском языке // Русский язык: пересекая границы. Дубна, 2001.
- Шатуновский И. Б. Общие (полные) вопросы в русском языке // Динамические модели: Слово, предложение, текст. М., 2008.
- Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

The article is concerned with "quasi-existential" interrogative infinitive sentences. The characteristics of these sentences are determined and their communicative functions in discourse are analyzed. The study is based on the analysis of the materials of the Russian National Corpus, fiction texts and spoken language.

Keywords: *existential questions, "quasi-existential" questions, primary functions, secondary functions, discourse.*

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗАЛОГА И ВИДА: ЧАСТНЫЕ ВИДОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ НСВ В ПАССИВЕ

Статья посвящена изучению взаимодействия грамматических категорий залога и вида. Основное внимание уделяется особенностям выражения частных видовых значений пассивных возвратных форм глаголов НСВ, анализируются примеры из Национального корпуса русского языка (ruscorpora). Тема работы затрагивает две такие проблематичные части грамматики русского языка для иностранных студентов, как залог и вид. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании русского языка как иностранного.

Ключевые слова: взаимодействие, залог, частные видовые значения, возвратная форма.

В современной лингвистике наблюдается большой интерес к вопросу взаимодействия грамматических категорий. В.С. Храковский считает, что «взаимодействие – это такое отношение между грамматическими категориями, при котором обе категории функционируют согласованно и влияют друг на друга таким образом, который может приводить к видоизменению обеих грамматических категорий» [Храковский 1996: 25]. В русском языке глагольные категории имеют сложную систему взаимодействий; эта тема исследовалась многими лингвистами (А.В. Бондарко, В.С. Храковским, Ю.А. Пупыниным и др.). Между грамматическими категориями особенно тесными являются связи вида и залога. Вопросы взаимодействия категории залога и вида не вполне изучены в лингвистической теории; они представляют сложности и в области практического преподавания русского языка иностранцам. При этом тесное взаимодействие грамматических категорий залога и вида в пассивных конструкциях является типологической особенностью русского языка. В других языках, в частности, в персидском языке такого взаимодействия грамматических категорий не наблюдается. Данное исследование позволило нам определить самые сложные вопросы изучения русского страдательного залога, анализ которых направлен на предотвращение типичных ошибок иностранных учащихся при употреблении форм русского пассива.

Вопрос о зависимости формы страдательного залога от вида исходного глагола рассматривался, в частности, в [Алияришо-

рехдели 2011]. Развивая эту тему, сосредоточим основное внимание в вопросе взаимодействия вида и залога сосредоточено на особенностях частных видовых значений в страдательном залоге.

В пассивных конструкциях обнаруживаются те же частные видовые значения, что и в активных конструкциях, но существуют определенные различия в реализации видовых функций в активе и пассиве [Пупынин 1980: 29, Храковский 1991: 163]. В российской лингвистике выделяются следующие частные значения глаголов НСВ:

1) процессное значение. Данное значение в зависимости от лексического значения глагола и окружающего контекста имеет несколько разновидностей: а) конкретно-процессное: *Когда ты позвонил, он **смотрел** телевизор.* б) конативно-процессное: *Он **убеждал** меня в своей правоте, но не убедил.* в) длительно-процессное: *Он **работает** на заводе (с двадцати лет).*

2) неограниченно-кратное. Особыми разновидностями неограниченно-кратного значения являются а) потенциально-узуальное: *При повышении температуры вещества **переходят** из упорядоченного состояния – в неупорядоченное* и б) потенциально-качественное: *Митя хорошо **поет**.*

3) ограниченно-кратное (производное от неограниченно-кратного значения). Оно выражается при наличии показателей ограничения повторения: *Он несколько раз мне **звонил**.*

4) общефактическое значение: *мы с вами где-то **встречались*** (список значений приводится по [Петрухина 2009: 66])

1. Неограниченно-кратное значение НСВ

Основным показателем неограниченно-кратного значения в пассиве является существование множества объектов [Пупынин 1984: 177, Храковский 1991: 163], а в активе обстоятельства кратности (*часто, всегда, иногда и др.*), которые встречаются значительно чаще, чем имя во множественном числе [Храковский 1991: 163]. Другим показателем неограниченно-кратной функции в пассиве является множество актов, которые совершаются над одним конкретным объектом. Например: *Кроме воров, никто не бывал в этом трактуре, парадная дверь которого запиралась в одиннадцать часов вечера* (В. Гиляровский); Такой предмет, как «дверь», специально создан для того, чтобы его затворять, запирасть и т.д., и приспособлен к неограниченному числу повторений действия [Пупынин 1984: 177].

В том случае, когда ряд актов совершается над одним и тем же объектом, множество актов рассматривается как серия состояний, которые принимает объект, и поэтому можно заменить пассивную форму НСВ аналитической конструкцией **бывать+ краткое пассивное причастие СВ**, например: *И все-таки примерно раз в два года двери Национального театра раскрывались (И. Литвинов), – ср.: И все-таки примерно раз в два года двери Национального театра бывали раскрыты* [Пупынин 1984: 177].

Значение возвратных форм НСВ, с помощью которых выражаются идеи правил, принятых норм, законов ("так обычно делается"), может осложняться модальным смыслом "так следует делать". Например: *В случае прекращения договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон, в трудовую книжку **вносится** соответствующая запись со ссылкой на Трудовой кодекс* («Бизнес-журнал», 2004). *Все данные **вносятся** в типовой "Паспорт реставрации памятника истории и культуры", который является важным документом для последующего изучения памятника* (Т.Матвеева, 1988). *В соответствии со специальной процедурой проект доклада **рассылается** другим разведывательным ведомствам, которые высказывают свои замечания и возражения* (В. Абарин. «Совершенно секретно», 2003). Как правило, это двучленные конструкции с обобщенным субъектом, который не называется. Трехчленные конструкции также не исключены, но встречаются довольно редко: *При желании заказчиком составляется список вопросов и пожеланий для доработки* (Договор об оказании сервисных услуг, 2003).

Чаще всего возвратная форма глагола в страдательном залоге в таком значении употребляется в настоящем времени. Если речь идет об измененных законах и правилах, то соответственно употребляется форма прошедшего времени: *Расписание тем **рассылалось** заблаговременно по всем штабам и управлениям* (А.А. Игнатьев, 1947-1953). *Если же облигации **вносились** в пенсионный фонд на индивидуальный пенсионный счет, то налог не удерживался* (Л.Ю. Стахович, Г.Э. Шахназарян. «Финансы и кредит», 2003). *Ежегодные отчеты публиковались ограниченным тиражом и **рассылались** заинтересованным лицам и учреждениям, включая руководство ГУВД*. (Я. Глинский. «Отечественные записки», 2003).

Наиболее частотен такой тип употребления в официально-юридических, экономических и специальных текстах. Частотны

такие формы при описании технологических процессов: *Кружки только терлись и чистились снаружи, а мыть их внутри было бы слишком много труда для прислуги и для внимания надзирательницы, которая смотрела на это дело с философской точки зрения: больные, мол, большие все из простого звания, к чистоте не приобькли, им-де все равно, потому все это в одну и ту же утробу идет* (В.В. Крестовский, 1867). *К лепке шьется, а затем крепится антураж: герои разодеты в «шивейные изделия» различного стиля («Народное творчество», 2004). Когда такие легко вынимающиеся из пазов раздвижные створки <...> выполняют роль окон, они оклеиваются белой рисовой бумагой, похожей на папиросную, и называются седзи* (В.Овчинников. 1971).

Неограниченно-кратное значение НСВ встречается также при описании нравов и обычаев в художественных текстах: *В половодье вся поверхность реки покрывается плотами, которые гонят отсюда в Москву; круглый год на берегах строятся расшивы, катаются бревна, пилится лес, громоздятся горы досок и правильными рядами лепятся по берегу длинные-длинные весла, служащие рулем, правилом на барках* (Д.В. Григорович, 1855-1856).

Об особом типе неограниченно-кратного значения в пассиве можно говорить при обозначении повторения действий в один длительный период времени: *И снова – строятся дома, фабрики, возрастают, ... приходят в порты русские из дальних странствий корабли с товарами: как будто крепнет, богатеет Русь* (Б. К. Зайцев. 1921). *Строились новые заводы, фабрики, электростанции, страна превращалась в мощную державу, это вызывало энтузиазм у народа, молодёжь стремилась на стройки первой пятилетки, на Магнитку, в Кузнецк, Челябинск, Сталинград и другие города* (А. Рыбаков, 1975-1977). *Сергей объявил отцу войну. Краски выбрасывались в окно, кисти ломались, бумага раздиралась в мелкие клочья. На занятия живописью мальчик категорически отказывался ходить, требовал перевести его в обычную школу* (Д. Донцова, 2004).

Часто речь идет о начале изменений: *Старые советские гостиницы перестраиваются и превращаются в роскошные четырех- и пятизвездочные отели, соответствующие мировым стандартам* («Столица», 1997). *В это время началась перестройка, по всему Дагестану стали открываться мечети и народ снова повернулся к Богу* («Солдат удачи», 2004). *По изощрённому этикету белоснежные лайковые перчатки надевались один-*

единственный раз, после чего безжалостно **выбрасывались** (С. Чечилова. «Здоровье», 1999). *Происходят перевороты во всех областях научных знаний. **Перестраиваются** города. Октябрьская площадь, рядом с которой мы жили когда-то, совершенно изменила облик* (Ю. Трифонов, 1970).

Особый тип неограниченно-кратного значения – это потенциально-качественное. Наши примеры показали, что в пассивных конструкциях с потенциально-качественным значением НСВ для усиления используются качественные наречия. И речь идет о качестве предметов, которые выступают как объекты действия. Это является существенным отличием пассивных конструкций от активных (в реализации рассматриваемого частного значения НСВ).

Орестекло хорошо пилятся ножовкой (для металла) или лучковой пилой с мелким зубом («Спортсмен-подводник», 1962). При облицовке планируем использовать алюминиевые композитные панели Architects, они долговечны, имеют легкий вес, превосходную огнестойкость, стойкость к погодным условиям. Легко режутся и пилятся, изгибаются без образования отходов и стружки (Е. Колесниченко. «Пермский строитель», 2003). Покрывтия ванн максимально приспособлены к тому, чтобы не впитывать грязь и легко чиститься («Мир & Дом. City», 2004). Кроме того, кобура невелика по размерам, очень быстро крепится на ремень от 20 до 55 мм, легко моется и чистится, поскольку... изготовлена из специально-го пластика («Солдат удачи», 2004).

2. Процессное значение НСВ

Процессное значение НСВ [Маслов 2004:99], представляет действие в процессе протекания, ситуацию без ее временных границ. В активе процессная функция НСВ участвует в представлении как предельных, так и непредельных процессных ситуаций, а в пассиве процессные ситуации всегда являются предельными [Пупынин 1991: 214, Буланин 1986: 15]. Заметим, что в отличие от Ю.А. Пупынина и Л.Л. Буланина, В.С. Храковский считает вышеуказанную функцию присущей также и непредельным глаголам в пассиве: *Пека нам говорил, что ехать надо туда, там **ценятся** музыканты и особенно не хватает певцов* (Г. Горышин) [Храковский 1991: 162]. Но формы страдательного залога от непредельных глаголов образуются значительно реже, чем от предельных. Другое различие связано с тем, что в пассивных двучленных конструкциях процессное значение реализуется при вы-

ражении процесса изменения объекта, а не действия субъекта. «Пассивная конструкция представляет дело таким образом, что говорящий воспринимает лишь тот фрагмент действия, который связан с объектом, между тем как другой фрагмент действия, связанный с его "исходным пунктом", источником, субъектом, остается для него вне поля зрения, даже если субъект реально вполне доступен восприятию: *Проценко собственноручно составил общее донесение и приказал отпечатать его на машинке. Донесение еще печаталось, когда Сабуров вошел к Проценко* (К. Симонов)» [Пупынин 1990:35].

Наши примеры показали, что возвратная форма пассива с процессным значением употребляется обычно в двучленных конструкциях, в которых внимание сосредоточено на объекте и процессе его изменения. Например: *А вокруг Рубашкина наяву во дворе звонкими блестящими пилами в десятки рук пилился на стройки тес, очищалось и обдывалось множество колод, сновали новые нанятые батраки: конюхи иной раз гоняли на веревке молодого жеребца, чистили на разостланных холстинах перемолоченный хлеб из запаса, захваченного после выезда Перебоченской* (Г. П. Данилевский, 1863); *Никита несколько раз ездил в Симбирск, в Опекунский совет, в дворянский банк. Дом чистился. В каретнике обивали новым сукном коляску* (А. Н. Толстой, 1909); *Театр строился. Вернее, перестраивалось старое здание кинотеатра. Наталья Ильинична походила на полководца в самом пылу развернувшегося сражения.* (В. Розов, 1960-2000).

В.С. Храковский сделал вывод, что в пассиве процессная функция НСВ менее употребительна, чем в активе [Храковский 1991: 163]. Наш материал полностью подтверждает этот вывод. Наше исследование показало, что самым частым значением НСВ в возвратных конструкциях пассива является неограниченно-кратное. Процессное и общефактическое значение НСВ встречаются значительно реже. Из 130 проанализированных примеров возвратных конструкций неограниченно-кратное значение НСВ встретилось в 99 случаях, конкретно-процессное в 27, а общефактическое в 4 случаях. Приведем еще примеры возвратных форм пассива с конкретно-процессным значением. Наиболее четко это значение выражается при употреблении форм настоящего времени при обозначении конкретного действия с синхронной точкой отчета: *Сейчас строится жилой дом по улице Кутузова* (П. Мельников, 2003); *Ведь и Вы, помнится, настаивали на том,*

чтобы видимость ее не носила характера общеканцелярского, а между тем именно так и будет, так как помещение уже **оклеивается** обоями (П.С. Сухотин, 1914); И теперь, когда уже **шьется** атласное голубое платье, просто святое дело забрать мальчика (Г. Щербакова, 2001); Короче, сейчас **шьется** «новое платье» хозрасчета – современное, удобное, функциональное, отвечающее духу современной экономики интенсивного типа (Т. Виркунен, Б. Губин, 1988); Материны теплые руки поворачивают Ваньку: полоска клеенчатого сантиметра обвивает Ванькину грудь, шею – ему **шьется** новая рубаха (В. Шукшин, 1963). Процессное значение может быть представлено также в плане прошедшего времени, если есть синхронная точка отчета, которой может быть и другое действие. См. примеры: *Приближалось первое мая, и весь санаторий **чистился, мылся, готовился** к празднику* (Н. Мандельштам, 1960-1970); *Весной этого года, когда проект Тихонова только **вносился** в думу, **рассматривался** и альтернативный вариант, предложенный его заместителем по комитету от фракции «Яблоко» Вячеславом Изруновым* (Я. Амелина, 1998); *Вдоль северной набережной шли магистрали с неослабным гулом мощных грузовиков и треском мотоциклов. Центр города **перестраивался**, причем ускоренными темпами. Строители работали днем и ночью, спеша закончить реконструкцию города к началу Олимпийских игр 2000 года* (А. Шиманский, 2002). При указании на длительный период осуществления действия, так же как и в активных конструкциях реализуется длительно-процессное значение: *И наш комплекс, который **строился** 16 лет, задумывался как город в городе* (Н. Шагрова, 2004); *И вот уже полтора десятка лет шумит, обрастает улицами, рождает, **перестраивается** этот многомиллионный город на бойком месте, именуемый «Юностью»* (А. Вознесенский. На виртуальном ветру, 1998); *Но сторож, видно, решил, что если за портьерой не **подметалось** год, то какой смысл делать это сейчас?* (А. Рыбаков. Бронзовая птица, 1955-1956).

3. Общефактическое значение НСВ

Ю.А. Пупынин, исследующий специфику активных и пассивных конструкций, отмечает, что «как и в активе, обобщенно-фактическая функция в пассиве обладает двумя основными признаками: 1) она передает общую информацию о действии безотносительно к особенностям его протекания («обобщенность»), 2)

она акцентируется на самом факте осуществления действия вплоть до импликации его целостности («фактичность»).

В пассиве обобщенно-фактическое значение характеризуется объектной ориентацией в отличие от субъектной ориентации в активе. Например: *Удобрения на сторону сбывали, а сеяли на пустой земле. Мне вчера агроном после собрания все выложил. Ты его сам уговорил показать в актах, что удобрения **вносились*** (Е. Носов)» [Пупынин 1991: 216].

С точки зрения Ю.А. Пупынина, существование неодушевленного объекта и отвлечение от конкретного субъекта увеличивает степень обобщенности в пассивных конструкциях и в трехчленных пассивных конструкциях (когда фиксируется субъект действия), значение обобщенного факта может приближаться к своему активному варианту, однако в этих случаях возможна и субъектная ориентация, и объектная ориентация. Например: *Эта фраза вами лично **диктовалась**, полковник, или... или она как-то иначе сюда попала? – Мною лично, – спокойно ответил Ковалевский* (С. Сергеев-Ценский) [Пупынин 1991: 216].

Общезначимое значение чаще реализуется при выражении действий субъекта, т.е. в активных конструкциях. Поэтому для пассивных конструкций оно не характерно. В нашем материале примеров на общезначимое значение НСВ немного – всего 4: *Новые задачи армии, в частности участие в борьбе против международного терроризма, требуют новых специалистов. Система военного образования будет **перестраиваться**?* – *Она не будет ломаться, тем более ломаться через колено* («Российская газета», 2003); *Здание же Walnut Street никогда не **перестраивалось** и приближается к своему 200-летию* (А. Журбин, 1999); *Набор соревнований **составлялся** с учетом пожеланий ребят. Закончились они чаепитием. На Опытной станции ученики младших классов отправились в лес, а остальные сражались в шахматном, теннисном и волейбольном турнирах, которые проходили в трех возрастных категориях.* (Районный праздник здоровья, 2003); *Доклад правительственной комиссии по расследованию причин гибели «Курска» был представлен еще в прошлом году, и с тех пор изменений в него **не вносилось*** (С. Ястржембский. «Известия», 2001).

В активе НСВ общезначимого значения обычно допускает замену на форму СВ, например: *Где вы покупали? / где купили?* но в пассиве такая взаимозамена в большинстве случаев невозможна.

Таким образом, рассмотренный материал показывает сложное взаимодействие залога и вида в русском языке. Частные видовые значения НСВ в возвратных пассивных конструкциях имеют разную частотность. Наиболее частотным выступает неограниченно-кратное значение.

Литература

Алияришорехдели М. Парадигматические связи залога и вида в русском языке: возвратная пассивная форма совершенного вида // Вестник ЦМО. М. 2011.

Алияришорехдели М. Возвратные формы пассива в русском языке: сложности изучения семантики и употребления (с точки зрения персидского языка) // Материалы XVIII международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». М., 2011.

Буланин Л.Л. Категория залога в современном русском языке. Л., 1986.

Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.

Петрухина Е.В. Русский глагол: категории вида и времени. М., 2009.

Пупынин Ю.А. Функционирование форм несовершенного и совершенного видов в пассивных конструкциях // Функциональный анализ грамматических единиц. Л., 1980.

Пупынин Ю.А. Взаимосвязи категорий вида и залога в русском языке при функционировании форм несовершенного вида в пассивных конструкциях // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984.

Пупынин Ю.А. Функциональные аспекты грамматики русского языка: взаимосвязи грамматических категорий. Л., 1990.

Пупынин Ю.А. Активность/пассивность во взаимосвязях с другими функционально-семантическими полями // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.

Храковский В.С. Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.

Храковский В.С. Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) // Межкатегориальные связи в грамматике. СПб., 1996.

The article is devoted to the study of the interaction of grammatical categories of voice and aspect. Primary attention is given to the expression features of particular aspectual meanings of verbs in imperfective reflexive-passive forms and language material of the Russian National Corpus is analyzed. Voice and aspect, as two problematic parts of Russian grammar for foreign students, are involved in this study. The results of the study can be used in teaching Russian as a foreign language.

Keywords: *interaction, voice, particular aspectual meanings, reflexive form.*

МЕТАФОРА В МОНГОЛЬСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются метафоры в монгольском политическом дискурсе на основе когнитивной теории метафор. Выделены разновидности метафорических моделей в монгольском политическом дискурсе. Приведены примеры, указывающие особенности мышления монгольских политиков.

Ключевые слова: *метафора, фреймы, монгольский политический дискурс, метафора «лошадь».*

В последние годы метафора играет важную роль в формировании общественного мнения, в политической жизни Монголии. При подготовке выборов в парламент 2008 года метафора: „миллиардеры рождены государством” сильно повлияла на общественное мнение и привела демократическую партию к победе. Неслучайно поэтому лингвисты, политики и публицисты обратились к исследованию метафоры.

Монгольские лингвисты разных поколений – Ш. Лувсанвандан, Т. Пагва, Б. Ренчин, Н. Жамбалсурен, Ж. Томорцэрэн, Ц. Сухбаатар, Ш. Гаадамба, Д. Бадамдорж, Э. Равдан, Ж. Баянсан, Б. Пурэв-Очир, Н. Нансалмаа, Г. Цэвэлсурэн, Г. Томтогтох изучали метафору на уровне лексикологии, семантики и перевода. Большинство из них придерживается традиционного (идушего еще от Аристотеля) взгляда на метафору как на «сокращенное сравнение», один из способов «украшения» речи, или разделяет представление о метафоре как о своего рода взаимодействии двух глубинных (базисных) структур. [Ряпосова 2002].

С развитием когнитивной лингвистики появились работы Б. Чулуундорж, Б. Пурэв-Очир, Ж. Баянсан, рассматривающие “метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира” [Чудинов 2001: 8].

В работах академика Б. Чулуундорж метафора изучается как “продукт мышления”. [Чулуундорж 2005]. Имеются исследования функционирования метафоры в рамках дискурса [Хонгорзул 2004].

Существуют различные классификации метафор [Тумурхо-яг 2010; Чудинов 2001]. В качестве примера приведем классификацию А.П. Чудинова, выделяющего следующие разряды метафорических моделей. [Чудинов 2001] .

1. **Антропоморфная метафора.** При исследовании этого разряда анализируются концепты, относящиеся к таким исходным понятийным сферам, как «Анатомия и физиология», «Болезнь», «Секс», «Семья». В данном случае человек моделирует политическую реальность исключительно по своему подобию.

2. **Метафора природы.** Источниками метафорической экспансии в данном случае служат понятийные сферы «Животный мир», «Мир растений», «Неживая природа», то есть политические реалии осознаются в концептах мира окружающей человека природы.

3. **Социальная метафора.** В подобных случаях исследуются концепты, относящиеся к таким понятийным сферам, как «Преступность», «Война», «Театр (зрелищные искусства)», «Игра и спорт», «Экономика» и др.

4. **Артефактная метафора.** Исследуются понятийные сферы «Дом (здание)», «Механизм», «Транспортные средства» и т.п. В данном случае политические реалии представляются как предметы, созданные трудом человека.

Подобного рода метафоры используются и в монгольском политическом дискурсе.

Метафоры, связанные с фреймом “Организм человека”:
Ардчилал оороо амьд организм. ... Ардчилсан нам ч амьд организм мэт шинэчлэгдэж байх ёстой. /Одрийн сонин № 274 2009.11.13/ Демократизм – это живой организм... Демократическая партия должна обновляться как живой организм. Гай болоход энэ улс тор манай нийгмийн тархи толгой нь болчихоод байна. [Ог.с №066.2009.04.08] К несчастью, эта политика стала мозгом нашего общества.

Метафоры, относящиеся к фрейму “Болезнь”:
Одоо ч тэр овчин намдаагүй энэ сонгуулийн уед улам гаарах нь тодорхой болж турууч нь цухалзаж эхэллээ.[Унэн № 069 09.04.10] Сейчас эта болезнь еще не прошла, и может обостриться еще сильнее во время выборов. ... ардчилсан намын хундрэлтэй хатгалгаа, угдэрсэн ханиадын түүх эхэлнэ. [Ардын элч с.192]... начинается история пневмонии с осложнением демократической партии. ..

манай нам бүх шантандаа ухэлд хургэж мэдэхээр эдгэшигүй **өвчин** туссан гэдгийг биеэрээ мэдэрч , нүдээрээ харж байна./Удрийн с. №274 .2009.11.13/ Вижу собственными глазами и чувствую всем телом, что наша партия на всех уровнях заражена **тяжелой, неизлечимой болезнью**, которая может довести до смерти.

Метафоры, относящиеся к фрейму “Война”:

Н.Энхбаяр авилгалын загалмайлсан эцэг бол Ц.Элбэгдорж харин авилгатай **дайн** зарласан билээ. [УСН№084 /3161. 2009.04.09] Н.Энхбаяр был крестным отцом коррупции, а Ц.Элбэгдорж объявил **войну** с коррупцией. ...улс тор бизнесийн бүлэглэл болох олигархиудын **жагсаалын дарга** Засгийн газрын тэргүүнтэй болчихлоо [Уд.с.№ 274 09.11.13] ...стал главой правительства **командир роты** олигархов из банды политических бизнесменов. Шатахууны унийг барьж чадаагүйдээ бантсан Ерөнхий сайд экологийн **хуйтэн дайныг эхлуулэв**. [Удрийн сонин №087. 2009.04.13] Премьер министр, который стеснялся роста цен на бензин, начал **экологическую холодную войну**.

Метафоры, связанные с фреймом “Театр”: Банкаар зарим нухуд гараа угаааж, **гашиудлын хогжмийг** нь Монгол банкны ерөнхийлогч Л.Пүрэвдорж, Санхүүгийн зохицуулах хорооны дарга Д.Баярсайхан нар **найруулж** “татан буулгах, дампууруулах” **жуужиг тавьдаг** болоод удлаа./Уд.с № 297 09.12.11/ Уже давно некоторые товарищи “моют руки” банками, и президент Монгол банка Л.Пүрэвдорж и глава Комитета по координации финансов Д.Баярсайхан **ставит спектакль** о ликвидации, банкротства.

Метафоры, связанные с понятиями “Природа” и “Животные”. Это объясняется тем, что монголы с давних времен жили близко к природе. Среди метафор, относящихся к фрейму “Животные” часто встречаются метафоры: “лошадь”, “коза” и “корова”: **АН-аасаа ишигиэдэн гарч ирсэн туунийг данииг наадамд уралдах гэж буй харцын морьтой** зүйрлэж болно. Орсолдогч нь хэрэв монготэй чадалтай эрх мэдэлтэй улсыг, олигархиудыг толоолж байгаа **ноёны морь** бол Элбэгээ тийм биш. / Ардчилал 2009.04 сар тусгай дугаар/ Его, отобранного из лучших среди членов демократической партии, можно сравнить с **лошадью простолюдина**, которая собирается участвовать в скачках. Если конкуренты являются **лошадьми** ноёнов /князей/-

представителей олигархов, имеющих деньги и власть, то Элбэгээ таковым не является.

Проведенные наблюдения над использованием метафоры в монгольских публицистических текстах политического содержания позволяют сделать следующие выводы:

Метафора выражает мышление политиков и отражает модель политического мышления. Монгольские политические метафоры можно разделить на следующие метафорические модели: “Человеческий организм”, “Болезнь”, “Война”, “Театр” и “Мир животных”. В монгольском политическом дискурсе наиболее активно функционируют метафорические модели, связанные с понятиями “Человеческий организм” и “Война”. Помимо этого широко распространены метафоры, связанные с названиями домашних животных (лошадь, коза, корова). Это связано с особенностью мышления монголов, занимавшихся скотоводством на протяжении многих веков, с их традициями и их культурой. В сознании монголов метафора “лошадь” всегда концептуализируется позитивно. И метафоры “лошадь”, “скачки” актуализируются очень часто.

Литература

- Апресян В. Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций. Вопросы языкознания. 1993, № 3.
- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: М., 1990.
- Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.
- Бадамдорж Д. Монгол хэлний утга судлал. УБ., 2001.
- Баянсан. Ж Соёл хэл ундэсний сэтгэлгээ УБ., 2002.
- Вершинина Т.С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
- Н.Нансалмаа Орос, монгол хэлний амьтны нэрийн хуншсэн утгыг утгазуй тользуйн хурээнд судлах нь. Нэг сэдэвт зохиол. УБ., 1997.
- Ряпосова. А.Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе “Российские федеральные выборы”. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
- Тумурхояг. Б Улс торийн дискурс дэх метафорийг когнитив хэл шинжлэлийн ууднээс судласан нь / монгол, орос, англи хэлний жишээн дээр/ УБ., 2010.

Хонгорзул.Д Сонины мэдээллийн дискурсийн угийн санг регистрийн ууднээс зэрэгцуулэн судлах нь. / “The Daily Telegraf”, “Удрийн сонин”- хэрэглэгдхуун дээр. УБ., 2004.

Чулуундорж. Б Когниц: сэтгэл судлал-хэл шинжлэл- мэдлэгийн онол /Лекцийн сэдвүүд/ УБ., 2005.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.

Цэен-Ойдов. Ц., Тумурхояг. Б. Улс торийн дискурс дэх метафор. УБ., 2010.

This article deals with metaphors in Mongolian political discourse on the bases of the cognitive theory of a metaphor. The model types of metaphors in Mongolian political discourse are categorized. Also, the examples which illustrate distinction of conception of the Mongolian politicians are presented.

Keywords: *metaphor, frame, Mongolian political discourse, metaphor “horse”.*

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Гу Хонфэй, Ху Сяоцзин (КНР)

СЕРТИФИКАЦИОННЫЙ ТЕСТ ПО УСТНОМУ ПЕРЕВОДУ С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ И С РУССКОГО НА КИТАЙСКИЙ И АНАЛИЗ ЕГО ЗАДАНИЙ

Статья посвящена проблемам тестирования. В статье дается анализ заданий китайского сертификационного теста по устному переводу с китайского языка на русский и с русского языка на китайский. Проводится сравнение китайского СТУПРЯ и теста по русскому языку как иностранному третьего сертификационного уровня (ТРКИ-3).

Ключевые слова: тестирование, устный перевод, СТУПРЯ, ТРКИ-3, оптимизационные варианты.

В последние годы с динамичным развитием всесторонних отношений стратегического взаимодействия и партнерства между Китаем и Россией спрос на устные переводческие услуги увеличивается. Подготовка и отбор квалифицированных устных переводчиков с китайского языка на русский и с русского языка на китайский является актуальной задачей. Прохождение в Китае сертификационного переводческого теста (China Aptitude Test for Translators and Interpreters) представляет собой государственный экзамен для определения уровня владения переводом. Данный экзамен разработан Государственным министерством кадров, и Государственное бюро иностранных языков несет ответственность за внедрение и проведение теста по всей стране. Сертификационный тест по устному переводу с китайского языка на русский и с русского языка на китайский (СТУПРЯ) был создан в 2006 году. Он проводится раз в год в ноябре в Пекине. Всем лицам, соблюдающим правила Конституции КНР, придерживающимся профессиональных обязанностей и овладевшим определенными знаниями русского языка вне зависимости от возраста, уровня образования и занимаемой должности, позволяют принять участие в тестировании. Любой экзаменуемый, чьи результаты достигли определенного уровня, может получить соответствующий этому уровню сертификат, который при устройстве на работу может служить свидетельством профес-

сиональных знаний по переводу с китайского языка на русский и с русского языка на китайский.

Так как данный тест был введен недавно, то в этом тесте существуют некоторые спорные моменты, которые оставляют желать лучшего. На практике существует ряд проблем, связанных с составлением тестов, например, бессистемность тестовых заданий, ненаучность методов контроля, необъективность оценочных шкал и т.д. В настоящее время в Китае отсутствует достаточное количество работ в области исследования системы тестирования по устному переводу. Мы хотели бы провести сравнение между «Сертификационным тестом по устному переводу с китайского языка на русский и с русского языка на китайский» и «Тестами по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение». Работа над тестами в России и в Китае имеет важное значение, ведь сравнивая, мы можем узнать, какие проблемы возникают у нас и в других странах. Это поможет нам оптимизировать тестирование, улучшить его эффективность в будущем и, таким образом, реализовать его основную функцию – проверку уровня знаний тестируемого. Однако в связи с тем, что в России пока нет специального теста по устному переводу, единственным тестом, который может выполнять функцию теста по устному переводу, является тест по русскому языку как иностранному третьего сертификационного уровня (ТРКИ-3). Российская система тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку как иностранному (ТРКИ) предусматривает создание и выпуск стандартизированных тестов под руководством Министерства образования и науки Российской Федерации. Сертификат первого уровня общего владения русским языком необходим для обучения в российских вузах. Сертификат третьего уровня общего владения русским языком свидетельствует о высоком уровне коммуникативной компетенции во всех сферах общения. «Овладение русским языком в объеме III уровня позволяет вести профессиональную деятельность на этом языке в качестве филолога, переводчика, редактора, журналиста, дипломата, менеджера, работающего в русскоязычном коллективе» [Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному 1999: 4].

В статье мы рассмотрим субтесты «Говорение» и «Аудирование» в качестве предметов исследования, поэтому наше дальнейшее сравнение можно назвать относительным. Мы сравнива-

ем тестовые задания СТУПРЯ и ТРКИ-3. Главная цель сравнения заключается в том, чтобы узнать, в чем достоинства и недостатки «Сертификационного теста по устному переводу с китайского языка на русский и с русского языка на китайский», и какими способами мы можем оптимизировать задания данного теста, чтобы при помощи этого теста можно было бы проверить уровень устного перевода.

1. Сравнение содержания тестовых заданий СТУПРЯ и ТРКИ-3

Перед сравнением любого теста нам нужно ответить на вопросы: «Что тестировать? Как это проходит?» Тестовое задание – это элементарная единица содержания теста, поэтому сравнение тестового задания с учетом характеристик эффективности является важнейшим действием тестолога при разработке теста. L. Bachman указывает на две общие стратегии, которых необходимо придерживаться при составлении тестовых заданий: (1) описание коммуникативных задач в ОПЯ и их переработка для переноса в тест в качестве тестовых заданий и/или (2) составление оригинальных тестовых заданий, основанных на спецификациях. Выбор одной или обеих стратегий зависит от конкретной тестовой ситуации. Для обеспечения высокой степени аутентичности и интерактивности тестового задания необходимо определить цели тестирования, объект тестирования и личностные особенности экзаменуемых. По поводу определения объекта теста и анализа личности экзаменуемого L. Bachman предложил один принцип, рассчитанный на сравнение содержания языкового теста, – это аутентичность [Bachman, Palmer 1996: 337]. Далее мы сравним тестовые задания в обоих тестах, чтобы выявить, какие тестовые задания оказываются более аутентичными.

Тренировочные тесты по русскому языку как иностранному. III сертификационный уровень. Общее владение.

Субтест 5. Говорение

Задание 1 (позиции 1–4). Представьте себе, что Вы с друзьями недавно побывали на свадьбе своих знакомых и сейчас обсуждаете это событие. Ваши точки зрения совпадают. Вы скажите аналогичное мнение, используя другие (неоднокоренные) слова.

Задание 2 (позиции 5–8). Вы разговариваете с подругой, которая решила поехать с друзьями за город, но теперь сомневается в правильности этого решения. Возразите подруге и убедите ее в правильности принятого решения. Приведите свои аргументы. В своих высказываниях Вы должны использовать разные языковые средства. [Тренировочные тесты по русскому языку как иностранному. III сертификационный уровень. Общее владение 2011: 67].

Субтест 3. Аудирование

Задания 12–18. Прослушайте отрывок из выступления академика Д.С. Лихачева на съезде народных депутатов и выберите вариант ответа к каждому из заданий.

(Звучит аудиотекст.)

Задания 19–25. Посмотрите фрагмент передачи об актрисе Юлии Рутберг. Выберите правильный вариант ответа.

(Демонстрируется видеозапись.) [Тренировочные тесты по русскому языку как иностранному. III сертификационный уровень. Общее владение 2011: 50-51].

Тематика тестов по аудированию – свадьба, поездка за город, выступление академика и передача об актрисе – создает цельную картину жизни, и с этими ситуациями все обычные люди в своей жизни время от времени сталкиваются. Если событие тестируемому известно, знакомо, то тестовые задания, как выше было изложено, считаются ситуативно аутентичными. Тестологи при составлении тестов, учитывая характеристики тестируемых, выбрали бытовые темы, актуальные для говорящего при решении коммуникативных задач, чтобы определить уровень владения языком.

Рассмотрим задания на выполнение последовательного перевода СТУПРЯ-3 (третьего сертификационного уровня СТУПРЯ):

Часть I. Перевести прослушанный диалог с китайского языка на русский или с русского языка на китайский.

А: 你知道么, 安德烈, 中国成功发射第二艘载人飞船, 昨天飞船已经安全返回地面。

В: Конечно, слышал. Поздравляю китайский народ с блестящей победой. Молодцы, китайцы!

А:两名航天员，费俊龙和聂海胜，围绕地球飞行76圈，共115.5小时。他们是真正的英雄。

В: Это уже второй пилотируемый космический корабль. А когда был запущен первый?

А: 中国第一艘载人飞船是2003年10月15日发射的，杨利伟是遨游太空的第一位中国人，他首次实现了中华民族飞天梦想。

В: Китайский народ по праву гордится своими успехами в освоении космоса. Ты, конечно, знаешь, что первым человеком, полетевшим в космос, был наш российский космонавт Юрий Гагарин.

Это задание касается известной всем информации – запуска космического корабля в Китае. Поэтому с точки зрения требования ситуативной аутентичности данное задание соответствует характеристикам внетестовой ситуацией, т.е. тестируемые имеют возможность встретиться с ней в своей реальной жизни или во время переводческой работы, разговаривая с русскими гостями о новостях в Китае. Об этом событии знает каждый обычный гражданин Китая и даже все люди на Земле. Такие слова, как ‘космический корабль’, ‘пилотируемый’, даты, цифры входят в лексикон устного переводчика. Применение этих навыков должно быть отражено во время тестирования.

2. Сравнение времени проведения СТУПРЯ и ТРКИ-3

*Результаты научных исследований показывают, что проведение тестирования по аудированию должно длиться ± 60 минут. Если устный переводчик работает в течение длительного времени, его мозг перегружается информацией, а **перегрузка информацией** приводит мозг к переутомлению, и в результате человек устает, память ухудшается. Все это пассивно влияет на качество устного перевода.*

СТУПРЯ-3 состоит из двух частей – «Языковые навыки» и «Последовательный перевод». Продолжительность тестирования – 90 минут.

ТРКИ-3 проводится в течение 2-х дней. В первый день выполняются следующие субтесты: 1 часть – «Чтение»; 2 часть – «Письмо»; 3 часть – «Лексика. Грамматика». Во второй день выполняются субтесты: 4 часть – «Аудирование»; 5 часть – «Говорение».

Время на проведение теста ТРКИ-3

Субтест	Время выполнения (мин.)
1. Лексика. Грамматика	90
2. Чтение	60
3. Письмо	75
4. Аудирование	35
5. Говорение	45 – 50

Из вышесказанного мы видим, что количество заданий СТУПРЯ и ТРКИ-3 охватывает большой объем знаний, а процесс прохождения тестирования затягивается на слишком долгое время. И поэтому результаты данного экзамена не могут верно отражать способности тестируемых к устному переводу.

3. Выводы

Сравнение заданий двух тестов позволяет определить, какие проблемы существуют в системе тестирования, как можно сделать тестирование надежным и валидным. Анализ показывает, что необходимо учитывать следующее:

1. Инструкция к заданиям при проведении тестирования по устному переводу должна быть более конкретной и включать в себя все необходимые пункты, чтобы выполнять функцию напоминания, сообщения, руководства.

2. Содержание заданий и текстов должно быть аутентичным. Переводческие задачи должны быть максимально приближены к реальным переводческим ситуациям, поэтому лучше отбирать актуальные на данный момент материалы для перевода из газет, журналов и т.д.

3. Тест, предъявляемый для устного перевода, должен содержать ряд компонентов, позволяющих выявить компетенции устного переводчика, и отражать требования профессиональной квалификации устных переводчиков, потому что главной целью тестирования на умение выполнения устного перевода является доскональная проверка всех необходимых знаний, умений и навыков устного переводчика, включая языковые и внеязыковые знания. Чтобы успешно понимать оригинальный текст и задачу перевода, переводчик должен владеть иностранным языком (в данном случае – русским языком), а также и родным языком (ки-

тайским). Кроме языковых знаний, нужно еще владеть фоновыми знаниями.

4. Продолжительность теста должна быть рациональна. Если тест проводится слишком долго, то и тестируемые, и проводящие тестирование могут устать. Тестируемые будут не в состоянии выполнить тестовые задания качественно.

Литература

Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Третий уровень. Общее владение. М., СПб., 1999.

Bachman L.F., Palmer A.S. *Language Testing in Practice: Designing and Developing Useful Language Tests*. Oxford, 1996.

Тренировочные тесты по русскому языку как иностранному. III сертификационный уровень. Общее владение. СПб., 2011.

The article is concerned with standardized qualification tests of language proficiency of translators and interpreters. The system of tasks and questions of the Chinese translation qualification test for Russian-Chinese interpreters (CATTI) is analyzed in comparison with Test of Russian as a Foreign Language, level 3 (TORFL-3).

Keywords: *standardized language qualifications test, interpreting, China Aptitude Test for Translators and Interpreters (CATTI), Test of Russian as a Foreign Language – level 3 (TORFL-3).*

К ПРОБЛЕМЕ НОРМАЛИЗАЦИИ АЭРОКОСМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена рассмотрению основных проблем нормализации и стандартизации терминологии в зеркале аэрокосмической терминологии в русском и персидском языках. Описаны основные этапы упорядочения терминологии. Показано, что с точки зрения нормализации аэрокосмическая терминология в русском и персидском языках очень сильно отличаются друг от друга.

Ключевые слова: терминология, нормализация и стандартизация, аэрокосмическая терминологическая система, русский язык, персидский язык.

В любой терминологической системе очень важно единое и однозначное понимание терминов. Поэтому термины нуждаются в стандартизации и нормализации. Чем сложнее наука, тем острее ощущается необходимость стандартизации ее терминологии. Впрочем, при рассмотрении любой терминологической системы неизбежно обращение к вопросу об использовании разных типов слов и морфем, а также о соответствии их основным тенденциям исторического развития терминологии. В.В. Виноградов о важности упорядочения терминологии писал следующее: «Проблема разработки и упорядочения терминологии различных областей науки, экономики и культур представляет собой одну из актуальных теоретических и практических задач языкознания в целом» [Виноградов 1961: 8]. Острота этого вопроса ощущается и при упорядочении и унификации терминологических систем, и при составлении нормативных терминологических словарей, терминологических стандартов или списков рекомендуемых терминов. В последнее время в связи с тем, что возрастает число практических и теоретических работ, посвященных проблемам создания терминологических словарей для разных отраслей знаний, упорядочения и унификации терминологий, это направление терминологической работы стало очень активным и важным [Герд 1971: 14; Гринев-Гриневиц 2008: 229].

Стандартизация терминов в русском языке началась с конца 1920-х гг., когда в связи с освоением техники и массовым овладением техническими знаниями стала необходимой разработка

единой понятийной терминологической системы разных научно-технических сфер. В 1960-е гг. в СССР в рамках государственной системы стандартизации была разработана система стандартизации научно-технической терминологии. Стандарты научно-технической терминологии создаются в виде терминологических словарей государственно-правового характера. Эти стандарты становятся обязательными во всех видах документации, научно-технической, учебной и справочной литературе [Волкова 1988: 202]. В настоящее время разработка стандартов на термины и определения выполняется во Всероссийском научно-исследовательском институте классификации, терминологии и информации по стандартизации и качеству (ВНИИКИ) Госстандарта России (www.vniiki.ru).

Работу по упорядочению терминологии можно разделить на следующие основные этапы¹:

– инвентаризация терминов и систематизация понятий². Инвентаризация терминологии заключается в сборе и описании всех терминов данной терминологической системы, а при систематизации понятий выявляются основные признаки понятий;

– анализ и унификация терминологии. Этот анализ может быть разноаспектным. Например, семантический анализ проводится с целью выявления недостатков терминологических систем и позволяет определить соответствие значений терминов содержанию называемых ими понятий, а также выделить понятия, для которых не существует адекватного словесного обозначения. С помощью словообразовательного анализа можно определить наиболее активные способы и модели номинации, а также выделить неудачно образованные терминологические единицы. Только после всестороннего анализа можно говорить об унификации терминологии;

– кодификация терминологии. Кодификация терминологической системы может быть представлена в виде терминологического словаря. Данная работа в зависимости от особенностей терминологической системы может быть оформлена и в виде

¹ При определении этапов упорядочения терминологии мы опирались на следующие работы: [Гринев-Гриневиц 2008: 230-231], [Культура русской речи 2009: 208-209], [Мельников 1991: 84-92].

² О важности этой проблемы пишет В.В. Виноградов: «Попытки упорядочения терминов без предварительного анализа понятий, которые ими выражаются, чаще всего остаются безрезультатными» [Виноградов 1961: 8].

сборников рекомендуемых терминов или в виде государственных или отраслевых стандартов (ГОСТов и ОСТов) на термины и определения.

Из основных задач, связанных со стандартизацией научно-технической терминологии, можно указать на следующие: фиксация современных научных и технических терминов, приведение национальной научно-технической терминологии в соответствие с международными эквивалентами, создание условий для взаимосвязанного и согласованного развития словесных терминологических средств для информационных систем, а также определение недостатков существующих терминологических систем и их устранение [Культура русской речи 2009: 209].

Серьезными лингвистическими проблемами, стоящими перед составителями терминологических стандартов, являются проблемы синонимии и полисемии терминов, соответствия их нормам современного русского языка, а также частеречной принадлежности заголовочных терминов словаря [Даниленко 1977: 164-189].

«Отношение к синонимии и полисемии – наиболее важный вопрос в кругу лингвистических требований, предъявляемых к стандартизуемой терминологии. Хотя в большинстве ГОСТов и ОСТов категорически запрещается наличие синонимов в стандартизуемой терминологии, иногда это запрещение не выдерживается в ГОСТах и их авторы вынуждены признавать наличие синонимов для одного и того же понятия» [Даниленко 1977: 173].

Систематизация терминологии с точки зрения лингвистической правильности обычно начинается с анализа правильности образования терминов, то есть способы и модели терминообразования должны соответствовать словообразовательным нормам современного русского языка. При упорядочении и стандартизации любой отраслевой терминологической системы надо обращать внимание на словообразовательные варианты [Даниленко 1977: 189].

Что касается систематизации терминологий с точки зрения частеречной принадлежности терминов, то обычно при включении терминов в терминологические стандарты предпочтение дается существительным, хотя при необходимости в их рамках могут быть представлены и другие части речи. Кроме того, могут быть даны и термины – словосочетания, состоящие, прежде всего, из прилагательного (или причастия) и существительного или

существительного и существительного [Даниленко 1977: 164]. При этом часто возникают трудности при отграничении терминов-словосочетаний от свободных сочетаний, поэтому их должны принимать во внимание составители терминологических словарей.

Наглядным примером успешной стандартизации терминологии может быть аэрокосмическая терминология в русском и персидском языках. Русская и персидская аэрокосмическая терминология отличаются друг от друга как общим характером систем, так и способами их пополнения, что объясняется как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

Русской аэрокосмической терминологии присущи также такие характерные для любой русской терминологической системы особенности, как единообразие, стандартизованность терминологических обозначений, ярко выраженный аналитизм [Русский язык и советское общество. Лексика 1968: 155-166].

Среди указанных характеристик русских терминологических систем (в том числе и аэрокосмической) большое значение имеет стандартность (о чем шла речь выше). Показателем стандартности русских терминов могут служить российские государственные терминологические стандарты (ГОСТы) на термины и определения, которые имеют официальный, государственно-правовой статус [Волкова 1988: 202]. В государственных стандартах России содержатся такие аэрокосмические терминологические стандарты, как, например, *ГОСТ 21890-76 (Фюзеляж, крылья и оперение самолетов и вертолетов (термины и определения))*, *ГОСТ 23281-78 (аэродинамика летательных аппаратов (термины, определения и буквенные обозначения))*, *ГОСТ 23851-79 (Двигатели газотурбинные авиационные (термины и обозначения))*, *ГОСТ 28040-89 (Комплекс систем обеспечения жизнедеятельности космонавта в пилотируемом космическом аппарате (термины и определения))*, *ГОСТ 21452 (Системы парашютные (термины и определения))*, *ГОСТ 29958-80 (Динамика летательных аппаратов в атмосфере (термины, определения и обозначения))*, *ГОСТ 27332-87 (Условия полета летательных аппаратов (термины и определения))*¹ и мн. др. (список ГОСТов,

¹ «Стандарт на термин и определения – это терминологический словарь системного типа, имеющий официальный, государственно-правовой статус. Наименование такого словаря включает объект, терминология которого стандартизируется, например: *Системы парашютные (термины и определения)*. Кроме наименования, каждый терминологический стандарт, как и стандарты других видов, имеет свое

содержащих аэрокосмические терминологические стандарты России, включает 30 наименований, см. список источников).

По сравнению с русской персидская аэрокосмическая терминология имеет другой характер. Персидская аэрокосмическая терминология долго была лишена нужного общественного внимания и до определенного времени не могла приобрести необходимой стандартности. Отметим малочисленность специальных научных работ, посвященных персидской терминологии. Развитие авиации в Иране началось под влиянием других стран в середине XX века, а космическая наука и сейчас находится на начальном этапе развития.

Развитие аэрокосмической терминологии в персидском языке определялось двумя основными экстралингвистическими факторами: степенью развития науки и техники в Иране и деятельностью Академии персидского языка и литературы.

После появления аэрокосмической науки и техники в Иране до исламской революции авиация в стране развивалась под влиянием других стран, в первую очередь западных и США. Поэтому в этот период видна ведущая роль в персидской аэрокосмической терминологии заимствований, в первую очередь из английского языка.

Хотя после революции были ослаблены связи с англоязычными странами в интересующей нас сфере терминологии, заимствованные из английского языка слова употребляются до сих пор. Несмотря на развитие отношений с Россией, число заимствованных слов из русского языка не так велико.

Характер персидской аэрокосмической терминологии с появлением Академии персидского языка и литературы во многом определяется ее деятельностью, начинается разработка проблем стандартизации всех персидских аэрокосмических терминов, и, следовательно, аэрокосмических номинативных средств. Академия работает в Иране с некоторыми перерывами с 1933г.

Последний период работы Академии, который начался с 1991 г., считается самым важным и активным. В 1997 г. в Академии были разработаны и утверждены «Правила терминообразо-

обозначение, которое включает аббревиатуру, указывающую на категорию стандарта (ГОСТ – государственный стандарт, ОСТ – отраслевой стандарт), регистрационный номер и год утверждения, например, *ГОСТ 27332-87*. Терминологический стандарт состоит из следующих частей: вводной, основной, алфавитных указателей, а в случае необходимости и приложений» [Волкова 1988: 202].

вания» [Правила терминообразования 2009], в которых излагаются основные принципы терминообразования в персидском языке: на них рекомендуется опираться при решении задачи устранения избыточных заимствований [Куранбеков 2003: 17; Акбарипур 2006: 138].

Среди основных правил терминообразования, рекомендованных Академией персидского языка и литературы, можно указать следующие [Правила терминообразования 2009: 43; Акбарипур 2006: 140]:

- 1) соответствие грамматическим и фонетическим правилам современного литературного персидского языка (необходимые заимствованные слова тоже должны соответствовать фонетическим правилам современного персидского языка;
- 2) необходимость использования устойчивых и распространенных слов современного персидского языка;
- 3) учет словообразовательной активности производящего слова, способности образования от него новых терминов;
- 4) допустимость в необходимых случаях использования редких и нераспространенных словообразовательных способов персидского языка;
- 5) необходимость образования только одного обозначения для каждого понятия и отсутствия синонимичных терминов;
- 6) устранение многозначности и полисемии;
- 7) желательность создания для каждого значения многозначного иноязычного термина собственного эквивалента;

При этом выбор эквивалента для всех интернациональных терминов не является обязательным требованием. В тех случаях, когда выбор термина в соответствии с указанными правилами оказывается затруднительным, окончательное решение принимается Советом Академии.

В последнее время в Академии начали работать новые секции, в частности, активно работает секция воздушного транспорта, задачей которой является выбор подходящих словесных обозначений для понятий аэрокосмической науки и техники. Эта секция к настоящему времени предложила эквиваленты для более чем 2000 иноязычных терминов. Таким образом, можно сказать, что персидская аэрокосмическая терминология находится в стадии преобразования.

Хотя в специальных работах, посвященных персидской терминологии [см. Сотова 2008; Пейсиков 1975; Рубинчик 1991],

отмечается, что одним из основных способов терминообразования в современном персидском языке является терминологизация общеупотребительной лексики, анализ аэрокосмических терминов, утвержденных Академией персидского языка, показывает, что на современном этапе активно используются разнообразные способы и средства, такие, как аффиксация, сложение, заимствование, калькирование. В терминологической системе недавно появилась также тенденция к образованию аббревиатур.

Подытожим сказанное. Из основных задач, связанных со стандартизацией научно-технической терминологии, можно указать на следующие: фиксация современных научных и технических терминов, приведение национальной научно-технической терминологии в соответствие с международными эквивалентами, создание условий для взаимосвязанного и согласованного развития словесных терминологических средств для информационных систем, а также определение недостатков существующих терминологических систем и их устранение.

Наглядным примером успешной стандартизации терминологии может быть аэрокосмическая терминология в русском и персидском языках. Русская и персидская аэрокосмическая терминология отличаются друг от друга как общим характером систем, так и способами их пополнения, что объясняется как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

Показателем стандартности русских терминов могут служить российские государственные терминологические стандарты (ГОСТы) на термины и определения, которые имеют официальный, государственно-правовой статус.

Персидская аэрокосмическая терминология долго была лишена нужного общественного внимания и до определенного времени не могла приобрести необходимой стандартности. Отметим малочисленность специальных научных работ, посвященных персидской терминологии. Развитие авиации в Иране началось под влиянием других стран в середине XX века, а космическая наука и сейчас находится на начальном этапе развития

Литература

- Акбарипур А. Терминологическое строительство в Иране. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. М., 2006.
Виноградов В.В. Вступительное слово // Вопросы терминологии: Материалы Всесоюзного терминологического совещания. М., 1961.

- Волкова И.Н. Терминологические стандарты как особый вид словарей нормативного типа // Словарные категории. М., 1988.
- Герд А.С. Проблемы становления и унификации научной терминологии // Вопросы языкознания. М., 1971. №1.
- Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М., 2008.
- Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977.
- Культура русской речи / Отв. ред. Л.К.Граудина, Е.Н.Ширяев. М., 2009.
- Куранбеков А. Проблемы формирования научно-технической терминологии в современном персидском языке // Вопросы филологии. М., 2003. № 2(14).
- Г.П. Мельников. Основы терминоведения. М., 1991.
- Л.С. Пейсиков. Лексикография современного персидского языка. М., 1975.
- Правила терминообразования // Основы и правила терминообразования. Тегеран: Издательство Академии персидского языка и литературы, 2009. (Зāвāбэт-э вājэ гозини // Осул вā зāвāбэт-э вājэ гозини. Тэһран: Энтешарат-э Фāрһāнгестан-э зāбан вā āдāб-э фарси, 1388).
- Ю.А. Рубинчик. Лексикография персидского языка. М., 1991.
- Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка / Под. ред. М.В.Панова. М., 1968.
- О.М. Сотова. Метафора в терминообразовании современного персидского языка // Ирано-славика. М., 2008. № 3(17).
- www.vniiki.ru

The article is concerned with the main problems of normalization and standardization in the context of the Aerospace terminology in Russian and Persian. In this article the basic steps of terminological systematization are described. It is shown that from the point of view of normalization aerospace terminology in the Russian and Persian languages differ radically.

Keywords: *terminology, normalization and standardization, aerospace terminological system, Russian language, Persian language.*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Т.А. Маляева

СЕМАНТИКА «САДА» И МЕЖТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В ПОЭМЕ В. МАЯКОВСКОГО «ПРО ЭТО»

Статья посвящена семантике “сада” (зоосада) – одного из ключевых образов поэмы В. Маяковского «Про это». Исследуются межтекстуальные связи «самого литературного, самого цитатного из всех его творений» (Р. Якобсон). Раскрываются аллюзии и реминисценции, отсылающие к раннему Маяковскому, к произведениям Чехова, Мандельштама, Цветаевой, а также прослеживается семантическое сходство образа сада у Маяковского и в современной литературе.

Ключевые слова: Маяковский, поэма «Про это», образ сада, экзистенциальная составляющая, библейская символика, трансформация образа.

К моменту возникновения на рубеже XIX-XX столетий искусства модернизма за образом сада стоял огромный контекст русской и европейской литератур, который осваивался новым художественным сознанием.

Этот образ-символ емок и многозначен: ожидаемый или потерянный рай, восходящий к библейской традиции; символ новой жизни; место встречи влюбленных. В поэзии символистов – это вход в потусторонний, загробный мир, кладбищенские аллеи. Зоосад выступал как символ болезненного состояния общества, неволи, при этом обитателями его становились люди, опустившиеся до уровня животных, потерявшие человеческий облик.

С древнейших времен в мировых религиях, в том числе христианстве, сформировались представления о саде-рае как месте вечного блаженства, которые легли в основу европейской культуры. Если в литературе античности и Ренессанса образ Эдема преимущественно являлся знаком удовольствия и радости жизни, то в средневековой христианской литературе сложился образ умопостигаемого сада, символизирующий церковь, Богородицу, душу праведника, мир высших духовных и нравственных ценностей. Во все эпохи образ сада выступал мифопоэтической моделью мира в его идеальной сущности.

Поэтическая сторона образа, тесно связанная с воспоминаниями, варьировалась от обозначения мира прекрасных чувств,

дружественных «пиров» и «забав» до символики пространства поэтического уединения и мечтания.

В живописи на религиозные сюжеты сад сохраняет внешние, вещные черты рая, включая в себя в качестве необходимых компонентов пышную садовую или садово-лесную зелень, ласковое солнце поздней весны или раннего лета, птичье пение, журчание ручьев – то есть все детали благой, предельно радушной к человеку природы. Приобретая статус рая, сад становится тем местом, где обретается внешняя и внутренняя гармония счастливого состояния души, безоблачное душевное блаженство.

Смысловая цепочка «сад – душа – будущее» появляется в поэзии Маяковского еще в 1916 году (стихотворение «Ко всему»):

Грядущие люди!

Кто вы?

Вот – я,

весь

боль и ушиб.

Вам завещаю я сад фруктовый

моей великой души [Маяковский 1987: 77].

В поэме «Про это» сад «великой души» поэта разрастается до сада – символа будущей прекрасной жизни. Мрачный урбанистический пейзаж первой его трагедии «Владимир Маяковский»:

«Замечали вы –

качается

в каменных аллеях

полосатое лицо повешенной скуки,

а у мчащихся рек

на взмыленных шеях

мосты заломили железные руки» [Маяковский 1988: 436], – заменяется космической гармонией «зоологических аллей». В заключительной части «Про это» возникает почти хлебниковский образ сада-будущего: «Мы зовем в страну, где говорят деревья, где научные союзы, похожие на волны, где весенние войска любви, где время цветет как черемуха и двигает как поршень, где зачеловек в переднике плотника пилит времена на доски и как токарь обращается со своим завтра...» [Хлебников 1916: 268].

Тема невозможности обретения счастья в конкретно существующей действительности рассматривалась художниками слова по-разному.

В полифонии чеховского «Вишневого сада», бесспорно, звучит мотив недовольства жизнью в настоящем и тоской по жизни утраченной. Это и определяет в огромной мере иррациональность, абсурдность происходящего в реальности («Все как сон», «А вдруг я сплю», «Это он бредит», «Я сплю, это только мерещится мне, это только кажется... Это плод вашего воображения, покрытый мраком неизвестности...»). На протяжении всей пьесы мы ощущаем синтез сна и яви, точной бытовой детали и «мрака неизвестности», кладбищенского стука топора и «здравствуй, новая жизнь!» «О, скорее бы все это прошло, скорее бы изменилась как-нибудь наша нескладная, несчастливая жизнь», – восклицает Лопахин.

Причем образ сада у Чехова соединяет в себе пространственный, временной и экзистенциальный компоненты.

Лирический герой поэмы Маяковского «Про это» также с грустью и нежностью вспоминает утраченный «сад-рай» своей любви:

Как было раньше –

вырасти б,

стихом в окно влететь.

Нет,

никни к стенной сырости.

И стих

и дни не те [Маяковский 1957: 167].

Но он мечтает построить еще более прекрасный, охватывающий всю вселенную сад-рай в будущем.

По воспоминаниям И.А. Бунина, в записных книжках Чехова сохранилось интересное определение любви, по настроению очень близкое ощущениям героя «Про это». «Любовь, – писал Чехов, – это или остаток чего-то вырождающегося, бывшего когда-то громадным, или же это часть того, что в будущем разовьется в нечто громадное, в настоящем же оно не удовлетворяет, дает гораздо меньше, чем ждешь» [Бунин 1996: 553-554].

У поэтов, современников Маяковского, существовал свой взгляд на этот образ. Помимо совпадающих граней, образ сада вбирал в себя черты мироощущения каждого поэта. У О. Мандельштама в стихотворении «Жизнь упала, как зарница» (1924) это «заресничная страна», противопоставленная стране реальной. В ней любовь обитает в каком-то полуживом, угнетенном состоянии. Усталость, разочарование обусловлено всеобщей

лживостью существования: обманывает жизнь, обманывает возлюбленная, вынужденная играть по правилам этой жизни. Все, что автору близко и дорого, «изолгалось».

Жизнь упала, как зарница,
Как в стакан воды ресница,
Изолгавшись на корню,
Никого я не виною...

<...>

Как нечаянно запнулась,
Изолгалась, улыбнулась
Так, что вспыхнули черты
Неуклюжей красоты [Мандельштам 2011: 149].

Как и у Маяковского, у Мандельштама обретение душевной гармонии возможно только в другом мире, где свои «дорожки зоологических аллей»:

Взявшись за руки, вдвоем
Той же улицей пойдем [Мандельштам 2011: 150].

Непосредственно с уходом из жизни и одновременно с отдохновением души связана тема сада у М. Цветаевой. Мотивом «уединения» в саду души рождаются два стихотворения 1934 года: «Уединение: уйди...» и «Сад».

Уединение: в груди
Ищи и находи свободу.
Чтоб ни души, чтоб ни ноги –
На свете нет такого саду
Уединению. В груди
Ищи и находи прохладу [Цветаева 1984: 317].

В стихотворении «Сад» героиня обращается к Господу с просьбой дать ей такой сад, сад одиночества, свободный даже от присутствия самого Бога:

Скажи: – Довольно муки, – на
Сад одинокий, как сама.
(Но около и сам не стань!)
Сад одинокий, как я сам.

И для Цветаевой такой сад – местоположение души в потустороннем, загробном мире:

- Тот сад? А может быть – тот свет? –
На старость лет моих пошли –
На отпущение души [Цветаева 1984: 318].

Вся поэма «Про это» построена на бесконечных временных и пространственных перемещениях героя. Что создает ощущение некоего лабиринта, конечной точкой которого является зоосад, на аллеях которого поэт мечтает встретить свою любимую после воскрешения.

Образ сада, как лабиринта времени, позднее возникнет у Борхеса в рассказе «Сад, где ветвятся дорожки». Во временном пространстве вселенского лабиринта возможны встречи и не-встречи. В мистическом романе-притче для героев могут быть, разные «завтра», «имеют место сразу все развязки, и каждая служит исходным пунктом для остальных исходных линий. Иногда дорожки этого лабиринта сливаются в одну...» [Борхес 1999: 69]. Один из героев рассказа заключает: «"Сад ветвящихся дорожек" – не совершенный, но и не ошибочный образ вселенной... В отличие от Ньютона и Шопенгауэра ваш предок не верил в единообразное, абсолютное время. Он видел нескончаемые ветви времен, до умопомрачения огромную сеть расходящихся, смыкающихся и параллельных отрезков времени. И это переплетение времен, которые сближаются, ветвятся, обрываются или не соприкасаются в наших жизнях, охватывает все возможные варианты. Мы не существуем в большинстве этих времен, в одних существуете вы, а я – нет; в других живу я, а вы – нет; в каких-то существуем мы оба» [Борхес 1999: 71].

Но Маяковский одержим идеей преодоления и победы над временем. По мнению Р.В. Дуганова, проблема освоения времени, овладения временем в сознании Маяковского была прочно связана с Хлебниковым: «Мы осуждены завоевать мерой и временем наши права на свободу от грязных обычаев людей прежних столетий» [Хлебников 1916: 269]. «Поэт, обгоняющий и подгоняющий время, – постоянный образ у Маяковского», – отмечал Р. Якобсон [Якобсон 1996: 494]. Воскрешение поэта в ХХХ веке должно произойти через преодоление времени.

Но каковы бы ни были пути к бессмертию, образ бессмертия в поэтической мифологии Маяковского неизменен: нет для него воскресения без воплощения, без плоти, – бессмертие не может быть потусторонним, оно нерасторжимо с землей. «Я во всю – всей сердечной мерою – в жизнь сию – сей мир – верил, верую» – «вечно-земная» мечта Маяковского. «Эта земляная тема круто противопоставлена всяческой надмирной бесплотной абстракции, она дана в поэзии Маяковского <...> в сгущенном фи-

зиологическом воплощении (даже не тело, а мясо); ее предельное выражение – задушевный культ зверья и его животной мудрости», – отмечал Р. Якобсон [Якобсон 1996: 493].

В связи с этим логично, что в «Про это» для Маяковского сад-рай – это зоологический сад, где чистые души влюбленных окружают и охраняют животные. Именно здесь он надеется встретиться с любимой. Вероятно, поэтому ему из многочисленных (и некоторых более удачных) фотографий Л. Брик дороже всего была сделанная в Берлинском зоопарке («...улыбаясь, / вот такая, / как на карточке в столе»).

Образ сада любви с гуляющими в нем животными, насыщенного библейской символикой, будет навеян поэту А.Г. Волохонскому впечатлением от мозаичного панно «Небо» в мастерской ленинградского художника Бориса Аксельрода. В 1972 году он воплотит его в стихотворении «Рай». А широкую известность стихотворение приобретет после выхода кинофильма «Асса», став песней «Город золотой» в исполнении Б. Гребенщикова:

Под небом голубым есть город золотой
С прозрачными воротами и ясною звездой.
А в городе том сад, все травы да цветы,
Гуляют там животные невиданной красы:

Одно, как желтый огнегривый лев,
Другое – вол, исполненный очей,
С ними золотой орел небесный,
Чей так светел взор незабываемый.

А в небе голубом горит одна звезда.
Она твоя, о, ангел мой, она твоя всегда.
Кто любит, тот любим, кто светел, тот и свят,
Пускай ведет звезда тебя дорогой в дивный сад [Волохонский 1983: 147].

Примечательно, что первоначально авторский текст начинался строкой «Над небом голубым...». Впоследствии она была заменена на тот вариант, который звучит в исполнении Гребенщикова. Таким образом, небесный сад-рай стал раем земным, что еще больше сближает его с образом зоосада из поэмы Маяковского.

Метаморфоза, произошедшая в мироощущении Маяковского, не могла не отразиться на его творчестве. В пьесе «Клоп» зоосад становится зверинцем или даже цирком (перед тем, как зайти в клетку, директор зоопарка «надевает перчатки, осматривает пистолеты»).

Единственный носитель души в новом обществе – Присыпкин. И именно это становится тем страшным диагнозом, абсурдом, который заставляет людей будущего изолировать его в клетке, поместить в зоологический сад в качестве экспоната.

Без души жизнь для Присыпкина теряет смысл, а воскрешение превращается в засушивание (зачерствение души): «Воскресли... и издеваются!.. Заморозьте меня обратно! Во!.. Товарищи, я протестую!!! Я ж не для того замерз, чтоб меня теперь засушили» [Маяковский 1988: 576].

Космическая гармония зоологических аллей оборачивается социалистическим зоопарком, где поразительным образом меняются местами люди и звери, и уже невозможно понять, кто есть кто.

Присыпкин считается в мире будущего не человеком, а животным. Но и люди будущего показаны как переродившиеся из людей, в природе которых сочеталось животное начало с началом духовным, в рационально организованные существа, заменившие мир вокруг себя схемой.

Такое восприятие образа зоосада – довольно распространенное явление в литературе 1920-х годов. Постепенно уходят на второй план «зверинцы» Хлебникова и Куприна, где «выражения лиц» у зверей «печально-покорные, и теперь они больше, чем когда-либо, похожи на людей» (А. Куприн «В зверинце», 1895) и «где в зверях погибают какие-то прекрасные возможности, как вписанное в часослов Слово о полку Игореве» (Хлебников, «Зверинец», 1904). Образ зоопарка наполняется негативной семантикой.

«Три Толстяка хотели воспитать злого, жестокого наследника. Его лишили общества детей и устроили ему зверинец.

"Пусть он смотрит на зверей, – решили они. – Вот у него есть мертвая, бездушная кукла, и вот у него будут злые звери. Пусть он видит, как кормят тигров сырым мясом и как удав гло-

тает живого кролика. Пусть он слушает голоса хищных зверей и смотрит в их красные дьявольские зрачки. Тогда он научится быть жестоким"» [Олеша 2010: 210].

Тема противостояния благородных животных и «сторожей» или дрессировщиков сменяется темой перерождения людей, замены их человеческой сути звериными инстинктами. Звери и люди словно меняются местами, и становится совершенно непонятно, кому из них больше подходит клетка.

У А. Аверченко в рассказах «Константинопольский зверинец» и «Второе посещение зверинца» (1923), имеющих сквозной сюжет, появляются портреты уродов, утративших человеческое обличие, «паноптикум» мошенников, карточных шулеров и авантюристов. Место им в изолирующей их от общества клетке зоопарка.

Пространство зоологического сада будущего с его гармонией в «Про это» – место спасения души героя. В «Клопе» же – это вражеская территория, изолятор. Пространство рая сжимается до размеров клетки, в которой Присыпкин, полностью отделившись от окружающей его новой жизни и людей, воссоздает свой идеальный мир, каким он рисуется в его воображении: двуспальная кровать, гитара, «желтая абажурная лампа», веер открыток, валяющиеся на полу бутылки и ларец с клопом-«возлюбленной» на почетном месте. Клетка зоопарка заключает в себе пространство и время прошлого, машина времени, пущенная назад. Что это, как не иллюстрация пророчества Хлебникова: «Вот почему изобретатели... отделяются от приобретателей в независимое государство времени (лишенное пространства) и ставят между собой и ими железные прутья. Будущее решит, кто очутился в зверинце, изобретатели или приобретатели?...» [Хлебников 1916: 269].

Литература

- Борхес Х.Л. Рассказы. М., 1999.
Бунин И.А. Материалы к биографии А.П. Чехова // Чехов А. Рассказы. Пьесы. Критика и комментарии. М., 1996.
Волохонский А. Стихотворения. Hermitage USA, 1983.
Мандельштам О.Э. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М., 2011.
Маяковский В. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 4. М., 1957.

- Маяковский В.В. Сочинения в 2 томах. Т. 1. М., 1987.
Маяковский В.В. Сочинения в 2 томах. Т. 2. М., 1988.
Олеша Ю.К. Три Толстяка // Избранное. М., 2010.
Хлебников «Труба марсиан», 1916. Цит. по: Р.В. Дуганов. Велимир Хлебников и русская литература. Статьи разных лет. М., 2008.
Цветаева М. Сочинения в 2 томах. Т. 1. М., 1984.
Якобсон Р. О поколении, растратившем своих поэтов // В. Маяковский. Стихотворения. Поэмы. Статьи. Критика и комментарии. М., 1996.

The article is devoted to the semantics of "garden" (zoo) – one of the key images in Mayakovsky's poem "About it". A number of intertextual lines in "the most literary, most cited work from his creations" (R. Jakobson) are investigated. Hints and the reminiscences are referring to early Mayakovsky, to the texts of Chekhov, Mandelstam, Tsvetaeva and semantic similarity of a garden pattern in Mayakovsky's poem and in modern literature are also analyzed.

Keywords: *Mayakovsky, poem "About It", image of a garden, existential component, bible symbolics, transformation of a pattern.*

ШЕКСПИР В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР

В статье анализируются различные трактовки и переводы некоторых ключевых фрагментов трагедий У. Шекспира «Макбет» и «Гамлет» в контексте социополитического и философского понимания роли и предназначения человека в различные эпохи.

Ключевые слова: Шекспир, Пастернак, совесть, мысль, цензура, изучение русской культуры

Изучение любого языка является также изучением соответствующей культуры. Хотя в последнее время притягательность русского языка для иностранных учащихся стремятся увидеть прежде всего в потенциале деловой активности в современной России, существует значительная группа людей, которых привлекает именно русская культура, причем культура классическая, эпохи XIX – начала XX вв. Особенность русской культуры состоит в ее теснейшем переплетении с культурой Европы, переплетении настолько тесном, что Ф.М. Достоевский в своем очерке «Пушкин» говорит о «способности всемирной отзывчивости», каковую способность, «главнейшую способность нашей национальности, он [Пушкин – Т.К.] именно разделяет с народом нашим» [Достоевский 26:145]. Пути взаимодействия русской и различных европейских культур могут представлять значительный интерес для носителей как русской, так и других исследуемых культур.

Уильям Шекспир – один из тех авторов, в произведениях которого русская культура нашла многочисленные источники вдохновения и осмысления поведенческих и мировоззренческих типов. «Гамлет и Дон-Кихот» называет свой очерк И.С. Тургенев, а не, допустим, «Обломов и Штольц», или «Манилов и Чичиков», или как-нибудь еще. Вполне возможно, шекспировское происхождение имеет также всем известная цитата из «Бориса Годунова» «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха»: в хронике «Генрих IV», признанном источнике трагедии Пушкина [Захаров 47-100], есть следующая фраза, произнесенная Генрихом IV, фактически узурпировавшим престол после свержения Ричарда II: “Uneasy lies the head that wears a crown” (Henry IV pt. 2, act 3, scene 1; «Но нет покоя голове в венце» в переводе Б. Пастернака).

Подобная значимость Шекспира признается повсеместно. Как пишет Х. Блум, Шекспир «всегда будет объяснять нам, кто мы такие, отчасти потому, что он нас придумал» [Bloom, xx]. По Блуму, человек Шекспира – образец для современного человека, именно он задает границы дозволенного и недозволенного, границы возможного, если мы живем на земле и никогда не думаем о «стране, откуда ни один // Не возвращался».

Именно поскольку значимость Шекспира для мировой в целом и русской культуры в частности переоценить трудно, тем более интересно посмотреть, какими путями и в каком виде Шекспир доходит до тех русских читателей, которые не могут читать его в оригинале. Одним из самых известных переводчиков Шекспира был Б.Л. Пастернак, и анализ пастернаковских переводов может пролить новый, неожиданный свет не только на пути появления Шекспир в России, так и на творчество самого Пастернака, тоже крайне популярной и часто весьма односторонне оцениваемой фигуры литературы XX в.

Перевод невозможен без истолкования, а когда речь заходит о Шекспире, это применимо не только к говорящим на тех языках, на которые Шекспира переводят, но и к носителям собственно английского языка. Нас всех отделяют от Шекспира многие столетия, мы проецируем на него собственные идеи, которые, возможно, заимствованы из других культур, но продолжаем думать, что эти идеи действительно отражают мысль Шекспира. Процитированные выше слова Блума также объясняют, почему, при всем изобилии работ о Шекспире, есть некоторые сферы, которые обходят молчанием, и именно это сферы представляют особую трудность для переводчика.

В «Макбете» мы встречаем интересный пример именно такой проекции. Когда Макбет обнаруживает, что он действительно сделал всю грязную работу для Банко и его потомков, он восклицает:

*Rather than so, come, fate, into the list,
And champion me to th' utterance!*

Оксфордский словарь английского языка дает в качестве первого значения для *champion* «сражаться против», придуманное для этого слова Шекспиром [Mallés, McQuaine, 31]. *Utterance*, в свою очередь, означает *extremity*, «предел», т.е. смерть. Однако если мы обратимся к «Конкордансу произведений Шекспира», мы увидим, что слово *champion* употребляется примерно 30 раз, и

29 из них – это существительное со значением «защитник». «Макбет» – единственный контекст с противоположным значением [Open Source Shakespeare]. (Разумеется, предполагалось также, что и в «Макбете» *champion* означает «защищать» [Shakespeare, *Macbeth*, 78], но как спорить с Оксфордским словарем?). Если *champion* означает «сражаться против», оно рисует тот тип взаимоотношений между человеком и судьбой, который нам привычен и понятен, знаком по греческим мифам, который мы часто используем как образец для понимания любых представлений о судьбе. Но возможно ли другое истолкование? В конце концов, Макбет – совсем не древнегреческий воин (он также мало похож на древнего шотландца, но это уже другой вопрос). Тот же самый Конкорданс сообщает нам, что Шекспир часто использовал слово *utterance* в значении «высказывание». Т.е., Макбет вполне может требовать от судьбы, чтобы она вышла на турнир и защищала то, что произнесла, т.е. обещала ему ранее. Но между современными толкователями Шекспира и этим прочтением встают тысячелетние представления о неумолимой греческой судьбе, неизбежно враждебной людям и по большей части неумолимой. Мы навязываем наши представления Шекспиру, хотя у него могли быть совсем иные, и даже диаметрально противоположные, идеи. Примеры, подобные отрывку из «Макбета», показывают, что тексты Шекспира иногда оказываются удобной платформой для самовыражения переводчиков, особенно учитывая склонность Барда придумывать новые слова и значения и его любовь к тому, что можно назвать «плетением словес», что делает его произведения особенно трудными для понимания. (Это особенно ярко проявляется в его ранних пьесах, например, в «Ромео и Джульетте»; в его поздних пьесах пышный слог несколько упрощается).

В России культурная ситуация была такова, что переводная литература составляла колоссальную часть культурного наследия, начиная с X века, когда в страну хлынул поток переводов, прежде всего с греческого. Даже тексты, изначально написанные на русском языке, либо основывались на переводных моделях, либо щедро пересыпались фрагментами, заимствованными из переводных источников, поскольку понятия об авторстве как таковом не существовало. Перевод всегда был средством образования и воспитания, и им занимались не только люди, которые зарабатывали переводами на жизнь, но и авторы оригинальных произведений. Можно утверждать, что эта ситуация сохранилась

практически до середины XIX века, когда А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев весьма вольно обращались с теми текстами, которые они переводили на русский язык. Многие переводчики (и не только в России) считали себя вправе исправлять и менять оригинальные тексты. Однако такое свободное отношение к оригиналу весьма далеко от той ситуации, когда писатель, сознательно или нет, использует перевод как средство самовыражения.

Авторы-переводчики – это явление, в высшей степени типичное для советского периода, и часто утверждалось, что великая советская школа перевода расцвела потому, что писатели не могли найти другого средства самовыражения, а зачастую и другого способа заработать на жизнь. Однако мы видели, что корни этого явления уходят гораздо глубже XX в. И даже конфликт между государством и творческой личностью был в России своего рода традицией еще задолго до возникновения Советского государства. И в царской России, и в Советском Союзе некоторых авторов не переводили по идеологическим или эстетическим соображениям. В царской России, например, была запрещена публикация переводов Беранже, а в СССР цензура не разрешала публикацию идеологически неугодных произведений Эзры Паунда или эстетически неприемлемой поэзии Сент-Джон Перса.

Однако по сравнению с СССР, в царской России существовало более последовательное, пусть и прямолинейное, представление о человеке. СССР был по сути своей противоречивым государством. Государство, основанное на утверждении о том, что «бытие определяет сознание», тем не менее основывало свое существование на том, что идея, реальность ментальная, может преобразовать объективный материальный мир [Маркс]. Утверждая, что материальное благополучие есть первичная и основная потребность всякого человека, молодое советское государство, тем не менее, рассчитывало на то, что нищие люди будут трудиться и жертвовать собой ради идеи, которая, возможно, воплотится только через несколько поколений, а может, не воплотится никогда. Как ни странно, государство было право в обоих отношениях, но перепутало целевые аудитории обеих концепций. Господство материального над духовным характерно практически для любой *народной* ментальности, и русская народная ментальность сохранила это архаическое представление вплоть до XIX и XX вв. [Бузина 100-145] Представление о самопожертво-

вании ради духовной идеи есть либо часть христианской этики, которой СССР был враждебен, либо древнего европейского героического язычества, и в этом случае, будучи по природе своей элитарным, представление это могло существовать только среди тех людей, которых СССР стремился истребить как своих классовых врагов. De facto существование СССР зависело от соблюдения тонкого равновесия между теми людьми, для которых бытие определяло сознание, и теми, для кого сознание определяло бытие.

Именно в контексте таких противоречивых представлений о том, что есть человек, и работали над переводами Шекспира представители советской школы перевода, пытаясь передать на русском языке шекспировские представления о том, что есть человек.

«Гамлет» – одно из ключевых произведений на эту тему. Наиболее влиятельные трактовки трагедии предлагали И.В.Гете, Август Шлегель, Сэмюэль Кольридж [Schlegel, Гете 210-211, 214-215, Coleridge]. Все они довольно близки, хотя Кольридж был куда менее известен в России, чем Гете или Шлегель. Все трое утверждали, что Гамлет был избран для великой миссии, с которой он, будучи человеком слабым, не справился. Следовательно, немного больше решимости – и из Гамлета мог бы получиться идеальный человек.

Но есть нечто в самой структуре трагедии, что сопротивляется такому прочтению. С одной стороны, такое толкование по сути своей выводит на передний план концепт исключительной личности, которой позволено то, что не дозволяется другим, что предвосхищает Раскольников у Достоевского и *Uebermensch*'а Ницше. В 1940 г. Фредсон Бауэрс исследовал елизаветинскую трагедию мести и пришел к выводу, что в своих высочайших проявлениях этот жанр руководствовался принципом «Мне отмщение, и Аз воздам», а потому все мстители, появляющиеся в художественно удачных пьесах, были обречены на поражение [Bowers 217-258]. Однако Бауэрс не уделил сколько-нибудь серьезного внимания «Гамлету», что само по себе примечательно. Видимо, Бауэрс чувствовал, что, включив «Гамлета» в жанр трагедии мести, он приравнивает Гамлета ко всем другим персонажам-мстителям, превращая также *и его* в нарушителя божественной заповеди, а ведь мы почему-то уверены, что Гамлета нельзя мерить той же меркой, что и Мстителя из «Трагедии мстителя»

Миддлтона (или Тернера). Гамлет *имеет право*. Гамлет, человек из человеков среди персонажей Шекспира, имеет право на месть, а иначе нас не устраивает такая трагедия.

Что есть «Гамлет»? «Гамлет» – это пьеса о молодом (или не очень молодом) человеке, сыне датского короля; он по какой-то причине не наследует трон после смерти своего отца; он узнает об этой смерти, и кончина человека, которого он считал практически богоподобным, совершенно разрушает его представления о том, что есть человек; для Гамлета смерть отца отмечает тот миг, когда он сознает собственную смертность. Месть и жажда бессмертия борются в его душе, и способ разрешить обе проблемы – убить убийцу. Король – это больше чем человек, он – полубог. В нетрадиционной книге «Безбожный Шекспир» формулируется мысль о том, что когда ведьмы приветствуют Макбета как “*king hereafter*” («король в грядущем»), он понимает слово “*hereafter*” как “*all eternity*” [Mallin 99-100], и это прочтение можно подкрепить текстуально. Аналогичный аргумент приложим и к «Гамлету», и можно утверждать, что в большей части своих трагедий Шекспир рисует персонажей, которые стремятся преодолеть свою человеческую природу, взять на себя ответственность за все мироздание, но те способы, которые они выбирают, ведут только к разрушению и гибели. «Гамлет» – это не повествование о человеке, который слишком слаб для исполнения своей миссии. Это история человека, который замахнулся на слишком многое; и история эта рассказана в исключительно христианских категориях.

Что произошло с этой историей в русских переводах?

Первый русский перевод «Гамлета» был выполнен неким Михаилом Вронченко, военным инженером и переводчиком, который стремился создать как можно более верный перевод [Гамлет I, 317]. Он познакомил русскую литературную элиту с Шекспиром – но и только. Самым влиятельным переводом XIX в. был перевод Николая Полевого, журналиста и второразрядного писателя. Его перевод был очень далек от оригинала. Полевой радикально сократил пьесу, выведя Гамлета на первый план. Он также резко поменял масштаб пьесы. Если Гамлет сам себе представляется титаном, несущим на своих плечах бремя всего мира, Гамлет Полевого – обыкновенный полицейский, который гонится за преступником королевской крови. И там, где принц датский говорит:

Time is out of joint. Oh, cursed spite

That ever I was born to set it right!

в переводе Полевого почти космогоническая миссия Гамлета превращается в судебное преследование:

Преступлень

Проклятое! Зачем рожден я наказать тебя!

Поэтому Полевому уже не нужны метафизические рамки и метафизические препятствия, которые так мрачно обдумывает Гамлет.

Shakespeare

*What a piece of work is a man!
how noble in reason! how infinite
in faculties! in form and moving
how express and admirable!
In action how like an angel!
in apprehension how like a god!
The beauty of the world, the
paragon of animals! And yet to
me what is this quintessence of
dust?*

Полевой

*Какое величие являет собою
человек! Какое благородство в
его уме, бесконечность в спо-
собностях, прелесть в форме –
это дух небесный, украшение
света, образчик остальной при-
роды!.. Ну, а для меня – что
такое эта эссенция глины?..*

Этот текст – почти дословная цитата из Пико делла Мирандолы, видевшего в человеке самоопределяющееся существо, которое, путем проявления собственной воли, может выбрать любую форму жизни от растения до животного до ангела и до единства с Богом-Отцом [Эстетика Ренессанса 249]. При сравнении Пико с Шекспиром становится ясно, что Гамлет теряет свой метафизический оптимизм, и причиной тому является осознание его собственной смертности, поэтому Гамлет пытается достичь некоей формы бессмертия. Однако Полевой в своем переводе словно бы не замечает ключевой цитаты из Библии, единственного слова “dust”, которое немедленно вводит тему смертности, центральную для «Гамлета». Человек Полевого все еще создан из глины, но на первый план выходит его величие, а элемент его тварности (*piece of work* со всеми его ироническими коннотациями, столь явными для современного читателя) и неизбежная смерть («Прах ты, и в прах возвратишься», Быт., 3:19) исчезли.

И поэтому, когда Гамлет произносит свой, возможно, самый знаменитый монолог «Быть или не быть...», читателей ждет сюрприз:

Thus *conscience* does make cowards of us all,
And thus the native hue of resolution
Is sicklied o'er with the pale cast of thought,
And enterprises of great pith and moment
With this regard their currents turn awry
And lose the name of action.

Ключевое слово здесь *conscience*. Вронченко, будучи человеком старательным, перевел: «Так робкими творит всегда нас совесть». По иронии судьбы, и английское *con-science*, и русское *со-весть* обладают сходной внутренней структурой: они означают владение некоторым знанием, в данном случае, знанием добра и зла.

Полевой же для начала создает невероятного языкового монстра: «ужасное сознание робкой думы». Значение этой фразы неясно даже носителям русского языка. Однако наиболее важно то, что из этого отрывка исчезает совесть. Выбор Полевого имеет под собой определенные основания; в конце концов, далее идут следующие строки:

*And thus the native hue of resolution
Is sicklied o'er with the pale cast of thought,*

Однако этот «налет мысли» есть плод раздумий, на которые героя подвигла совесть, заставляющая размышлять о добре и зле. В принципе, размышлять можно также и о другом: поймают меня с поличным или нет? Провозгласят ли меня королем или нет? и т.д. Уберите совесть, и нравственное и метафизическое измерения текста исчезают вместе с ней. Поэтому в конечном итоге Полевой предлагает своим читателям не метафизического титана, размышляющего о том, как нарушить заповеди Господни и нормы, установленные для обычных людей, но обычного полицейского, который не может собраться с духом и выполнить свою работу. У него нет особых амбиций, он наиболее примечателен своей бездарностью, но и эта бездарность скорее подходит полисмену, а не принцу датскому. Такой Гамлет – фигура вполне дозволенная при любом политическом режиме.

Каковы бы ни были литературные достоинства перевода Полевого, использование слова «мысль» вместо «совесть» в «Быть или не быть...» оказалось популярным решением. Вронченко, Кронеберг, К.Р. (псевдоним Великого князя Константина Константиновича Романова) и Николай Россов (сценический псевдоним актера Николая Пашутина, прославившегося прежде всего исполнением роли Гамлета [Гамлет II, 325]) использовали «совесть», но этот вариант не прижился. «Мысль» продолжала появляться в переводах «Гамлета» вплоть до и включая перевод Б. Пастернака.

Пастернаковские принципы перевода в целом представляют собой отдельную тему; Валентин Берестов однажды записал весьма примечательный разговор между Пастернаком и Анной Ахматовой. Ахматова предложила Пастернаку написать «Фауста» XX века, на что Пастернак обещал перевести поэму Гете. Берестов увидел в этом диалоге нерушимую уверенность Пастернака в том, что поэма Гете релевантна для движения европейской мысли и после Гете [Берестов]. Однако произведение искусства – не просто философский трактат, но и уникальная художественная форма. Поэтому в словах Пастернака можно также увидеть предвестия той крайней свободы, с которой он подошел к немецкому тексту; перевод был для него не только переложением чужой мысли, но и процессом независимого и свободного творчества.

Обратившись к тем отрывкам, которые мы выбрали из перевода Полевого, мы увидим, что Пастернак также не сохраняет элемента тварности, но здесь уже есть элемент смертности, здесь узнается библейская цитата.

Shakespeare

*What a piece of work is a man!
how noble in reason! how infinite
in faculties! in form and moving
how express and admirable!
In action how like an angel!
in apprehension how like a god!
The beauty of the world,
the paragon of animals! And yet
to me what is this quintessence
of dust?*

Пастернак

*Какое чудо природы человек!
Как благородно рассуждает! С
какими безграничными способностями!
Как точен и поразителен по складу и движеньям!
Поступками как близок к ангелам!
Почти равен богу – разумением!
Краса вселенной! Венец всего живущего!
А что мне эта квинтэссенция праха?*

Теперь Гамлет хотя бы страдает от своей смертности. Но готов ли он также принять на себя богоподобные качества и таким образом через присвоение функций Бога неким мистическим образом *стать* богом?

*Time is out of joint. Oh, cursed spite
That ever I was born to set it right!*

Гамлет Шекспир ощущает себя призванным исправить мир. Гамлет Пастернака пребывает в ошеломлении и смятении:

*Порвалась дней связующая нить.
Как мне обрывки их соединить!*

У этого Гамлета нет ощущения величия своего предназначения, только чувство того, что он никак не может справиться с порученным делом. Также отметим, что сустав заменен нитью. Нить – это более мифологический, более бесконечный образ. Он существует вне времени и пространства. Сустав, с другой стороны, есть нечто совершенно конкретно локализованное, он может иметь только одну форму, иначе его существование бессмысленно. Измененный образ передает переводческую неудачу Пастернака. Это был поэт, писавший «И в фортку крикну детворе: ‘Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?’» У него не было обостренного ощущения сегодняшнего дня, текущего момента, ощущения историчности и темпоральности, воплощающих вечные истины о человеке в конкретный период времени. Пастернак-поэт существует в вечности и безвременно.

Шекспировскую трагедию, с другой стороны, можно представить только как сустав, в конкретном времени, с конкретным положением человека, а не как бесконечную нить, концы которой надо наугад соединить вместе. Но пастернаковскому Гамлету не дает исполнить его предназначение не совесть, но мысль:

Так всех нас в трусов превращает мысль...

Здесь нет нравственной дилеммы. Есть только неожиданная задача, которая по размышлении становится все колоссальнее и колоссальнее.

В русской культуре желание действия и неспособность к нему воспринимается как типичная гамлетовская черта. Это действие надо представлять в огромном масштабе, речь идет о том,

чтобы перевернуть весь мир. Если Полевой просто убрал этот огромный масштаб, Пастернак вернул его, но только в одном аспекте: он вернул задачу, но не личность человека, которому эта задача поручена. Совершенно неожиданно духовный мир Шекспира, христианский мир земного преступления и загробного наказания, мир, основанный на стремлении к божественности, сменяется миром людей, которых мучают иные проблемы; это мир вечного интеллигента, который никак не может прикончить дядюшку, предпринять быстрый и решительный шаг, который покончит со всем «на этой отмели времен». Пастернак создает исключительно советского Гамлета: он по всей видимости противостоит своему дядюшке, готовится к решительному поступку, слишком много думает, в конце концов погибает – все это оппозиция советскому режиму могла увидеть в «Гамлете» как пьесе и Гамлете как персонаже. Парадоксальным образом, никто словно бы не замечал того, что Гамлета Шекспира вовсе не подавляла никакая система, потому что он жил в совсем иной системе, нежели те, кто переводил «Трагедию Гамлета, принца датского». Гамлет был на вершине своей общественной иерархии, они с Клавдием были равными соперниками в своей смертельной схватке. Пастернак и многие другие переводчики и интерпретаторы заменяли религиозный элемент политическим (по всей вероятности, совершенно подсознательно), и превращали Гамлета в советского гражданина, которого *могли* подавить другие люди и окружающий мир. У Шекспира, напротив, Гамлета подавляли только его собственные амбиции (отдельная и очень интересная тема применительно к Шекспиру и к елизаветинской Англии в целом [Esler]). Другими словами, в своем Гамлете Пастернак воссоздал советского человека таким, каким его хотел бы видеть советский режим, тогда как Шекспир предлагал возможности совершенно противоположного прочтения. У Пастернака Гамлета определяет окружающий его мир, а потому он по сути своей существо материалистическое; у Шекспира Гамлета убежден в том, что он правит миром; в философских категориях, его можно назвать идеалистом.

Трагедия Шекспира требует погружения в определенные религиозные вопросы, которые в данной работе неуместны, но факт остается фактом: советские переводчики, в том числе и Пастернак, испытали на себе куда более глубокое влияние советской реальности и соответствовали ее требованиям куда более, чем

сами сознавали. По крайней мере, характер Гамлета толкуется и переводится как характер советского, а не шекспировского человека, переживающего трагедию анахронистически советскую (или даже русскую, если мы вспомним эссе Тургенева, где предпочтение отдается маниакально активному Дон-Кихоту, а не предположительно пассивному Гамлету) по своим истокам. Это не означает добровольного и сознательного подчинения советской империалистической точке зрения на человека и его место в мире, скорее, это означает, что до сих пор остается недооцененным то влияние, которое советский режим оказывал даже на своих противников, влияние настолько мощное, что о нем даже неловко говорить и оценивать, потому что этот процесс заставляет нас пересмотреть собственные представления об истоках и значении многих идей и толкований, предложенных советскими учеными и писателями, которые, как многие всегда полагали, остались незатронутыми советской идеологией.

Литература

Берестов В. Новый Фауст. // Неделя, 1989, 25. URL: <http://www.akhmatova.org/articles/berestov5.htm>.

Бузина Т.В. Достоевский. Динамика судьбы и свободы. М., 2011.

Гамлет. Антология русских переводов. 1828-1880. М., 2006. (Гамлет I)

Гамлет. Антология русских переводов. 1883-1917. М., 2006. (Гамлет II)

Гете И.В. Театральное призвание Вильгельма Мейстера. Л., 1976.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л., 1972-1991.

Захаров Н.В. Шекспир в творческой эволюции Пушкина. Ювяскюля, 2003.

Маркс К. К критике гегелевской философии права. URL: http://anthropology.rchgi.spb.ru/marx/marx_t1.htm.

Пико делла Мирандола. Речь о достоинстве человека. // Эстетика Ренессанса в 2-х тт. М., 1981, т. 1.

Bloom H. Shakespeare: the Invention of the Human. Yale University press, 1998.

Bowers F. Elizabethan Revenge Tragedy. Princeton, 1966.

Coleridge S.T. Shakespeare, Ben Jonson, Beaumont And Fletcher. Notes and Lectures. URL <http://www.gutenberg.org/files/25585/25585-h/25585-h.html>

Esler, A. The Aspiring Mind of the Elizabethan Young Generation. Duke University Press, Durham, NC, 1966.

Malless S., McQuain J. Coined by Shakespeare: Words and Meanings First Penned by the Bard. Springfield, Mass., 1998.

Mallin E.S.. Godless Shakespeare. London, New York: Continuum, 2007.

Open Source Shakespeare. URL: <http://www.opensourceshakespeare.com/>.

Schlegel A.W. Lectures on Dramatic Art and Literature. URL: <http://www.gutenberg.org/dirs/etext04/81dal10.txt>.

Shakespeare W. Macbeth. Edited by Kenneth Muir for the Arden Shakespeare series. Methuen and Co. Ltd. London, 1951.

The article analyzes various interpretations and translations of certain key fragments from W. Shakespeare's "Macbeth" and "Hamlet" within the context of the sociopolitical and philosophical concepts of the human role and destiny in various historical eras.

Keywords: *Shakespeare, Pasternak, conscience, thought, censorship, study of Russian culture.*

**О ВОЗМОЖНОСТЯХ РУССКИХ КОММУНИКАТИВНЫХ СРЕДСТВ
ПРИ СОЗДАНИИ ПРИНЦИПАЛЬНО ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ
ОБРАЗОВ В КИНО (коммуникативное противопоставление
персонажей в к/с «Небесный суд»)**

В работе представлен анализ коммуникативной композиции сериала «Небесный суд» (Россия, 2011), иллюстрирующий широкие возможности коммуникативной семантики языка при решении эстетических задач в кинематографе. В данном случае с помощью средств коммуникативной системы русского языка создается эффект полярной противоположности центральных персонажей, сверхзначимой в контексте фильма и организующей пространство фильма в целом. Полярность коммуникативных стратегий актеров, исполняющих роли Прокурора и Адвоката, зиждется на эксплуатации двух предельно контрастных семантических параметров: в случае Прокурора это идея нормы, в случае Адвоката – затронутость личной сферы.

***Ключевые слова:** эстетическая нагрузка коммуникативных средств, коммуникативная семантика, звучащий кинодиалог, коммуникативная стратегия актера.*

В последние годы применение метода семантического коммуникативного анализа, основы которого изложены в работах М.Г. Безяевой, к исследованию звучащего художественного текста показало, что наряду с коммуникативным рисунком той или иной роли и со способами взаимодействия персонажей в ансамбле существует явление более крупного порядка – коммуникативная композиция произведения [Безяева 2010]. Ниже будет рассмотрен пример, в котором коммуникативными средствами языка создается композиционное противопоставление, значимое не только для образов конкретных героев или ансамбля персонажей, но и организующее пространство фильма в целом.

Противостояние адвоката и прокурора в фильме «Небесный суд» (Россия, 2011) находит свое выражение прежде всего в номинативном содержании их полемических выступлений в суде, реплик при перекрестном допросе и др. Представитель защиты и представитель обвинения по определению должны соперничать между собой в зале суда, они находятся на максимально удаленных друг от друга позициях. Однако персонажи К. Хабенского (прокурор) и М. Пореченкова (адвокат) интересны тем, что полярно противоположны друг другу и с точки зрения коммуникативного решения ролей.

Сценарием фильма заданы следующие обстоятельства: Небесный суд присяжных рассматривает последнее деяние подсудимого при жизни и направляет его либо в ад, либо в рай (понятия ада и рай

табуированы: рай называется «сектором покоя», ад – «сектором раздумий»). В качестве защитников и обвинителей выступают умершие юристы, которые временно пребывают в междумирье, где вершится Небесный суд.

Оба персонажа – и защитник, и обвинитель – искусно пользуются логической аргументацией (как разрешенными, так и запрещенными в формальной логике приемами), риторическими фигурами, они оба могут прибегать к шутке, иронии и т.д. Им доступен один и тот же арсенал ораторских трюков, и оба используют его в равной степени эффективно. Тем не менее различие между стилем защиты и обвинения в фильме очень велико. Даже основываясь только на материале номинативного уровня, нетрудно заметить, что прокурору свойственно постоянно опираться на норму и апеллировать к норме (вспомним ставшую для него фатальной реплику, об-

ращенную к судье: «Я просто призываю вас / следовать закону»¹). Адвокату же свойственно едва ли не насильно подключать и активно эксплуатировать личную сферу слушающих. Его речь на заседании суда в начале 3-й серии открывается словами: «Господа присяжные заседатели, // Ваша честь, // предлагаю всем... / пойти домой». Безусловно, это риторический прием, подчеркивающий, что ему выпало защищать человека практически святого, в отношении которого не может быть никакого разбирательства, но сам способ выражения (не «завершить наше заседание», не «отказаться от рассмотрения дела», не «разойтись по своим делам», а именно «пойти *домой*») как нельзя лучше характеризует установку, которую адвокат кладет в основу всех своих речей: сознательное вторжение в личную сферу внимающих ему присяжных и судей.

С точки зрения происходящего на коммуникативном уровне языка столкновение прокурора и адвоката сводится к столкновению двух принципиально разных коммуникативных установок: обвинитель играет на поле нормы, защитник – на поле личной сферы.

В таком распределении стратегий можно усмотреть проявление характера обоих юристов, их индивидуальных наклонностей, однако в первую очередь такой расклад мощно поддерживается самой задачей. Вполне естественно, что обвинение подсудимого происходит с опорой на *нормы общества* (а не на эмоции, допустим), в то время

¹ При анализе интонационных средств мы основываемся на усложненной интонационной транскрипции, разработанной Е.А. Брызгуновой [Брызгунова 1980, 1982]. Ей же принадлежит первый опыт анализа интонационных средств в художественном тексте [Брызгунова 1984].

как защитник старается пробудить в присяжных *личное начало*, сочувствие, сострадание. Гипотетически можно представить себе адвоката, сухо доказывающего невиновность своего подопечного исключительно с опорой на факты и букву закона; однако вся традиция русского юридического красноречия говорит о том, что от защитника мы ожидаем умения затронуть струны души, проникнуть за границы личной сферы тех, от кого зависит судебное решение, чтобы тем успешнее воззвать к их милосердию¹. Таким образом, в рассматриваемых нами персонажах есть доля типизации, то есть, несмотря на яркие индивидуальные черты, это в определенном смысле Адвокат вообще и Прокурор вообще, символические представители своей профессии.

Первый же фрагмент судебного заседания знакомит нас с типичным речевым поведением обоих персонажей в суде.

Адвокат: Я думаю, / говорить о секторе раздумий сегодня не при-
 1 6 6
 дётся, // хотя... / последнее деяние моего подзащитного / кажется со-
 1 1
 всем, совсем неприглядным: / отравить соседскую кошку //, испачкать
 6 6 6
 собственные рукава ядом, / сполоснуть их в своём супе / и ровно через
 6 6 6 1
 десять минут... / отпра виться... / всле д... / за милой киской (*складыва-
 ет ладони в молитвенном жесте, затем постукивает кончиками паль-
 1
 цев друг о друга*) // (*Разводит руками*) Казалось бы (*потирает руки*): /
 6 1 6
 справедливый суд свершился уже там, / на земле, / но! (*вскидывает ука-
 6
 зательный палец*) // Как часто в своей земной жизни / вы кипятили
 4
 воду?

Присяжная: Ну, / разумеется, часто...
 3

Адвокат: Ну?
 4 4

Присяжная: ...чай, / суп...

¹ Знаменитый российский юрист, адвокат Ф.Н. Плевако говорил: «Между положением прокурора и защитника – громадная разница. За прокурором стоит молчаливый, холодный, незабываемый закон, а за спиной защитника – живые люди. Они полагаются на своих защитников, взбираются к ним на плечи и... страшно поскользнуться с такой ношей!» (Из речи в защиту С.И. Мамонтова. Цит. по изд.: Плевако Ф. Н. Речи. Т. 2. М., 1910, с. 324).

2
Адвокат: Для чего?
 6 3
Присяжная: Ну, / затем, чтобы вода была безопасной.
 2 4 6
Адвокат: Так // . Значит, вы преднамеренно / убили примерно... /
 б б 3\ \ /
 де-сять миллио-нов (*вскидывает указательный палец*) амёб / простей-
 3\ \ / 3\ \ /
 ших живот-ных, / которые уме-ли дышать, пере-варивать пи-щу / и уж на-
 1
 вер-няка?... / сучили сво-ими... лож-нонож-ками в тот мо-мент, ко-гда их...
 б б
 сре-да оби-тания / пре-враща-лась... / в ки-пящий ад!
 2 2
Судья: Мы не ис-пользуем / по-нятие «ад»!
 2 \ /
Адвокат (с улы-бкой): Про-шу про-щения, ва-ша че-сть //, про-шу про-
 2 6 2 \ / 2
 щения // . А... / ска-жите, по-жалуй-ста, / а на ва-шем сче-ту... ско-лько...
 3
 жер-тв, // м? (*Пока-зывает со-дер-жимое бар-хатной ко-робоч-ки*).
 2 2 6 2
Присяж-ный: Ой, / мно-го, / но ве-дь это же... / та-ракан.
 2 2 2
Адвокат: Да-да-да-да-да, / та-рака-ан, / та-рака-ан //, ко-торого мы
 б б 2 б
 да-вим та-пками, / тра-вим ди-хло-фосо-м... // . Да // . Да // . Это то су-щество, /
 б б б б 1
 ко-торое ка-ждый / из нас / мо-г раз-давить в по-сле д-ней ми-г / сво-ей жи-зни,
 б б
 / лю-бой из нас! (*Вскидывает указательный палец. Присяж-ный в ка-дре*
 б 3\ \ /
ки-вает). И по-лучить би-лет... / в сек-тор раз-думий? // (*По-жи-мает пле-ча-*
 2 3
ми) Но го-спода присяж-ные за-седатели! // (*По-тря-сает ру-ками*) Ска-жите
 б \ /
 мне! // Ну где за-канчи-вается ре-флекс, по ко-торому мы мо-жем при-хлоп-
 4 3
 нуть ко-мара или му-ху, / и на-чина-ется у-бийство? // (*Про-курор улы-ба-ет-*
 \ / 1
ся). А я вам ска-жу // . У-бийство на-чина-ется там... / где е-сть ду-ша?
 2 б 2
Про-курор: Про-тест // . Нет // ду-ши. (*Шум в за-ле су-да*).

Судья: Поясните, господин прокурор.

Прокурор: По мнению подсудимого, / который всю свою земную
жизнь был убеждённым атеистом, / (с улыбкой) души нет.

Подсудимый: Но... ↓ ° но я же не знал! (Прокурор кивает).

Прокурор: Соответственно, / убитая им кошка / как представитель
класса... Млекопитающие, / подкласса... / (адвокат опускает глаза и
мотает головой) Звери, / инфракласса Плацентарные, / ничем не отличалась от него самого // . Более того? // подсудимый обращался к ней /
как к равному субъекту права // . Внимание на экран.

Подсудимый в записи (обращаясь к кошке): Ну что, // зараза? // Не
будешь больше... ← ссать под дверь // . Скажи ещё – // ← «не специально» // . За свои поступки... / надо / отвечать.

Прокурор: Полностью с вами согласен // . Убийство / себе подобного // . Последнее деяние, / осуществлённое вами при жизни // . Ни на чём не могу настаивать, / но... / вряд ли это... сектор покоя.

Речь адвоката крайне эмоциональна, развернута, и целый ряд языковых средств в ней направлен на интимизацию регистра общения и игровое втягивание слушающих в обсуждаемую проблему, непрерывную апелляцию к их личной сфере. Прокурор подчеркнуто неэмоционален, предпочитает дистанцирование; стоящая за ним незримая сила – нормы социума, что достаточно тонко дают понять избираемые им средства коммуникативного уровня. Лаконизм выступления прокурора объясняется, вероятно, тем, что у него есть сильный «козырь в рукаве» (демонстрируемый им в суде видеофрагмент), дело с самого начала практически им выиграно; многообразие адвоката – это коварная попытка увести разговор от личности подзащитного и его поступка в дебри схоластики.

Рассмотрим подробнее линию коммуникативного поведения каждого из героев. В речи адвоката постоянно присутствует его соб-

ственное личное начало (*Я думаю, деяние моего подзащитного, Ска-
3 3*
жите мне, А я вам скажу), тем самым создается сильный эффект его
ангажированности в ситуацию. Свободное использование им конст-
рукций с местоимениями 1 л. ед.ч. контрастирует с полным и не
случайным их отсутствием в речи прокурора. Адвокат делает упор
на свою личную включенность в ситуацию, личность прокурора
трудноуловима; адвокат более или менее убедительно взывает к со-
циуму, прокурор попросту занимает позицию социума. Даже когда в
финале речи прокурора появляются глаголы в форме 1 л. ед.ч., они
не связаны с выражением личной позиции; он использует этикетные
формулы для иронического выражения торжества, для закрепления
1

уже очевидной для всех победы: *Полностью с вами согласен; Ни на
1 6*
чём не могу настаивать, но (...).

Следующим значимым приемом в речи адвоката является кон-
центрация оборотов с местоимением *мы*, когда он доходит непо-
2
средственно до обвинения, выдвинутого против его клиента (*такака²
6 6 6*
*ан //, которого мы давим тапками (...); существо, / которое каждый /
6 6 1 6*
из нас / мог раздавить в последний миг / своей жизни, / любой из нас!;
4

рефлекс, по которому мы можем прихлопнуть комара или муху); та-
ким образом он настойчиво объединяет и втягивает всех присутст-
вующих в зону вины, проводит идею сопричастности слушающих
греху, в котором повинен подзащитный. Наряду с *мы*-
конструкциями немалая смысловая нагрузка приходится на звуча-
6 6
ние. Это удлинение гласных (*каждый / из нас*), передающее стремле-
ние говорящего воздействовать на позицию слушающих, ИК-6 в
значении указания на всем известную рутину, всеобщий характер
6

деятельности по уничтожению вредителей (*давим тапками, / травим
6*
дихлофосом); дополнительные центры ИК-3 в значении ‘сориенти-
6 3 3
руйтесь на имеющееся положение дел’ (*любой из нас!*; *Скажите
3*

мне!), модальная реализация ИК-3\3, представляющая отправку в ад
за подобные преступления как аномалию, явный слом нормы (*И по-*

лучить билет... / в сектор раздумий ?), театрализованный переход на шепот (А я вам скажу // Убийство начинается там...) как средство интимизации (идея сокрытия информации от другого социума). Вообще частотность модальных реализаций ИК в речи адвоката (убили примерно... / десять миллионов амёб, / простейших животных, / которые умели дышать, переваривать пищу / и уж наверняка?.. / сучили своими... ложноножками) можно противопоставить манере прокурора, пользующегося почти исключительно нейтральными реализациями. Это объясняется связью модальных реализаций с личной сферой говорящего либо слушающего. Прокурору не свойственно вводить связанные с этой сферой смыслы. При этом нельзя не заметить, что у адвоката пресловутое обнажение личной сферы всегда игровое, это лишь имитация эмоциональной вовлеченности, именно поэтому его модальные реализации не всегда оказываются к месту (так, размещение центров МР ИК-3\|/\ со значением вопиющего отклонения от нормы на словах амёб, животных, пищу не вполне оправдано, цель – нагнетание эмоций довлеет здесь над точностью коммуникативных смыслов).

Третьей коммуникативной тактикой адвоката наряду с подчеркиванием личной вовлеченности в происходящее и с «приемом объединения» ('и вы, и я – все мы делали то же самое, что и мой подзащитный'), является установление индивидуальных, избирательных контактов: он выхватывает присяжных по одному и втягивает их в беседу, где они вынуждены в какой-то степени приоткрыть свою личную сферу, предстать перед всеми просто людьми в быту, вне своей теперешней официальной роли. Для этого он использует средства, служащие интимизации, разрушающие официальность обстановки.

6

4

Адвокат: Как часто в своей земной жизни / вы кипятили воду?

6

4

Присяжная: Ну, / разумеется, часто...

3

Адвокат: Ну? (ну – 'говорящий призывает слушающего соответствовать его ожиданиям, то есть скорее сформулировать ясный ответ, не мямлить', ИК-3 – 'сориентируйте меня на свою позицию')

4

4

Присяжная: ...чай, / суп...

Адвокат: **Для чего?** (что указывает на незнание говорящим ситуации – незнание, разумеется ложное, так как ответ очевиден, просто необходимо, чтобы он прозвучал из уст собеседника; ИК-2 – ‘реализуйте нужный мне вариант’, оттенок ИК-3 – ‘я ориентирован на вашу позицию, но и вы сориентируйтесь на мою’)

Присяжная: Ну, / затем, чтобы вода была безопасной.

Адвокат: **Так**, (так – ‘соответствие полученных сведений самым печальным предположениям говорящего’, ИК-2 – ‘реализован этот вариант’)

Мы видим, что адвокат жестко регулирует эти импровизированные беседы, не давая им отклониться от намеченной цели (выражение нетерпения, уточняющий вопрос, принятие к сведению). Поскольку ответ на вопросы, которые он ставит, заранее очевиден, его, по сути, устраивает любая форма реакции со стороны адресата, он в состоянии обработать в нужном ему духе практически любое высказывание растерянного собеседника.

Адвокат: **А...** / **скажите, пожалуйста,** / **а на вашем счету...**

сколько... жертв, // м? (а в двух реализациях: ‘говорящий вводит слушающего в новую ситуацию’ (первое а) и ‘говорящий просит слушающего ввести его в новую ситуацию’ (второе а), замедление темпа речи подчеркивает значимость вводимой информации; м – ‘указание на общеизвестную норму поведения (все давят тараканов); говорящий уже пропустил это знание через свою систему ценностей и теперь предлагает слушающему пропустить его через свою (в чем, безусловно, присутствует связь с личной сферой)’, ИК-3 в значении ‘сориентируйте меня на вашу позицию’, в своеобразной «подстегивающей» функции)

Присяжный: Ой, / много, / но ведь это же... / таракан.

Адвокат: **Да³да-да-да-да,** / таракан³ан, / таракан³ан //, которого мы давим тапками, / травим дихлофосом... // **Да // Да** (многократно повторенное да – ‘ваше замечание о том, что это таракан, максимально адекватно имеющейся в действительности ситуации’; удлинение

гласного – **Да²да-да-да-да** – воздействие слушающего на говорящего, ‘я впечатлен адекватностью вашей реакции’).

Герой Пореченкова охотно и широко задействует невербальные средства – прежде всего, жесты рук. По контрасту с этим, прокурор не использует жесты рук вообще, весь набор невербальных средств в его судебных выступлениях ограничивается мимикой. Адвокат же разыгрывает целое невербальное представление. Упомянув о кончине своего подзащитного, он складывает руки, как вначале кажется, в молитвенном жесте (ладони соединены перед грудью, глаза опущены), затем плавно переводит его в жест затруднения (начинает постукивать подушечками пальцев друг о друга), почти сразу *разводит руками* (семантический параметр жеста развертывается как ‘у говорящего нет необходимости контроля над ситуацией: справедливый суд уже свершился, беспокоиться не о чем’), *потирает руки* (под-

черкивая бенефактивный характер события) и, вводя свое *Но!*, *вскидывает указательный палец* (жест маркирует сверхзначимость информации, которую он готовится преподнести присяжным). Названный жест он повторяет затем еще дважды (в той же реализации), синхронизируя его со словами *десять миллионов амёб* и *любой из*

нас! Параллельно с выражением недоумения с оттенком возмущения:

«*И получить билет... / в сектор раздумий?*», – адвокат выполняет номинативный жест «проходите, вам туда», услужливо показывая обеими руками направление – в сторону ада. Далее вновь возникает коммуникативный жест – *пожать плечами*, входящий в структуру возражения с оттенком недоумения: «*Но господа присяжные заседатели!*»

Значение жеста *пожать плечами* развертывается здесь как ‘говорящий не владеет знанием / не имеет представления о том, как можно совершить такую нелепость (отправить человека в ад за уничтожение тараканов и им подобных тварей)’. Произнося следующую за этим реплику (*Скажите мне!*) актер *потрясает руками* – жестовая конструкция, в семантике которой содержатся параметры

1) адресованности максимально широкому кругу слушающих (адвокат взывает не только к присутствующим, но и ко всему миру); 2) учета следствий из введенной информации (присяжным следует учесть всё ранее сказанное); 3) открытость восприятия (здесь: ‘говорящий открыт для восприятия позиции любого из слушающих, буде тот захочет ее высказать’).

Как мы видим, руки артиста в этом эпизоде ни секунды не находятся в покое, причем большинство исполняемых им жестов –

коммуникативные. Непрерывный поток информации, передаваемой невербальными средствами, возможно, служит адвокату для того, чтобы рассеять внимание слушателей, не дать им сосредоточиться на зыбком доказательстве невинности подсудимого.

Обратимся далее к персонажу К. Хабенского. В арсенале прокурора – несколько средств дистанцирования. Это ИК-4, с помощью которой прокурор предлагает соотнести позицию подсудимого с

другими имеющимися позициями (*По мнению подсудимого, / который всю свою земную жизнь был убеждённым атеистом, / души нет*), затем называет место кошки в зоологической иерархии, желая указать на общность таксономических групп для жертвы и убийцы (*Убитая им кошка / как представитель класса... Млекопитающие, / подкласса... / Звери, / инфракласса Плацентарные, / ничем не отличалась от него*

самого); во всех случаях употребление ИК-4 содержит оттенок официального дистанцирования: говорящий бесстрастно сообщает объективные факты. Вторым действенным способом дистанцирования является упорное использование конструкций с существительным там, где возможен выбор между существительным и глаголом или

присутствие глагола наряду с существительным (*Протест; Внимание на экран; Убийство / себе подобного // Последнее деяние, / осуществлённое вами при жизни; Вряд ли это... сектор покая*). Выбор в пользу существительного (*Протест*, а не *Протестую* и т.д.) даёт здесь колоссальный эффект дистанцирования: говорящий полностью устраняется из ситуации, он существует только как воплощение своей

социальной функции. В отличие от структуры *Протестую*, *Протест* предполагает, что совершается действие, предусмотренное некой нормой.

В противоположность адвокату, который втягивает в орбиту своих рассуждений то одного, то другого присяжного, умышленно выводит из себя судью использованием табуированного понятия «ад» – словом, не оставляет своим вниманием никого из членов суда, от которых зависит окончательное решение, прокурор учитывает в своей речи только одну позицию – подсудимого, только на нее он ссылается и только к этому человеку прямо обращается в своей речи. Он не намерен вторгаться в его личную сферу; он добивается его

осуждения с опорой на собственные представления обвиняемого о норме. Изощренное оперирование нормами – оружие прокурора; на множественности норм, на их расхождении он строит свой убийственный ход: вытаскивает на свет личную норму самого обвиняемого, иезуитскую норму поведения, которую тот применял к кошке (*За свои поступки... / надо / отвечать*) и затем квалифицирует его поступок как убийство, рассмотрев его через призму нормы законодательной.

ИК-1 в финальных репликах (*Убийство / себе подобного // После*
днее деяние, / осуществлённое вами при жизни) добавляет еще штрих к портрету прокурора: такое интонационное оформление подразумевает, что говорящий рассматривает сложившуюся ситуацию как лежащую в пределах нормы ('бывает так, что последним деянием покойного оказывается убийство, этот случай предусмотрен законом, то есть существует норма трактовки такой ситуации').

Примечательна его заключительная реплика:

- Ни на чём не могу настаивать, / но... / вряд ли это... сектор покоя.

Здесь коммуникативными средствами выражено сомнение: *ли* – 'говорящий считает, что вариант с отправкой подсудимого в рай не будет соответствовать действительности, причем оценивает этот факт позитивно', *это* – указание на недолжные качественные характеристики последнего деяния подсудимого, оттенок ИК-3 – 'говорящий (притворно) ориентируется на позицию слушающих'; но здесь же присутствует двуцентровая ИК-2, которая передает, напротив, уверенность – 'будет реализован именно этот вариант (в вердикте суда не будет фигурировать сектор покоя)'. Формально про-

курор отделяет себя от присяжных и судей (*Ни на чём не могу настаивать*), и в то же время его собственное представление о норме слито с представлениями социума – этим объясняется его уверенность в себе.

Единственный проблеск личного в коммуникативном поведении прокурора – единицы, служащие для сдержанного выражения злорадства, торжества либо предвкушения торжества. Это *улыбка*, которой он реагирует на выдвинутый адвокатом тезис («убийство начинается там, где есть душа») – 'я расцениваю сложившуюся ситуацию как бенефактивную для себя'; вторая *улыбка*, с которой он

оглашает убеждение подсудимого (*Души нет*) – ‘для меня как для обвинителя тот факт, что при жизни убийца имел атеистические взгляды, чрезвычайно *бенефактивен*’, двукратный легкий *кивок* по-

сле слов подсудимого: *Но...* ↓ °но я же не знал! – ‘обвиняемый только что наивно солидаризовался с моими словами, косвенно подтвердив, что действительно не верил в бессмертную душу’. Сюда же относится модальная реализация ИК-1 с сильными колебаниями тона в

^^ 1

предцентре в высказывании *Внимание на экран*, которая передает значение ‘слушающим предстоит учесть следствия из информации, которая будет сейчас введена’ и косвенно сообщает о более высоком уровне компетентности говорящего по сравнению с аудиторией.

Рассмотрим другую сцену из фильма, где противостояние адвоката и прокурора заканчивается, наоборот, локальной победой адвоката.

Прокурор: Господа... / присяжные заседатели! // Деяние, которое мы будем... рассматривать, – / ложь // «Ну, подумаешь, соврал, – скажете вы // – Ведь не убил же, / не ограбил, не предал //». Но давайте послушаем, / что говорят о лжи / знатоки и эксперты... в этой области //.

«Чем грандиознее солжёшь, / тем скорее тебе поверят» // (*Подъем левой брови, левосторонний кивок*).

1

Шум среди присяжных. Голос: «...Тем скорее поверят».

Прокурор: «Надёжными же людьми / могут называться те, / кто умеет скрывать свои дела... / и мысли» // Автор первой цитаты – / Адольф Гитлер, / автор второй – / Иуда / Искариот // И я докажу, / что нет... ничего опаснее лжи / корня всех в мире... / предательств / и убийств.

Адвокат: Что сказать? // (*Сводит брови*). Что сказать после этих страшных слов? // Корень всех зол – / ложь // Кто более достоин секто-

ра... раздумий, / как... (устанавливает визуальный контакт с присяж-
 ными) не партизан (улыбается), / который (жест «махинации») нагло /
 лжёт / фашистам, / что наши в овраге, / хотя они / в курятнике // . А
 может быть (жест «подыскивания слов»), / врач, // который обмешу-
 лил... ребёнка (улыбается) и сказал, что... / (махает ладонями в гори-
 зонтальной плоскости) ↑ зубы сверлить совсем-совсем не больно! //
 Нет! // (Покачивает пальцем) °Нё-ёт//. Наверное, муж (улыбается), /
 который говорит своей сто-/ килограммовой жене, / что она совсем не
 похожа на бегемота, / разве что только весёлыми / глазками // . (При-
 сяжные смеются) Господа! // (Покачивает указательным пальцем) Эго
 тоже лжёт // . (Кивает, подмигивая и вскинув указательный палец).

С точки зрения риторики, герои делают следующее: прокурор применяет известную полемическую уловку и выдвигает запрещенный аргумент – *reductio ad Hitlerum*, по терминологии американского культуролога, специалиста по научной этике Лео Штрауса (если Гитлер / Иуда хорошо отзывались о лжи, следовательно, не может быть ничего хуже лжи), адвокат же, воспользовавшись тем, что его оппонент не счел нужным дать строгого определения лжи, отталкивается от наиболее широкого определения, куда попадает и «белая ложь», и ложь во имя благих целей, и далее говорит только о «позитивных» разновидностях лжи, то есть разбивает оппонента на поле формальной логики. (Заметим, что к концу процесса последнее деяние подсудимого присяжные действительно отнесут к категории лжи во благо).

Однако посмотрим, что происходит глубже, на уровне коммуникативной составляющей обоих выступлений. Речь прокурора построена таким образом, чтобы не возникало необходимости в прямом контакте с аудиторией, но, понимая, что элемент диалога повысит убедительность его слов, он сам вносит в свой монолог диалогичность:

- «Ну, подумаешь, соврал, – скажете вы // . – Ведь не убил же, / не
 ограбил, не предал.»

Интересно, что условный собеседник, предлагающий это возражение, говорит у прокурора языком, более насыщенным коммуникативными единицами и приближенным к разговорному, чем язык самого прокурора. Помимо разговорной лексики *соврал*, здесь представлен целый ряд средств, не типичных для официального регистра общения: *ну* в значении ‘я реагирую на твоё ожидание’, *подумаешь* – ‘обсуждаемый вариант не меняет ситуацию с бенефактивной на небенефактивную, в отличие от других возможных вариантов: *убил, ограбил, предал*’, *ведь* – ‘говорящий апеллирует к общим для социума представлениям о бенефактивном/небенефактивном, о норме и отклонении от нормы’, *же* – ‘слушающий должен был бы сам сопоставить тяжесть проступка с более страшными преступлениями, но почему-то не сопоставил’.

Звучащее оформление последней синтагмы – два центра ИК-6 в значении указания на всеобщее знание (‘все мы знаем, какие ещё бывают тяжкие преступления, каждый из нас и сам мог бы их перечислить’) и убыстрение темпа речи, маркирующее вводимую информацию как несущественную – говорит о том, что прокурор уже ввел нужную ему мысль и теперь в «чужой», делегированной речи являет нам собственную личность: *ему самому* (а не воображаемому оппоненту) становится скучно перечислять, и он ускоренно завершает этот пассаж. Этот небольшой нюанс в звучании в действительности выдает отсутствие у него настроенности на собеседников и отсутствие желания налаживать с ними подлинный контакт.

Во время своей краткой речи прокурор просто жестко проходит по намеченному плану выступления от начала к концу, не ожидая отклика аудитории (отклик есть, но он не обязателен: не будь его, замысел оратора никак бы не пострадал). Этому, в частности, служат такие коммуникативные средства, как будущее время, с помощью которого говорящий акцентирует обязательность реализации ситуации, инфинитив со значением ориентации на норму социума, несовершенный вид глагола, вводящий идею должного, необходимого, ИК-2 в значении ‘сейчас будет реализован именно вве-

денный мной вариант^б (*Деяние, которое мы будем... рассматривать,*^б
²

– / ложь), *давайте*, которое указывает на твердое знание говорящим бенефактивной логики развития ситуации, что позволяет ему не

^б учитывать позицию слушающих (*Но давайте послушаем, / что гово-*
²
рят о лжи / знатоки и эксперты).

не получается соответствовать норме социума и достойно ответить на эти слова’).

Далее вновь разыгрывается мини-спектакль с большой нагрузкой на интонационные средства и на жесты рук, по ходу которого адвокат берет на себя множество мини-ролей. На номинативном уровне несколько раз возникает насмешливая отсылка к позиции, сформулированной прокурором (‘все мы, члены социума, должны плохо относиться ко лжи’): партизан... *нагло* жлет, врач... *обмишулил* ребенка (псевдоосуждение лжи, но не той, о которой говорил прокурор, а лжи во благо).

б

- Кто более достоин сектора... раздумий / как... (устанавливает визуальный контакт с присяжными) не партизан (улыбается), / который (жест «махинации») *нагло* / *лжёт* / фашистам, / что наши в овраге, / хотя они / в курятнике // . А может быть (жест «подыскивания слов»), / врач, // который обмишулил... ребёнка (улыбается) и сказал, что... / (махает ладонями в горизонтальной плоскости) ↑ зубы сверлить совсем-совсем не больно! // Нет! // (Покачивает пальцем) °Нет-ет! // Наверное, муж (улыбается), / который говорит своей сто-/ килограммовой жене, / что она совсем не похожа на бегемота, / разве что только ве- сёлыми / гла зками.

Интонационное оформление, частое синтагматическое членение, повышение фонетического регистра, изменения темпа речи и интенсивная жестикуляция и мимика служат нагнетанию эмоций (фирменный стиль адвоката) и созданию интриги. Так, замедление темпа речи в начале должно внушить слушателям ложное впечатление, что говорящий находится в затруднении и раздумье; *может быть* означает ненастойчивый ввод очередного варианта при учете препятствующих этому вводу факторов (‘вариант плохо продуман, возможно, не стоит его и упоминать’); жест «подыскивания слов» (потирание друг о друга большого и указательного пальцев) свидетельствует о том, что говорящий якобы импровизирует; двойное *нет*, которым оратор вдруг решительно исключает предшествующие варианты, должно пробудить у публики интерес к новому варианту,

пришедшему в голову выступающему. Подчеркнутой продуманности речи прокурора адвокат противопоставляет *видимость экспромта* (то, что «экспромт» хорошо подготовлен, подтверждают

слова прокурора после заседания: «То ¹есть ты ^бсерьезно ^брешил его ³защищать, / готовился, / шуточек ^бнакропал, / м?»), а сухому тезису обвинения – эмоциональное воздействие. Россыпь центров ИК-6 с вариациями (ИК-б³, ИК-б) обеспечивает постоянные усиленные отсылки к еще не названной информации, не известной слушающим, зато известной говорящему. Подогреваемый интерес к каждому своему слову на искусственно созданном мощном эмоциональном фоне – тот способ, которым защитник вновь подбирается к личной сфере своих адресатов.

В отличие от прокурора, который не нуждался в выраженной обратной связи с аудиторией, защитник делает упор именно на эту связь: он ориентирован на позицию слушающих (ИК-3: *врач, ³глазками*), он маркирует улыбкой ввод каждого из своих примеров «ужасной лжи» (появление улыбки здесь всюду означает ‘говорящий входит в ³бенефактивную для себя ситуацию, так как ему вовремя пришел в голову хороший аргумент / хорошая шутка’) и заканчивает выступление, вызвав дружный смех присяжных в ответ на свою остроту. При этом в последней реплике (*Господа! // Это тоже ложь*) оратор добивается резкой интимизации регистра исключительно коммуникативными средствами – переходом на шепот (воздействие говорящего на слушающего, предполагающее выход за рамки официальной сферы общения) и подмигиванием (‘говорящий и слушающие вместе ориентированы на некое знание, представление, доступное не каждому’).

Итак, мы видим, что идея противопоставления Адвоката и Прокурора в фильме проведена необычайно последовательно – от вечно разыгрываемой ими на небесах партии в шахматы, где Адвокат играет белыми, а Прокурор – черными, до диаметральных расхождений в коммуникативных дорожках, которые проявляются на нескольких уровнях:

1) каждый из героев держится в рамках одной большой группы коммуникативных средств, объединенных общим семантическим параметром (прокурор действует в области нормы, это его стихия, и избегает касаться чьей бы то ни было личной сферы; адвокат успешно возделывает ниву личной сферы, обходя стороной идею нормы);

2) противоположны крупные коммуникативные тактики персонажей в одном и том же эпизоде (акцентирование подготовленности, продуманности выступления ↔ видимость импровизации; усиленный поиск контакта с аудиторией ↔ подчеркнутое отсутствие потребности в таком контакте);

3) одному из персонажей не свойственно задействовать определенную реализацию инвариантного параметра коммуникативной единицы, в то время как для его противника эта реализация нагружена ключевым смыслом (например, герой Пореченкова не актуализирует в семантике ИК-4 второстепенный параметр дистанцирования, тогда как персонаж Хабенского вводит ИК-4 в первую очередь ради этого параметра);

4) один из актеров не использует средство или группу средств, активно используемые другим (так, прокурор совершенно не прибегает к жестам рук, в то время как адвокат извлекает из этих единиц максимум возможностей).

Коммуникативная полярность персонажей особенно любопытна на фоне общности всевозможных приемов красноречия. Как было замечено выше, на протяжении фильма герои выказывают приблизительно одинаковую способность и склонность к логическому обоснованию, к применению риторических фигур, к порождению метафор, к юмору в публичном выступлении, к виртуозному оперированию юридической терминологией и т.д.; впечатление, что у них за плечами одна и та же классическая школа ораторской подготовки. Всё это сближает их, а отнюдь не противопоставляет. К противоположным полюсам (черное – белое, обвинение – защита, закон – милосердие, ад – рай) их помогают отнести в первую очередь глубинные смыслы коммуникативного уровня, так как они составляют их позицию, а не профессиональный инструментарий.

Парадокс в том, что позиция эта у обоих оказывается маской. Адвокат, который, выступая перед судом присяжных, энергично эксплуатирует идею затронутости личной сферы, эмоционально вовлекает всех в мгновенно созданную им воображаемую ситуацию, в действительности, как зритель понимает во второй половине фильма, в свою собственную герметично закрытую личную сферу никого не пускает и наглухо отгораживается даже от близких людей, а прокурор, поборник соблюдения норм социума, изящно рушит эти нормы во второй серии фильма, когда идет на грандиозный обман суда с тем, чтобы вернуть на землю Никиту Лазарева (неприятного ему лично, но очень нужного оставшейся на земле возлюбленной). Таким образом, система контрастов в фильме оказывается значительно более сложной и неоднозначной, чем это кажется на первый взгляд.

Литература

Безяева М.Г. Коммуникативная семантика звучащего художественного текста// Международный конгресс «Русский язык. Исторические судьбы и современность». М., 2010.

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.

Безяева М.Г. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия)// Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII. М., 2005.

Брызгунова Е.А. Русская грамматика. §§ 1-2, 15-171, 1900, 1918, 1923, 1925, 1936, 1947, 1951, 2125-2127, 2223-2230, 2629-2640, 3189-3194. Т. 1, М., 1980. Т. 2, М., 1982.

Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.

The article analyzes the communicative structure of “Celestial Court” serial (Nebesnyy Sud, Russia, 2011) that illustrates the broad abilities of the language communicative semantics for the purpose of realization of cinematic aesthetic tasks. In this case, the Russian language communicative means create an effect of the polar opposites of the main characters, which is very important in the context of the film and which structures the entire film space.

The polarity of the communicative strategies of the actors in the roles of the Prosecutor and the Advocate is based on the use of two extremely contrasting semantic parameters: for the Prosecutor it is the idea of the “norms”, for the Advocate it is the involvement of the “private sphere”.

Keywords: *aesthetic function of communicative means, communicative semantics, spoken film dialogue, actor’s communicative strategy.*

ОБЫДЕННАЯ ЖИЗНЬ: БАНАЛЬНЫЕ ШТАМПЫ ИЛИ ЧУДЕСНЫЙ ПОДАРОК? (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Т.ТОЛСТОЙ И ВАН АНЬ И)

Анализируя произведения Т. Толстой и Ван Ань И, автор противопоставляет отношение героинь к “поэзии” и “прозе” жизни. В этом автор статьи видит отражение разных национальных моделей поведения и психологии русских и китайских женщин.

Ключевые слова: Т. Толстая, Ван Ань И, обыденная жизнь, проза и поэзия, индивидуальность.

В сегодняшнем Китае, как и в России, творчество женщин-писательниц является важной частью литературного процесса. Этот факт доказывается не только числом пишущих женщин, но и качеством их работы. Ван Ань И (род. 1954 г.) – одна из лучших современных китайских писательниц – в 1995 году удостоена самой главной в Китае премии имени Мао Дуня за роман «Песня о вечной печали». В 1998 году ей была присуждена первая в Китае премия за женское творчество. Несмотря на это, китайская писательница полностью согласилась бы с Татьяной Толстой, писавшей: «Не существует литература женская или мужская, существует только хорошая или плохая».¹

Обе писательницы поставили судьбу женщин в центре внимания. В их произведениях описывается поиск любви и стремление к личному счастью обычных женщин, проживших нелегкую жизнь. Обе писательницы делают акцент на заурядность своих героинь. Толстая пишет: «Нина была ... самая обычная женщина, прекрасная женщина» [Толстая 1997: 319]. А Ван Ань назвала свою героиню «типичной дочкой шанхайских переулков» [Ван Ань И 2001: 20]. Эти женщины не совершали великих подвигов. Их интересует только «мелкое» личное счастье.

Изображение обыденной жизни играет очень важную роль в текстах обеих писательниц. Несмотря на это сходство, писательницы дают противоположные оценки обыденной жизни. Анали-

¹ *Интервью Т.Толстой/Записал Юй Ичжун // Русская литература и искусство. Пекин. 1995. №2. С.186.*

зируя тексты двух писательниц, автор данной статьи пытается ответить на следующие вопросы: 1. Как Толстая Т. и Ван Ань И описывают обыденную жизнь? 2. Какую роль играет обыденная жизнь в судьбах героинь этих писательниц? 3. Как каждая из писательниц оценивает обыденную жизнь, которой живут их героини? 4. Какие разные культурные традиции отражают эти оценки?

1

Для сравнительного анализа выбраны роман «Песня о вечной печали» китайской писательницы Ван Ань И и два рассказа Т.Толстой – «Поэт и муза» и «Охота на мамонта».

В романе «Песня о вечной печали» рассказывается история одной женщины из Шанхая. Она родилась в 30-е годы XX века в мешанской семье. В юности героиня неожиданно победила на конкурсе красоты. После этого она стала гражданской женой одного крупного чиновника в тогдашнем правительстве. Это было накануне вступления китайских коммунистических войск в Шанхай, поэтому их совместная жизнь продолжалась недолго. Он погиб в авиакатастрофе. После основания нового Китая в 1949г. героине удалось скрыть свои отношения с прежним правительством. Она встретила любимого человека. Но когда он узнал о ее прошлом, их любовь закончилась. Всю жизнь героиня прожила в одиночестве, а в середине 80-х годов она погибла.

В рассказах Толстой «Поэт и муза», «Охота на мамонта» описывается поиск заветной любви и стремление к личному счастью героинь Нины и Зои.

Поставив неудачную личную жизнь героинь в центр изображения, писательницы выражают разное отношение к своему литературному материалу. Ван Ань И написала роман, Толстая обратилась к малой форме – рассказу. Однако и «рассказы Толстой посвящены не эпизоду, – как заметил критик, – а всей судьбе человека»¹.

Татьяна Толстая и Ван Ань И – писатели совсем разных стилей. Ван – писатель в основном традиционного реалистического направления, а Толстая – представительница русского постмодернизма. В романе Ван Ань И подробно описывается жизнь героини с самой юности до пожилого возраста. Писательница показывает развитие, изменение личности. Писательская техника Толстой принципиально иная. Для показа судьбы своих героинь

¹ Вайль П., Генис А. Городок в табакерке//Звезда.1990.№8.С.147.

она обращается к стереотипам. Название рассказа – «Поэт и муза» уже напоминает о стереотипе отношений между поэтом и героиней его поэзии. Героиня Нина мечтает именно о такой любви: «Было бы просто справедливо, чтобы ее кто-нибудь воспел» [Толстая 1997: 321]. Писательница организует сюжет рассказа, следуя народной сказке «Финист ясный сокол». Чтобы завоевать любовь, героиня Нина семь пар железных сапог истоптала, семь железных посохов изломала, семь железных хлебов изгрызла [Толстая 1997: 328]. Название «Охота на мамонта» показывает, что попытки героини Зои найти себе мужа напоминают охоту на зверей: «Есть же правила охоты: мамонт отходит на некоторое расстояние, я прицеливаюсь, пускаю стрелу... И он готов. И я тащу его тушу домой. Вот и мясо на долгую зиму» [Толстая 1987: 58]. А выбранный ею жених долго не делал предложения, «и всё в сторону от замаскированной ямы» [Толстая 1987: 56]. Зоя не торопилась, она рассуждала так: «Один неудачный выстрел – и всё, добыча бежит прочь, со всех ног, только пыль стоит, и пятки сверкают. Нет, заманивать надо» [Толстая 1987: 55]. Здесь Нина и Зоя скорее не реальные люди, а стереотипные образы. Их поведение основано на штампах. События в рассказах развиваются по логике текстов-прототипов. И автор специально делает своих героинь смешными, чтобы раскрыть абсурдность их поведения и психологии.

Несмотря на это, судьбы героинь китайской и русской писательниц похожи: все они встретили в жизни мужчину своей мечты и временно получили счастье, но в конце концов пережили неудачу. Только у Ван Ань И и Т.Толстой причины несчастья разные. Ван так писала о своей героине: «Все они (женщины – Ч.С.) хорошо знают свою судьбу. Они знают, ... что они могут завоевать только маленькую долю счастья, и эта доля счастья на самом деле является только ничтожной частью чужой большой славы» [Ван Ань И 2001: 105]. Героиня Ван Ань И четко осознала, что она бессильна перед судьбой. Писательница обращает внимание на внешние события, которые сыграли решающую роль в ее судьбе. Политические переломы и скрытая тайна прошлого разрушили счастье героини.

А Т.Толстая показывает, что именно сами героини совершили ошибки. Толстая с иронией пишет о Нине, уверенной, что она «заслужила право на счастье», что она «имела все основания занять очередь туда, где его выдают...» [Толстая 1997: 320] А по-

том выяснилось, что Нине нужна не любовь, а что-то другое: «О, если бы она могла стать не случайной, зыбкой подругой, а полновластной хозяйкой, положить Гришуню в сундук, пересыпать нафталином, укрыть холщовой тряпкой, захлопнуть крышку и усесться сверху, поддергивая замки: прочны ли?» [Толстая 1997: 326] Героини Толстой относятся к любимому человеку не как к личности. Любимый человек либо стал мёртвым предметом, как у Нины, либо добычей, как у Зои.

2

Ван Ань И уделяет много внимания описанию обыденной жизни. В Китае после 1949г. многое изменилось. Стремление к уюту и элегантности в повседневном быту стало признаком буржуазного класса, с ним надо было бороться, чтобы окончательно уничтожить. Героиня не в силах изменить внешнюю ситуацию, но ей удалось сохранить свой прежний образ жизни. Не вызывая внимания чужих людей, она старалась сделать жизнь как можно более уютной, красивой при скромных экономических возможностях. Готовить еду, расставлять мебель, делать причёску, шить одежду для себя и дочки – все эти мелочи для героини стали искусством. И таким образом она как-то незаметно преобразила неприятную реальность. «Ван Ци иао имела способность сделать обыденную жизнь подарком, и ты вдруг заметишь ее существование. Тогда тебе кажется, хотя ты ничего не добьешься, что у нас еще есть обыденная жизнь!» [Ван Ань И 2001: 286] Эта способность помогла героине вытерпеть все превратности судьбы, сделала ее жизнь более интересной, особенной. Поэтому изображение обыденной жизни у китайской писательницы позитивно.

Т.Толстая изображает обыденную жизнь негативно. Как замечают многие критики, причиной неблагополучия почти всех героинь Толстой является разрыв мечты с реальностью. Для героинь Т.Толстой обыденная жизнь — враг поэзии, враг человеческой души, которая жаждет «немножко поэзии, возвышенного» [Толстая 2000: 27]. Нина иногда заходила в гости к какой-нибудь замужней подружке. «Выслушав, наконец, и подругу – что куплено, да что пригорело, ...рассмотрев чужого стандартного мужа – лоб с залысинами, тренировочные штаны, растянутые на коленях», она решала: «Нет, такой не нужен» [Толстая 1997: 321]. Здесь повседневная жизнь с ее суетой, обычный «стандартный» муж – штампы, они сделали людей одинаковыми, неотличимыми друг от друга. Героини Толстой борются за индивидуальность, но

очень жаль, что они часто заблуждаются в своем стремлении к оригинальности. Героине «нужно безумную, сумасшедшую любовь с рыданиями, букетами» [Толстая 1997: 319], чтобы избежать банальности. Она не сознает, что такая «необычная жизнь», о которой она мечтает, тоже банальна. Это либо штампы из литературных произведений, фильмов, сказок, либо просто популярные идеи, далекие от настоящей жизни, от современного человека. Когда героиня начала повторять в своей жизни чужой роман, она просто заменила одни штампы другими.

Для Ван Ань И истинная поэзия как раз скрывается в обыденности, нужно только, чтобы люди её увидели. Принимая жизнь такой, какая она есть, героиня обращала внимание на повседневные мелочи, стараясь сделать их изящными. Героиня не в силах бороться против общественного строя, который враждебен к ней, “буржуазной барышне”. Она по-своему наслаждается повседневной жизнью. Оказывается, что самая обыкновенная жизнь может быть объектом творчества. Это делает прозаическую жизнь поэтической, банальное – интересным. В произведении Ван Ань И мы видим положительное отношение к повседневности, внимание к процессу, а не к результату, вместо стремления к «возвышенному», «нездешнему» – погруженность в настоящее, здешнее.

Противопоставляя поэзию прозе, героини Т.Толстой пренебрежительно относятся к обыденной жизни, воспринимают её как банальную, скучную, как препятствие к счастью, которого они достойны. Видя истинную поэзию именно в обыденной жизни, героиня Ван Ань И наслаждается своей маленькой долей счастья и таким образом находит спасение от банальности.

3

Надо заметить, что проблематика романа Ван Ань И созвучна широко распространенной в Китае ностальгии по прошлому. Эта ностальгия, конечно, имеет широкую социально-культурную основу. Говоря о положении женщин, известная китайская женщина-социолог отметила, что наблюдается возвращение женственности. Это можно считать своеобразной реакцией на долгое пренебрежение женственностью в китайском обществе после 1949г. А в героинях Толстой отражается советская реальность периода застоя, когда жизнь людей была ограничена жесткими рамками. И эта жизнь получает отрицательную оценку.

Героини обеих писательниц живут в социалистических странах, где доминируют коллективные идеалы и развитие индивидуальности ограничено. На самом деле между героинями Т.Толстой и Ван Ань И существует еще одно очень важное сходство: все они как-то равнодушны к общим, коллективным идеалам, не желают жить как все, мечтают о личном счастье. Их образы далеки от стереотипов женщины в социалистической литературе XX века. В отличие от морально устойчивых, серьезных работниц, они эгоистичны, заботятся только о своей пользе. С другой стороны, они отстаивают свои интересы, изо всех сил добиваются чего-то для своей души, словом, они живые люди, а не схемы.

Однако героини по-разному воюют за свою личность. Осознав бессилие перед историей, перед самой жизнью (перед старостью, разлукой, смертью, злом), героиня китайской писательницы добровольно выбирает существование вне системы. Никогда откровенно не выступая против коллективных, высоких, абстрактных идеалов коммунизма, она обращает свое внимание на конкретную, «низкую», «материальную», даже «телесную» сторону жизни. Героиня ясно видит, что она не может победить окружающую среду. И она тихо, незаметно отстаивает свой стиль жизни. У неё свой круг друзей, долголетняя незаконная супружеская жизнь. Хотя в конце концов она трагически погибает, все же она находит альтернативу жизни в неволе, чтобы сохранить хоть остатки личности. Здесь мы видим мудрость восточной философии, которая учит принимать жизнь такой, какая она есть, со всем ее несовершенством, быть готовым к компромиссу с реальностью.

Героинь Толстой тоже не интересуется общественной идеей советского режима, но, в отличие от китайской героини, они ищут свое спасение в другой жизни – более поэтичной, более индивидуальной, но тем не менее абстрактной, идеальной. Именно поэтому для героинь Толстой обыденная жизнь — враг поэзии, враг личного счастья. Здесь можно вспомнить распространенное представление о том, что китайцы – практические люди, а русские – идеалисты. Это доказательство того, что стереотип не всегда плох, он в чем-то отражает реальность. Ориентация на практицизм в китайской культуре может объясняться тем, что в истории Китая не получили распространения основанные на рационализме идеи мыслителей Просвещения, которые ставили поэзию выше прозы, идеал выше реальности.

Сказанное приводит нас к следующему заключению.

Если рассказы Т.Толстой оставляют ощущение безнадежности и безвыходности, то произведение китайской писательницы рождает у читателя надежду. Но с другой стороны, у китайской писательницы отсутствует размышление о судьбе своей героини. В названии произведения «Песня о вечной печали» видно отношение автора к героине – сочувствие к личности, у которой нет выбора. Т. Толстая относится к своим героиням гораздо строже, чем китайская писательница. В рассказах Т. Толстой присутствует очевидная ирония, даже сарказм. В них критика героинь – это, может быть, и самокритика автора. А размышление и самокритика – всегда двигатель прогресса.

Таким образом, борясь против банальности и безличности в социалистическом обществе, героини разных писательниц проявляют разное отношение к обыденной, повседневной жизни. В этом отражается национальная модель поведения и национальная психология. Оценки обыденной жизни в рассказах Т. Толстой и романе китайской писательницы Ван Ань И противоположны и в то же время дополняют друг друга.

Литература

- Ван Ань И. Песня о вечной печали. Пекин, 2001 (на китайском яз.).
Толстая Т. Поэт и муза // Русские цветы зла/Сост.В.Ерофеев. М., 1997.
Толстая Т. Охота на мамонта//Толстая Т. На золотом крыльце сидели. М., 1987.
Толстая Т. Любишь—не любишь//Толстая Т. Река Оккервиль. М., 2000.

Analyzing the stories of Tatyana Tolstaya and Wang Anyi, the author of the article shows the contrast of characters' attitude towards "poetry" and "prose" of life. According to the author, that contrast reflects the difference in national behavioral patterns and psychology of the Russians and the Chinese.

Keywords: *Tatyana Tolstaya, Wang Anyi, ordinary life, poetry and prose, individuality.*

РЕАЛИЗАЦИИ ПОДТЕКСТА В ПОВЕСТИ А.И. КУПРИНА «ОЛЕСЯ»

В статье анализируются информативные характеристики художественного текста, а также выявляются его глубинные смыслы. Выявленный подтекст помогает глубже понять идейное содержание повести А.И.Куприна «Олеся», а также творческий замысел автора.

Ключевые слова: информативность, подтекст, концепт, авторский замысел.

В последнее время в лингвистической науке происходит заметное оживление интереса к проблеме информативной характеристики текста, к стилистическому анализу, с помощью которого можно выявить дополнительные глубинные смыслы в художественном тексте. Важно, пользуясь методами стилистического анализа увидеть в тексте больше, чем без него. Анализ употребления стилистических средств, приёмов, способов их взаимного сочетания помогает получить при чтении большую информацию. Для глубинного понимания текста необходимо его рассмотрение как целого, что подразумевает сопоставление и учёт взаимодействия всех средств художественного изображения внутри текста. Для стилистики декодирования, методы которой разработаны И.В. Арнольд, этот принцип является основным. Именно в рамках стилистики декодирования художественного текста проведена наша работа.

Постижение подтекста повести А.И.Куприна «Олеся» будет способствовать раскрытию ее идейного содержания, выявлению сюжетно-композиционных особенностей и эстетической ценности произведения. Такая задача особенно актуальна для иностранцев, читающих на русском языке художественные произведения. Исследование стилистических средств формирования подтекста в произведении поможет выявить стилистическую роль в тексте языковых единиц разных уровней, что станет основанием для глубокого понимания произведения.

Нас будут интересовать стилистические средства реализации подтекста в повести Куприна А.И. «Олеся» в аспекте их языкового воплощения; а также информативная характеристика текста

Мы поставили себе следующую задачу: выявить стилистические средства, формирующие глубинные смыслы в поэтической повести Куприна А.И. "Олеся", а именно:

- 1) рассмотреть категорию информативности в тексте, её содержание и объём;
- 2) охарактеризовать подтекст как лингвистическое явление;
- 3) указать возможные способы реализации подтекста в художественном тексте;
- 4) определить содержание подтекста в повести "Олеся", осуществив комплексный анализ средств и приёмов выражения подтекста.

Текст как любой знак может быть охарактеризован как единица, обладающая синтактикой, семантикой и прагматикой. Большинство исследователей относит подтекст к семантической структуре текста, но существуют концепции, относящие его и к формальной (синтактической), и к прагматической структуре.

В семантическом понимании подтекст – это сознательно или бессознательно создаваемая говорящим часть семантической структуры текста, доступная восприятию в результате особой аналитической процедуры, предполагающей переработку эксплицитной информации и вывод на её основе дополнительной информации.

Нашей задачей было выявить с помощью комплексного анализа стилистические средства и приёмы, посредством которых в художественном произведении реализуется подтекст.

Особенно широко в повести применяются антитезы, повтор, художественные образы, синтаксическая конвергенция, грамматические средства.

С помощью анализа стилистических функций этих средств мы выявили содержание подтекста в повести: глубинной причиной непонимания героями друг друга, причиной трагедии их любви является то, что они принадлежат к двум разным, противоположным мирам. Эти миры враждебны друг другу и представляют опасность для тех, кто пересекает границы "своего" и "чужого" пространства.

В повести "Олеся" антитеза представлена через два взаимосвязанных мотива – мотива противопоставления понятного и непонятного и мотива противопоставления "своего" и "чужого", причем первый представлен более определенно, чем второй, для выявления

ния которого нам пришлось устанавливать связь с народными стереотипами, зафиксированными в других текстах культуры.

Два взаимосвязанных мотива неразрывно связаны друг с другом. Эта взаимосвязь обнаруживается через лексические повторы слов, (принадлежащих тематическим полям неопределенности, загадочности и страха), синтаксическую конвергенцию и систему художественных образов.

Художественные образы, представленные в повести "Олеся", также служат средством выявления подтекста. В изложении А.И. Куприна присутствуют многочисленные сказочно-фольклорные мотивы: сказочная избушка на курьих ножках, лес, Мануйлиха как Баба-Яга, пересечение границ. Сказочные элементы, по-видимому, играют важную роль в повести "Олеся". В повести выявляется действие общих семиотических законов. Пересечение границ чужого пространства (когда Иван оказывается в лесу, а Олеся – в церкви) приводит к трагедии: это закономерно и обусловлено действием концепта, заключающегося в противопоставлении "своего" и "чужого". Результаты исследования доказывают, насколько важен этот семиотический концепт для организации сюжета и понимания глубины смысла всего произведения. Именно данный концепт составляет основу для формирования подтекста произведения и на высоком композиционном уровне – является фундаментом для построения сюжета и выстраивания системы образов произведения.

Подтекст реализуется и через грамматические особенности, в частности, следует указать на изменение грамматики предложений по мере того, как герой все более и более проникается чувством любви к Олесе. Таким образом, автор даже на грамматическом уровне показывает, как Иван «входит» в чужой мир и становится подвластен действию его законов.

Выявленный подтекст помогает глубже понять творческий замысел автора и постичь идейное содержание повести: любовь мужчины и женщины, которые принадлежат разным мирам, это всегда несчастье. Любовь героев оказалась трагичной в связи с тем, что они нарушили общий социальный закон и не в их власти изменить его, заставить членов противоположных социумов принять чужого, который пересек границы общественного пространства.

Литература

- Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения. "Вопросы языкознания", 1982, № 4.
- Гальперин И.Р. Грамматические категории текста. Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1977. № 6.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. АН СССР, Ин-т языкознания. М., 1981.
- Долинин К.А. ИмPLICITное содержание высказывания.- "Вопросы языкознания", 1983, № 4.
- Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М., 1988.
- Кухаренко В.А. Типы и средства выражения импликации в английской художественной прозе (на материале прозы Хэмингуэя). "Филологические науки", 1974, № 1.
- Морковкин В.В. Словарь структурных слов русского языка. М., 1997.
- Одинцов В.В. Композиционные типы речи. М., 1980.
- Сильман Т.И. "Подтекст – это глубина текста". "Вопросы литературы, 1969б, №1.
- Сильман Т.И. Подтекст как лингвистическое явление. НДВШ, ФН, 1969а, №1.
- Тураева З.Я. Лингвистика текста. М., 1986.

The informative characteristics of the literary text are analyzed and the hidden meanings within the text are determined in this article. This helps for a better understanding of the idea and conception of Kuprin's novel "Olesya".

Keywords: *self-descriptiveness, subtext, concept, author's conception.*

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО

*Н.Н. Белякова, Р.А. Кулькова
(университет Санг-Менг, Республика Корея)*

К ПРОБЛЕМЕ ОБУЧЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОМУ ОБЩЕНИЮ В ИНО- ЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ ОБИТАНИЯ¹

В статье говорится о современных пособиях по развитию речи на продвинутом этапе, которые дают возможность стимулировать дискуссию на уроке, вдохновляют учащихся высказывать свое собственное мнение. Такие пособия должны быть написаны на качественной информационной основе (философия, психология) и должны представлять разные точки зрения на мир человека.

***Ключевые слова:** развитие речи на русском языке на продвинутом этапе, пособие нового типа, антология проблемных ситуаций, общечеловеческая тематика, обучение естественному общению, адаптация в иноязычной среде обитания.*

Общепризнано, что успех обучения любому предмету зависит от точно сформулированной цели. Одной из основных целей обучения иностранному языку является, как известно, «развитие умения общаться в разных жизненных ситуациях» [Пассов 2006: 20], а общение, в свою очередь, есть «необходимое условие формирования и развития личности, а также овладения языком» [Азимов, Щукин 2009: 172].

Можно констатировать, что к настоящему моменту в преподавании русского языка как иностранного накоплен большой опыт, который позволяет преподавателям успешно формировать коммуникативную компетенцию учащихся в сфере профессионального общения и в обиходно-деловой сфере. Для проведения занятий, ставящих целью развивать и совершенствовать речевые и коммуникативные навыки в указанных сферах, имеется достаточное количество учебников, учебных пособий и материалов, а также методических советов и рекомендаций. При общении в профессиональной сфере в процессе обучения строго распреде-

¹ This research was supported by a 2013 Research Grant Sangmyung University.

лены роли преподавателя и учащегося, а задача речевого общения сводится к отчету об усвоенном материале повествовательного или описательного характера. Источником информации для такого общения являются лекции профессора, учебники и учебные пособия. При этом известно, что один из коммуникантов (преподаватель) прекрасно владеет информацией, а второй (учащийся) показывает, что он ею овладел. В такой ситуации разных взглядов на проблему, которые породили бы свободную беседу или дискуссию, не предполагается.

Что касается обучения *естественному общению* в окружающей среде вне учебно-профессиональной сферы, т.е. обучению речевой деятельности в иноязычной среде обитания, в данном случае русскоязычной, то на сегодняшний день это слабое звено в методике. Реально у иностранных учащихся для такого общения, в котором человек раскрывает себя или хочет понять других, нет соответствующего речевого опыта и необходимой для этого информации. В то же время именно умение вести свободную беседу на непрофессиональные темы является основным показателем уровня владения иностранным языком.

Необходимость специального обучения ориентации в среде обитания отмечена в утвержденных учебных программах (см. Пороговые уровни) и в теоретических исследованиях.

У свободного, непрофессионального общения особые цели. Это 1) сообщение о чем-то случившемся, 2) реакция на изменения в реальной ситуации, 3) индивидуальная оценка ситуации или фактов и т.д.

Третья речевая ситуация представляет для коммуникантов особый интерес, и, если они социально равны, порождает дискуссию, содержание которой по-настоящему затрагивает внутренний мир учащегося. Потому отбор и организация материала «должны моделировать реальное общение» [Пассов 2006: 148], общение в конкретной среде обитания. Каждая национальная среда обитания характеризуется информационной насыщенностью, от которой зависят тематика, проблематика и содержание естественного общения. Нельзя общаться без учета этой среды, которая наиболее ярко проявляется в феномене национального менталитета: ведь то, что является проблемой для одной нации и потому обсуждается, не есть проблема для другой, поскольку принадлежит к числу вопросов, которые не подлежат обсуждению как нечто само собой разумеющееся.

Коммуникативно ориентироваться в среде обитания в разной степени учащиеся должны на разных этапах обучения, начиная с базового уровня. Распределение учебного времени на эти цели на разных этапах разное. Если на начальном этапе основной акцент делается на профессиональной сфере, а коммуникации в среде обитания уделяется гораздо меньше внимания, то на продвинутом этапе акцент передвигается на умение общаться в среде обитания, а профессиональные вопросы учащийся решает уже во многом самостоятельно.

Примерный круг тем для обучения общению в среде обитания разработан и представлен в директивных программах РКИ. Один из таких документов – это «Пороговые уровни. Русский язык», в частности, раздел «Требования к уровню общего владения русским языком как иностранным». В нем среди тем, в рамках которых рекомендуется формировать и развивать речевые навыки общения вне профессиональной сферы, названы такие общечеловеческие темы, как семья, работа, образование, мужчина и женщина, родители и дети, путешествия и т.д. В дополнение к ним можно назвать такие реальные темы повседневного неформального общения, как традиции и новации в сфере межкультурного общения, поведение в широком смысле слова и нормы поведения, здоровье, новые открытия в медицине и их внедрение, разные типы контактов в однородной и разнородной среде, человек и животные, отношение к природе и т.д.

В последнее время для обеспечения уроков, ставящих своей целью обучение общению вне профессиональной сферы, созданы два практических пособия, которые по своей тематике в определенной мере соответствуют официально принятым программам обучения. Это книги Р.А. Кульковой «Я хочу тебя спросить...» (2005) и И.А. Старовойтовой «Ваше мнение» (2005/ 2007), подготовленные независимо друг от друга. Остановимся подробно на первом пособии. Какой обучающий материал в нем содержится и как он представлен?

В пособии 22 темы, которые носят общечеловеческий характер и могут быть предложены в группах разного возраста, разных национальностей, разной политической и религиозной ориентации. По каждой теме даны тексты проблемного характера (в количестве от 8 до 24), которые представляют собой рассуждения по наиболее часто дискутируемым вопросам внутри данной темы, а в конце каждой темы перечислены ситуации для разыгрывания диалогов и темы

сочинений. Всего в книге 400 проблемных текстов и 300 проблемных ситуаций для разыгрывания диалогов. Таким образом, пособие содержит около 700 речевых стимулов, являясь первым опытом такого учебного жанра, который можно условно назвать антологией проблемных ситуаций.

Речевой материал пособия отвечает требованию необходимости и достаточности для овладения информацией и для минимального обмена информацией в естественном общении на элементарном (базовом) и последующих уровнях. Начинать работать с пособием можно в конце второго подэтапа подготовительного факультета, за исключением тех случаев, когда в текст введены терминологические единицы.

Основная масса текстов имеет небольшой объем: от 35 до 100 слов. В редких случаях для полноты освещения вопроса объем текстов увеличен до 240 слов. Источники, послужившие информационной базой пособия, выбраны очень качественные, в чем можно убедиться, прочитав список использованной литературы: это тексты популярной, научно-популярной и научной литературы (философского, психологического, педагогического, социологического характера), а также тексты средств массовой информации и художественной литературы.

С точки зрения характера информации помещенные в пособие тексты имеют следующие особенности. Каждый текст посвящен только одной проблеме. Тексты представляют собой квинтэссенцию собранной информации, которая не только суммирована, адаптирована к целям преподавания, но – самое главное – концептуализирована, переработана в небольшие очерки, цель которых – поддержать интерес учащихся к предмету проблемностью, демонстрацией возможности неоднозначного подхода к теме. Обязательное наличие в каждом тексте противоречия и разных оценок проблемы наиболее естественным образом порождает беседу или даже дискуссию.

Отличием данного пособия от аналогичных является также то, что с методической точки зрения тексты пособия не являются циклом или системой, которая навязывает линейное прохождение тем. Каждый небольшой текст может быть эффективно использован отдельно в силу его самодостаточности. Преподавателю предоставляется возможность по мере необходимости обращаться к разным текстам. Текстовый материал подобран таким образом, чтобы позволить преподавателю свободно выбрать любые порции для

урока, разбить материал по этапам обучения или включить этот материал как контрольный для проверки навыков естественного общения.

Поскольку сборник проблемных материалов отражает результат проработки, систематизации и концептуализации большого количества точек зрения, пользователь пособия (как учащийся, так и преподаватель) получает много увлекательной информации: разнообразных суждений, мнений, умозаключений, которые в совокупности представляют мир человека в разных взглядах.

Книга с интересом встречена в России и за рубежом. Так, Пекинский государственный университет иностранных языков и культуры выпустил это пособие с китайским комментарием (переводчики-соавторы Бай Пин и Цзя Чанлун, 2010), а Сеульское издательство учебной литературы «Глобал контентс» напечатало это пособие с лексико-грамматическим корейским комментарием (переводчик-соавтор Пак Хеок, первое издание – 2011, второе – 2012). Наконец, на основе этой методики создано пособие по развитию речи на английском языке как иностранном: Raissa Koulkova, Graeme Hunter “Different views of the human world. English conversations for advanced students” (Lambert Academic Publishing, 2012).

Литература

Пассов Е.И. Сорок лет спустя, или Сто и одна методическая идея. М., 2006.

Азимов Э.Г, Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.

Старовойтова И.А. Ваше мнение: Пособие по разговорной практике. М., 2005.

Кулькова Р.А. Я хочу тебя спросить. М., 2006.

The article focuses on the modern textbooks (Russian conversation classes for advanced students) that can facilitate a discussion on the lesson and encourage students to express their own opinions. These kind of textbooks should be written on the basis of high quality information (philosophy, psychology) and should represent the different views of the human world.

Keywords: *Russian conversations for advanced students; new type of textbook; anthology of problem situations; universal human themes; natural communication training; adaptation in a foreign environment.*

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ КАК МЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ИЗ СТРАН ЮЖНОЙ АЗИИ

Статья посвящена методическим проблемам обучения иностранных студентов из стран Южной Азии речевому этикету, который является «речевым мостом» в процессе знакомства с русско-казахской культурой.

Ключевые слова: *речевой этикет, интеграция, комплексный лингвокультурологический подход, реформа, дидактические и ролевые игры, аспект.*

В настоящее время процессы глобализации вносят значительные изменения не только в мировую экономику, но и в образовательные системы государств, усиливая интеграцию и сотрудничество в различных областях. Этим фактором определяются реформы последних лет в системе образования Республики Казахстан. Интеграционные процессы требуют соответствующих решений от системы высшего образования, усиления международного компонента в деле подготовки специалистов, предполагают интернационализацию образования и науки.

Но, как и в любом большом и важном деле, здесь существуют определенные трудности и проблемы. Иностранные студенты, прибывающие для обучения в Казахстан, проходят адаптацию, включающую несколько аспектов: приспособление к новой социально-культурной среде, новой системе образования, привыкание к новому языку общения, привыкание к новым климатическим, временным и бытовым условиям.

Студенты, прибывающие из стран Южной Азии – из Китая, Кореи, Вьетнама, Монголии, испытывают культурный шок по причине недостаточного владения русским и казахским языком, неумения определить различные социальные роли и тактику своего речевого поведения.

Интерес к изучению русского языка позволяет изучать его не только в России, но и в Казахстане, где русский язык весьма распространен и является официальным языком общения.

Так, в Казахском национальном педагогическом университете им. Абая, где обучается много студентов из Китая и Кореи, на начальном и последующем этапах обучения предусмотрено знакомство с речевым этикетом как с существенным элементом рус-

ской и казахской культуры. Известно, что «речевой этикет является важной частью национального языка и культуры, и существуют расхождения в национальных речевых этикетах» [Формановская 1982: 16].

Типичные ошибки иностранных студентов в речевом этикете множественны, они носят преимущественно узуальный характер и связаны с интерференцией. На первоначальном этапе студенты испытывают затруднения при обращении к незнакомому лицу на улице, в аудитории, в общественных местах, не знакомы с формулами приветствия лиц с учетом возраста, социального положения человека, не знают, как поблагодарить или извиниться, вежливо попрощаться или что-то спросить.

Поэтому знакомство с речевым этикетом страны, где студенты получают образование, жизненно необходимо. Изучение речевого этикета, как показывают результаты новейших исследований, занимает особое положение на стыке лингвистики, теории и истории культуры, этнографии, культурологии, психологии и других гуманитарных дисциплин.

Известный исследователь речевого этикета Н.И. Формановская дает такое определение: «Под речевым этикетом понимаются регулирующие правила речевого поведения, система национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [Формановская 1982: 8]. К речевому этикету, в частности, относятся слова и выражения, употребляемые людьми для прощания, просьбы, извинения, принятые в различных ситуациях формы обращения, интонационные особенности, характеризующие вежливую речь и т.п., т.е. вербальные и невербальные средства.

Существуют и общие черты в речевом этикете всех народов: наличие устойчивых формул приветствия, прощания уважительного обращения к старшим по возрасту и статусу, благодарности и извинения, но реализуются эти черты по-разному. Для определенных замкнутых традиционных культур характерны жесткие требования к поведению человека вообще и к речевому поведению в частности. Носитель другого речевого этикета воспринимается в таких культурах как невоспитанный, некультурный человек, чужак, который не может наладить необходимый контакт с

людьми. Речевое поведение человека в той или иной социальной роли определяется культурными традициями общества.

В практической работе с иностранными студентами очерчивается сфера использования форм речевого этикета. Это те ситуации общения, которые, постоянно повторяясь в повседневном общении, составляют сумму тематических групп, таких как «Знакомство», «Приветствие», «Прощание», «Обращение», «Извинение», «Благодарность» и т.д.

Различные единицы речевого этикета используются в зависимости от социальных ролей, которые принимают на себя участники коммуникации: при обращении между двумя студентами, между студентом и преподавателем, между студентом и незнакомым человеком на улице, в автобусе, между студентом и официальным лицом в учреждении.

Формулы речевого этикета даже одной тематической группы могут быть функционально однородными, но противопоставленными стилистически. Так, в разных ситуациях общения могут быть уместны разные формулы приветствия с разными людьми: Здравствуй! Здравствуйте, Анна Алексеевна! Привет! Как дела? Добрый день!

Формулы речевого этикета «привязаны» к личностям собеседников, их социальному положению, возрасту, мотиву и цели общения. Это может быть показано на употреблении Ты- и Вы-форм общения в русском речевом этикете. Студенты из Китая с трудом усваивают эти различия, которые заключаются в том, что Вы-формы используются как знак уважения и большей формальности общения; Ты-формы, напротив, соответствуют неформальному общению между ровесниками, например, студентами в группе.

Эти затруднения проявляются и в использовании форм глагола и местоимений в речи.

Только комплексный лингвокультурологический подход в обучении русскому речевому этикету может обеспечить адекватное национальной культуре его усвоение, применение в повседневном речевом общении.

В этой связи обращают на себя внимание особенности речевого этикета студентов из Китая, Республики Корея, Вьетнама, которые отличаются сдержанностью в общении, считая, что надо слушать преподавателя и меньше говорить.

«Культура с традициями буддизма утверждает, что знание, истина и мудрость приходят в тихом молчании» [Живулин 1988: 15].

Особенности их национального речевого этикета проявляются не только в словесных (вербальных) формах, но и в несловесных: жестах, мимике, тоне.

Каждому народу свойственна своя манера приветствия. Корейцы кланяются, китаец вытягивает руки по швам и произносит приветствие «Ел ли ты?». Русские в знак приветствия пожимают руку, представитель Востока низко склоняется в поклоне. Среди мусульман Средней Азии существуют свои правила: первый подает руку младший. Руку следует пожимать ладонями, а не кончиками пальцев – это считается невежливым.

Житель Монголии, приветствуя, спрашивает: «Здоров ли твой скот?».

Особое внимание было уделено такой группе, как «Обращение», наиболее актуальной в повседневном общении. Обращение – это самый употребительный этикетный знак. Обращаясь, мы одновременно называем и зовем адресата, привлекая его внимание. Обращение – это речь, равная действию: «называя, зову адресата для того, чтобы спросить о чем-то, или побудить к чему-то, или сообщить о чем-то».

Называть того, к кому адресуется говорящий, можно по признакам профессии и социальной роли: *Товарищ продавец; Господин посол*; по признакам возраста и пола: *Молодой человек; Девушка*; по тому, чем занят человек в данный момент: *Граждане пассажиры; Товарищи отдыхающие*; по родству и близости: *Мама; Дочка; Дружнице*; по личному имени: *Аня; Сауле Баязовна; Виктор*; А если признаки адресата не имеют значения, то мы лишь привлекаем его внимание: *Простите...; Извините...; Будьте добры, скажите, пожалуйста.*

Обращение непременно «требует» текста, ради которого мы привлекаем внимание человека.

Иностранцы студенты в первую очередь должны быть ознакомлены с речевым этикетом, связанным с обращением к незнакомым людям. На этой почве часто возникают недоразумения и непонимание, когда иностранец на улице обращается к незнакомой пожилой женщине: *Женщина, где здесь поликлиника?* – или к незнакомому мужчине: *Папаша, как проехать на стадион?* – или к молодому человеку: *Пацан, дай прикурить!*

Обращение к знакомым людям, кроме привлечения внимания, в очень большой степени отражает отношение к адресату. В русском речевом этикете много слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *мамочка, мамусенька, мамулечка, мамуля* и др.

Это же в значительной степени относится и к собственным именам. В русском языке существует несколько форм личного имени: полное паспортное – *Александр, Елена*, сокращенное – *Саша, Лена*, уменьшительно-ласкательное – *Сашенька, Леночка, Шуручка, Сашка, Ленка*. На эту особенность русского речевого этикета обратили внимание исследователи, которые изучают обращения с позиции носителя иностранного языка. На самом деле, обилие разнообразных обращений к одному человеку позволяет акцентировать ту или иную тональность общения, от холодно-официальной до дружески-фамильярной или интимно-ласковой.

Следует обратить внимание иностранных студентов на то, что русские обращения, называя адресата, помечают его социальные признаки, передают оценочные отношения говорящего к нему: «Уважаемый Иван Петрович!», «Доченька!», «Ах, ты, шалун!». Все единицы этой группы употребляются для того, чтобы назвать, позвать, наладить контакт в доброжелательной тональности общения⁷.

Анализ обращений важен еще и потому, что здесь в качестве единиц функционируют номинации лица, часто непосредственно своим содержанием указывающие на социальную группу, к которой принадлежит адресат, на роль, которую он исполняет – профессиональную, возрастную, родственную, служебную.

Важной методической проблемой в обучении русскому речевому этикету является не только содержание, но и технология обучения. В арсенале методики преподавания вузовских дисциплин имеется немало инновационных, нестандартных методов и приемов обучения. Немаловажную положительную роль играют дидактические и ролевые игры в форме увлекательного исследования аспектов общения. Такие практические занятия оживляют процесс изучения русской речи, вносят элементы состязательности, позволяющие проявить себя, продемонстрировать свои умения. Повышается культура общения, интерес к работе со словами. В рамках одной статьи нет возможности осветить все аспекты работы по речевому этикету. Приведем в качестве примера

лишь наиболее эффективные формы обучения – интерактивные уроки, доказавшие свою эффективность:

- 1) компьютерный урок по речевому этикету; решение компьютерных задач;
- 2) разговор по телефону (ролевая игра);
- 3) урок-конференция «Речевой этикет в странах мира»;
- 4) практикум «Безэквивалентные формы речевого этикета»;
- 5) урок-исследование «Обращение как первоэлемент культурного общения».

Последняя тема была задумана как самостоятельная работа студентов по теме «Обращение» на основе сопоставления данных русских и китайских словарей.

Цель занятия: проанализировать особенности русского и китайского речевого этикета в обращениях к женщине и мужчине, сделать выводы об их специфических особенностях, закрепить навыки пользования словарями.

Приводим в качестве примера таблицы №1 и №2, где выявлены русские и китайские обращения.

Таблица №1. Обращения в русском речевом этикете. [Ожегов 1986].

К мужчинам	К женщинам
Мальчик! Малыш!	Девочка! Девушка!
Молодой человек!	Товарищ + профессия!
Парень! Парнишка! (со стороны мужчин, фамильярное).	Гражданка! (официальное, чаще со стороны полиции).
Товарищ!	Тетя! Бабушка! (детское).
Господин+профессия! (официальное, чаще со стороны полиции).	Землячка! Сестра! Сестричка (чаще со стороны мужчин, фамильярное).
Гражданин!	Доченька! Дочка! (со стороны пожилых людей).
Сударь! (редкое).	Мать! (грубоватое, к пожилым, простым женщинам).
Дядя! Дедушка! (чаще дети).	Голубушка! (ласковое).
Сын! Сынок! (со стороны пожилых людей).	Дорогая! Родная! (ласковое).
Отец! Дед! (мужское, грубоватое, к пожилым людям).	Милая! (ласковое)

Друг! Приятель! (к знакомым людям).	Мадам! (в речи представителей старшего поколения интеллигенции).
Брат! Братец! Братишка! (сердечное обращение)	Дама! (в парикмахерских салонах, ресторанах).
Земляк! (мужское, фамильное).	Дамы и господа! (официальное).
Шеф! (мужское, чаще к человеку, у которого будут что-то просить).	Женщина! (просторечное).
Старик! (жаргонное, молодежное).	Сударыня! (все чаще употребляемое с добрым отношением).
Голубчик! Милок! (чаще со стороны пожилых людей).	Мамаша (просторечное).
Мужчина! (просторечное).	
Папаша! (просторечное).	

Таблица №2 Китайские общеупотребительные обращения.
[Китайско-русский словарь 1983; Новый китайско-русский словарь 2003]

Мужчина	Женщина
Папа – папа (просторечие; неофициальное обращение к отцу)	Мама – мама (просторечие; неофициальное обращение к матери)
Фучин – отец (официальное обращение)	Мучин – мать (официальное обращение)
Йейе – дедушка (отец отца)	Найнай – бабушка (мать отца)
Вайгон – дедушка (отец матери)	Вайпо – бабушка (мать матери)
Пэфу – дядя (старший брат отца); обращение к старшему мужчине	Има – тетя (сестра матери)
Шушу – дядя (младший брат отца); обращение к старшему мужчине	Гума – тетя (сестра отца)
Дюю – дядя (брат матери)	Дюма – тетя (жена дяди)
Дагэ – старший брат; мужчина старший по возрасту	Шеншен – тетя (жена дяди)

Диди – младший брат	Деде – старшая сестра
Вайшен – племянник (сын сестры)	Мэймэй – младшая сестра
Джзи – племянник (сын брата)	Гуниан – девушка (просторечие. обращение к младшей женщине)
Щианшэн – обращение к уважаемому человеку (в официальных отношениях)	Дадие – старшая сестра (просторечие, обращение к старшей женщине)
Сяохуодзи – молодой человек	Пйодие – старшая двоюродная сестра по линии матери
айе – бабушка, обращение к старшему по возрасту	Пйомэй – младшая двоюродная сестра по линии матери
Логон – муж (просторечие)	Тандие – старшая двоюродная сестра по линии отца
Джанфу – супруг (в официальных обращениях)	Танмэй – младшая двоюродная сестра по линии отца
Мэйфу – супруг младшей сестры	ХХ+Щиодие – ХХ (фамилия) +мисс(официально)
Дейфу – супруг старшей сестры	Лаопо – жена (просторечие)
Пйогэ – старший двоюродный брат по линии матери	Чидзи – супруга (в официальных обращениях)
Пйоди – младший двоюродный брат по линии матери	Лаоши – учительница, преподавательница
Тангэ – старший двоюродный брат по линии отца	Юему – теща (в официальных обращениях)
Танди – младший двоюродный брат по линии отца	Попо – свекровь (в официальных обращениях)
ХХ+Динли – ХХ (фамилия)+директор	Динжа тонджи – женщина-полицейский (в официальных обращениях)
Лаоши – учитель, преподаватель	
Юефу – тесть (в официальных обращениях)	
Гонгон – свёкор (в официальных обращениях)	
Динша тонджи – полицейский (в официальных обращениях)	
Тонджи – товарищ (в официальных обращениях, редко)	

Сравнение двух таблиц позволило студентам убедиться, что в китайском языке более разветвленное количество наименований родственников со стороны отца, матери, их родных и близких. А русский список слов-обращений изобилует стилистически окрашенными словами – от торжественных, официальных до фамильярных, просторечных и подчеркнута ласковых.

Такая информация расширяет представления студентов в области речевого этикета.

Таким образом, обучение иностранных студентов в лингвокультурологическом аспекте позволяет им использовать эти знания в речевой практике, чувствовать себя увереннее в новой языковой среде.

Решение методических проблем нацелено на использование форм вузовского обучения.

Литература

Живулин В.П. Межкультурное общение: преподаватель и студент в условиях интеркультурного взаимодействия. Материалы научно-практической конференции. СПб., 1988.

Китайско-русский словарь. Пекин, 1983.

Новый русско-китайский словарь, Пекин, 2003.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.

Формановская Н.И. Русский речевой этикет. Лингвистический и методический аспекты. М., 1982.

This article presents a methodological problem in the teaching of speech etiquette to foreign students from South Asian countries. Speech etiquette is a “verbal bridge” in the process of the acquaintance of foreign students with Russian-Kazakh culture.

Key words: *speech etiquette, integration, complex linguaculturological approach, reform, didactic and role games, aspect.*

ИЗ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКИ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

В статье рассматриваются опыт проведения речевой практики в иностранной аудитории, методы обучения коммуникативным навыкам посредством погружения в языковую среду, а также фрагмент занятия по речевой практике «Экскурсия в цирк».

***Ключевые слова:** деятельность, методы обучения, речевая практика, навыки, межличностное общение, коммуникативная компетенция, иностранная аудитория.*

Знание иностранного языка в современном обществе рассматривается как условие успешной деятельности специалиста в самых разных сферах производства. В настоящее время существуют новые концепции и подходы к обучению иностранным языкам, в практику входят новые формы и методы обучения. Одним из эффективных методов обучения коммуникативным навыкам посредством погружения в языковую среду студентов-иностранцев является **речевая практика**.

Речевая практика – одно из важных и эффективных звеньев подготовки студентов к свободному владению иностранным языком, преодолению речевого барьера.

Во время речевой практики студенты максимально погружаются в языковую среду, что способствует открытому общению с носителями языка. Речевая практика – это связующее звено между теоретической и практической подготовкой специалистов, важнейшее условие повышения качества их обучения и предпосылка успешного формирования профессионально-педагогических умений и навыков.

Важное место уделяется формированию навыков профессиональной выразительности речи будущего учителя-русиста, обогащению его словарного запаса словами и фразами, связанными с реальными ситуациями.

Русский язык становится для иностранных студентов инструментом общения, позволяющим проникнуть в другую культуру, определить для себя ее характерные черты и усвоить тип поведения, адекватный восприятию представителями иной культу-

ры. Благодаря этому студенты вовлекаются в межкультурный диалог.

Овладение языком – длительный, трудоёмкий, а главное, индивидуальный процесс. В программу изучения русского языка входит углубленное изучение грамматики, фонетики и лексического состава языка, однако теоретические аспекты изучения языка подчинены выработке практических навыков. Эту задачу – приобретение практических навыков – успешно решает речевая практика. Главным становится функциональный принцип обучения. Необходимо научить студентов не только основам иностранного языка, но общению на другом языке, как в рамках профессиональной тематики, так и в ситуациях повседневной жизни.

Студенты во время речевой практики должны не только понимать обращенную к ним речь на иностранном языке, но и правильно строить свое ответное сообщение, которое будет соответствовать уровню культуры собеседника.

В процессе речевого взаимодействия людей участвуют их мышление, воля, эмоции, знания, память. Такое взаимодействие предусматривает наличие следующих компонентов: адресанта, адресата, предмета и средства взаимодействия.

Целью речевой практики в иностранной аудитории является обучение студентов основным навыкам речи применительно к условиям проживания в нашей стране, в Казахстане. Решить эту задачу помогает продуманная система внеаудиторной работы и освоение следующих тем:

- посещение исторических, краеведческих, национальных музеев г. Алматы;
- посещение драматических театров, театра оперы и балета, кинотеатров, цирка и выставок;
- экскурсии в парки и зоопарк;
- поход в торгово-развлекательные центры;
- поездки на Медео, Кок-тобе, Табаган;
- посещение медицинского центра.

Занятия по речевой практике являются важной составной частью процесса обучения русскому языку как иностранному. Обучение иностранному языку одновременно является обучением межличностному общению. После экскурсий на аудиторных занятиях студенты должны анализировать речевые ситуации, подтверждать и отстаивать свою точку зрения, пользоваться аргу-

ментацией, анализировать содержание ответного сообщения и находить пути взаимопонимания в процессе диалога на изучаемом языке. Итогом каждого мероприятия является написание эссе.

Таким образом, расширяются границы обучения, что позволяет оптимизировать процесс формирования коммуникации.

Такой подход к обучению позволяет реализовать современные цели обучения – формирование коммуникативной компетенции и воспитание толерантности в межкультурном общении. Известно, что некоторые могут овладеть языком быстро, другим овладение языком дается с трудом. При всей сложности процесса обучения иностранным языкам педагог ищет такие пути и способы, при которых обучение языку будет эффективным и полезным для каждого.

Приведем один из фрагментов занятия по речевой практике.

Экскурсия «В ЦИРКЕ»

Цели:

- развитие фонематического слуха;
- формирование продуктивного лексического навыка;
- формирование умений аудирования, говорения и чтения.

Задачи:

- образовательные – расширение словарного запаса, развитие познавательного интереса;
- воспитательные – развитие культуры речи и общения, знакомство с правилами поведения в цирке;
- развивающие – развитие памяти, коммуникативных способностей и образного мышления.

Языковой материал:

лексический – *цирк, клоун, акробат, манеж, арена, гимнасты, животные, демонстрация, афиша, фойе, оркестр, гастроль;*
грамматический – глаголы, прилагательные, повествовательные предложения.

Ход занятия.

Лексическая разминка.

Новые слова и выражения:

Артисты цирка: клоуны, гимнасты, фокусники, дрессировщики, акробаты,

Фокус – фокусник, иллюзионист, показывать фокусы

Клоунада – клоун, смешной клоун, грустный клоун, веселить публику

Акробатика – акробат, ходить по канату, прыгать на батуте

Эквилибристика – воздушные гимнасты, прыжки в воздухе

Дрессировать – дрессировщик, дрессированное животное, дрессировать животных.

Предварительная подготовка к экскурсии.

I Оргмомент. Сообщение темы занятия.

Знакомство с текстом.

17 апреля – Международный День цирка.

Цирк — вид зрелищного искусства, развлекательное представление на **арене** – манеже. Манеж – это специальное место в виде круга 13 метров в диаметре, в специальном здании круглой формы с высоким **куполом**.

Основой циркового представления считается демонстрация необычного и смешного, **демонстрация фокусов, клоунады, акробатики, эквилибристики, дрессированных животных**.

Цирковая труппа постоянно находится в городе и иногда выезжает на **гастроли** в другие города и страны. Раньше существовал **бродячий цирк**.

Удивительные фокусы и превращения, происходящие на **арене цирка**, никогда никого не оставляют равнодушными. Когда мы приходим **в цирк**, мы на некоторое время погружаемся в **атмосферу радости и беззаботности**. Мы приходим в цирк, чтобы полюбоваться умными животными, которые выполняют невероятные вещи, рискованными трюками акробатов, ловкими жонглерами, загадочными **иллюзионистами** и непосредственными **клоунами**.

Цирковой оркестр играет громкую музыку. Конферансье объявляет номера.

Перед экскурсией надо ознакомиться с **афишей цирка** и почитать программу со сценарием представления.

Послетекстовое задание.

Составление плана текста и его пересказ.

II Даются рекомендации по правилам поведения в цирке:

- нельзя громко кричать – можно напугать артиста или животное в момент исполнения сложного номера или трюка;
- нельзя вскакивать с места и спускаться **к арене цирка**;
- не нужно задерживаться **после антракта**;
- нельзя сорить и шуметь,
- самое главное – не забывать **громко аплодировать**, приветствуя выходящих на сцену артистов или провожая их после демонстрации **номера**;
- **желательно** прийти в цирк на 15-20 минут раньше выступления.
- походите по фойе, посмотрите фотографии, почитайте афиши.

III Домашнее задание: написание эссе по впечатлениям об экскурсии в цирк с использованием новой лексики.

Таким образом, основным действием, с помощью которого осваивается иностранный язык, является процесс общения, речевое взаимодействие. В процессе коммуникации происходит не только обмен мыслями и чувствами, но и освоение языковых средств, придание им обобщённого характера.

Положительным результатом такого метода является то, что студенты довольно быстро и неплохо овладевают новой лексикой, фразеологией. Многие специалисты согласны с тем, что данный метод вносит определенный вклад в методику преподавания русского языка как иностранного. Его отличительными элементами являются: обучение произношению, заучивание готовых фраз из живого языка, внедрение принципа наглядности, детальная разработка различных видов вопросно-ответных упражнений. Прежде всего этот метод позволяет уделять большое внимание произносительной стороне языка и помогает студенту без особых усилий заучивать готовые фразы из разговорного языка, связанные с живой ситуацией. Поэтому данный метод отодвигает на второй план грамматику, которая, как и в родном языке учащегося, должна лишь обобщать материал и служить опорой для речевого общения.

Литература

Александрова Г. П. Успешная практика. НовГУ, 2005.

Астахова Е.А., Решетов А.Г. Повышение эффективности процесса развития устной иноязычной речи на основе совершенствования содержания обучения // Иностранные языки для взрослых, № 3, 1998.

Бим И. Л. Обучение иностранным языкам: поиск новых путей // Иностранные языки в школе. №1, 1989.

The article considers the experience of conducting speech practice for a foreign audience and teaching methods of communication skills through the immersion into a verbal environment. A fragment of a speech practice lesson "Visiting Circus" is also presented in this article.

Keywords: *activity, teaching methods, speech practice, skills, interpersonal communication, communicative competence, foreign audience.*

ПРИМЕНЕНИЕ СОЗНАТЕЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКОГО МЕТОДА В ЦЕЛЯХ ОБУЧЕНИЯ РКИ

Статья обосновывает эффективность применения сознательно-практического метода при обучении взрослых китайских учащихся русскому языку.

Ключевые слова: эффективность обучения, сознательно-практический метод, рациональная методика, коммуникативность, сознательное применение правил языка.

В процессе обучения важную роль играет метод обучения. Некоторые предпочитают переводной метод, другие – аудиовизуальный метод. Автору данной статьи представляется, что **сознательно-практический метод** наиболее подходящий для китайских учащихся. Попробуем доказать это.

Во-первых, большинство китайских студентов начинают заниматься русским языком с нуля. В средней школе многие из них знают только, что существует такой язык – русский. Когда они поступают в университеты, часто их направляют на факультет русского языка без их желания. Но когда они соприкасаются с русским языком, у них появляется интерес, любопытство, радость. Это происходит потому, что по сравнению с английским языком русский язык совсем другой – с точки зрения произношения, интонации. С течением времени они начинают понимать, что русский язык – трудный предмет. Грамматика трудна. Они путают разные падежи, плохо понимают, почему русские так говорят. Например: *У меня болит голова. А не как по-китайски: Моя голова болит.*

Нам представляется, что преподаватель должен подробно объяснять структуру русского языка, его морфологию и синтаксис. Объяснять разницу между китайским и русским языками, различия в культурах двух стран. Например, в русском языке есть такие выражения: «*Труслив, как заяц*», «*Как грибы после дождя*». Соответственно, в китайском языке мышь – символ трусости, китайцы говорят: «*Труслив, как мышь*», «*Как бамбук после дождя*». В русском языке такой порядок слов: *Что это?* А в китайском языке: *Это что?*

Наши учащиеся – взрослые люди. У них богатые знания. Благодаря этим знаниям они могут легко понимать правила грамматики русского языка, запоминать русские выражения, нужно только повторять и запоминать.

Во-вторых, язык – лучшее средство общения. Если учащиеся только понимают написанное, это совсем не значит, что они могут говорить. Поэтому с того времени, когда они начинают учиться русскому языку, им надо громко, чётко и часто говорить по-русски. Может быть, несвободно; может быть, часто делая паузы; может быть, делая много ошибок. И они ещё должны понимать, что необходимо серьёзно работать над ошибками. Понятно, что человек, который занимается русским языком в России, может свободно говорить по-русски. Студенты, которые изучают русский язык в своей стране, привыкли обмениваться мыслями на своем родном языке. Они могут правильно писать, но свободно говорить им трудно. Это как две стороны медали. Я как преподаватель русского языка могу сказать, мало кто из китайских русистов может точно объяснить следующие предложения, если нет контекста: « ① *Ай да сосед.* ② *Тоже мне сосед.* ③ *Сосед как сосед.* ④ *Вот это сосед*». Но такие предложения часто используются в общении. Факты доказывают, что изучение русского языка значит не только запоминать языковые единицы, но и уметь использовать их в коммуникации.

Сознательно-практический метод берёт начало в 60-ые годы в бывшем СССР, он был создан с целью исправления недостатков сознательно-сопоставительного метода. Этот метод уделяет внимание речевой практике преподавания иностранного языка. В основе этого метода лежит психологическая теория преподавания иностранных языков Б.В. Беляева. Б.В. Беляев считал, что важный фактор в преподавании иностранных языков – речевая практика, а эта практика вводится после того, как объяснены языковые явления. Теория о разделении языка, речи и речевой деятельности Л.В. Щербы – лингвистическая основа сознательно-практического метода. Основной принцип этого метода – коммуникативный. Речевая деятельность – это процесс решения коммуникативных задач. Сознательное понимание правил языка – эффективный способ практического овладения иностранным языком. С сознательного овладения до неосознанно-автоматического применения – вот рациональный подход к изучению иностранного языка .

Как можно и свободно говорить, и правильно писать? Многие китайские педагоги, которые преподают русский язык, предпочитают сознательно-практический метод, так как этот метод – рациональная современная методика. Он органично сочетает языковые знания и речевые навыки. Овладение языковыми знаниями – предпосылка для выхода в подлинную коммуникацию. Этот метод может замечательно решить эту проблему.

Литература

- 1 俄语教学法, 于永年主编, 上海外语教育出版社, 1985年6月
Юй Юннъянь. Методика русского языка. Шанхай, 1985г .
- 2 俄语学习论, 高凤兰, 黑龙江人民出版社, 2008年9月
Гао Фэнлань. Теория изучения русского языка. Издательство народа Хэйлунцзяня, 2008 г.

The efficiency of the conscious-practical method in teaching the Russian language to the Chinese adult students is proved in this article.

Keywords: *efficiency of teaching, conscious-practical method, rational methodology, communicativeness, conscious usage of language rules.*

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ОРФОЭПИИ В ПЕНИИ

В статье анализируются проблемы, возникающие перед преподавателем русского языка как иностранного при постановке произношения иностранным вокалистам, исполняющим русский оперный репертуар. Автор выявляет различия в произношении звуков в вокальной и разговорной речи и описывает особенности певческого звукообразования, их обуславливающие. Особое внимание уделяется законам певческой редукации. Кроме того, в статье освещается актуальный вопрос выбора языка исполнения опер на мировой сцене и дается краткая характеристика особенностей русской вокальной школы.

Ключевые слова: произношение, вокальная школа, звукообразование, певческая редукация, вокальная речь.

Известно, что русская оперная школа является предметом гордости русской культуры, и имеет, наряду с итальянской, французской и немецкой, общемировое значение. Утверждение это касается, в первую очередь, произведений, созданных во второй половине XIX и начале XX веков. Регулярно на сценах оперных театров мира можно увидеть постановки таких опер, как «Борис Годунов» М.П. Мусоргского, «Война и мир» С.С. Прокофьева, «Леди Макбет Мценского уезда» Д.Д. Шостаковича и, разумеется, «Пиковая дама» и «Евгений Онегин» П.И. Чайковского. Это означает, что и сегодня иностранные слушатели и зрители испытывают большой интерес к русской музыке. И это неслучайно. Русские композиторы впитали ценнейшие достижения самых разных культур и, переосмыслив их в соответствии с исконно русскими музыкальными традициями, выработали собственный стиль с новыми принципами музыкальной драматургии, с новым содержанием и новыми выразительными средствами - стиль, который привлекает любителей оперы и в XXI веке. Вместе с тем были созданы предпосылки для возникновения русской национальной вокальной школы, имеющей свою специфику, обусловленную, прежде всего, особенностями произношения и интонации русского языка. Учеными, занимавшимися анализом механизмов работы голосового аппарата певцов, было замечено, что русское произношение в пении во многом отличается от речевого, поэтому целью нашей работы стало выявление

этих отличий для решения практической задачи – постановки правильного русского произношения иностранным певцам, исполняющим русский оперный репертуар на русском языке.

Последнее уточнение неслучайно, так как в мировой практике существуют разные подходы к постановке оперы с точки зрения выбора языка исполнения. Известно, например, что во времена существования СССР любые оперы на сценах советских музыкальных театров, начиная с Большого театра, должны были исполняться исключительно на русском языке, языке, понятном зрителю.

Что касается постановок русских опер на зарубежной сцене, следует отметить, что ещё тридцать-сорок лет назад многие театры мира, подобно Большому театру, предпочитали исполнять иностранные оперы на языке, понятном местным слушателям. Так, в 1969 году на сцене Норвежской национальной оперы была поставлена «Пиковая дама» на норвежском языке, а в 1954 году «Евгений Онегин» на сцене театра «Ла Скала» на итальянском с Этторе Бастьянини в роли Онегина. Подобных примеров немало. Тенденция исполнять оперы на языке оригинала появилась сравнительно недавно, но сегодня она актуальна, как никогда. Тем не менее, музыкальные критики и деятели искусства продолжают вести споры о преимуществах и недостатках перевода оперных либретто. Среди сторонников переводного текста был крупнейший оперный режиссер Б.А. Покровский. В своей книге «Моя жизнь-опера» он писал: «Шаляпин не позволял себе петь в России на иностранном языке. В частной опере Мамонтова пели только по-русски (несмотря на то, что как сам хозяин, так и большинство его гостей прекрасно владели иностранными языками)». «Совершенно очевидно, что смысл музыки в опере связан с конкретным словом, которое должно быть понятно зрителю-слушателю», – продолжает Покровский. По его мнению, не понимая языка, зритель не получает важнейшую событийную информацию и остается равнодушным к происходящему. Народная артистка СССР Г.П. Вишневская высказывает еще более жесткую точку зрения, считая, что на сцене Большого и Мариинского театров просто неприлично исполнять оперы на языке оригинала, так как это является неуважением к зрителю. Профессор и известный русский бас Е.Е. Нестеренко не так категоричен: «Исполнение на языке оригинала... Раньше думал, что это необходимо, теперь так не думаю. Бывают случаи, когда просто невоз-

можно исполнять произведения на языке оригинала перед иностранной публикой. Речь идет о сочинениях, где требуется мгновенная реакция слушателей на слово, прежде всего о сочинениях комических, сатирических. Разве можно себе представить, что слушатель будет смотреть во время исполнения в текст перевода, – тогда он, кстати, не будет видеть мимики и жестов певца... Подобные сочинения надо исполнять на языке, понятном аудитории, или вообще не исполнять». В то же время он утверждает, что если, например, итальянскую оперу поет человек, который не говорит на итальянском языке и не знаком с его правилами, это будет не итальянская опера с точки зрения жанра и стиля. Подводя итог вышеизложенному, скажем, что если певец берется за исполнение музыкального произведения на языке оригинала, он должен если не свободно владеть этим языком, то, по крайней мере, иметь чистое произношение и хорошо понимать законы интонации.

Практика постановок оперных спектаклей в наши дни показывает, что большинство зарубежных театров, включая крупнейшие, такие как Метрополитен Опера или Ковент-Гарден, считает нужным представлять оперы на языке оригинала. Это решение мотивируется тем, что перевод текста разрушает музыкальную ткань произведения, стиль и замысел автора. Зритель же всегда может понять смысл произведения, читая субтитры на электронных экранах, установленных в зале. Таким образом, сегодня на зарубежной сцене русские оперы звучат на русском языке.

Для постановки оперы на языке оригинала могут приглашаться как певцы-носители языка, на котором исполняется опера, так и те, для которых данный язык не является родным. В последнем случае возникает проблема, когда в достаточно короткий срок (как правило, не более 1,5 месяцев) педагог-репетитор по иностранному (русскому) языку должен исправить у певцов ошибки произношения, скорректировать ударение, интонацию, и, главное, добиться осмысленного пения.

К сожалению, в большинстве случаев у преподавателя нет необходимого количества времени, чтобы провести полноценный вводно-фонетический курс, который дал бы учащемуся представление о фонетической системе русского языка и сформировал необходимые слухопроизносительные навыки. Также, в большинстве случаев, речь не идет о дальнейшем изучении русского языка. Музыкальный материал (и, разумеется, текст) оперы уже

каким-либо образом выучены артистом до начала занятий, поэтому первой и основной задачей педагога является обнаружение и устранение фонетических ошибок, то есть проведение сопроводительного, корректировочного курса фонетики, направленного на отработку языковых явлений, вызывающих особые затруднения у учащегося. При этом не вызывает сомнения, что преподаватель должен знать и учитывать особенности русской вокальной речи.

Прежде всего, отметим, что отличительной особенностью русской оперы является неразрывная связь слова с музыкой. То есть слово и его содержание определяют характер музыки. Если в операх иностранных композиторов зачастую более важны музыкальная выразительность и показ вокальной техники певца, то для русского оперного искусства с самого начала его становления особую важность представляли осмысленность пения и стремление создать образы живых людей. Без понимания данной особенности русских опер ни российский певец, ни тем более, иностранец, взявшийся за их исполнение, не может создать убедительный образ персонажа и, следовательно, не может считать свою работу удавшейся. Неточное произношение моментально разрушает художественный образ, вызывая недоумение и смех зрителей.

Орфоэпия в пении.

Говоря о тех или иных отклонениях или ошибках в произношении иноязычных учащихся, и тем более артистов, невозможно обойти стороной понятие произносительной нормы. Известно, что современная русская орфоэпия складывалась вместе с развитием литературы и драматического искусства и опирается на московские произносительные нормы, которые образовались благодаря взаимному влиянию севернорусского и южнорусского наречий. Основным инструментом для разрешения трудных и спорных случаев произношения, как известно, является «Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы» под редакцией Р.И. Аванесова, в котором имеется шкала нормативности, отражающая языковые процессы. Именно он может служить ориентиром для преподавателя русского языка как иностранного при постановке правильного произношения.

Как уже было отмечено выше, певческая орфоэпия, то есть правильное произношение текста в пении, отличается от речевой. Отличия определяются техническими условиями певческого звукообразования, спецификой музыкальной нотации и, наконец, особенностями певческой редукации. К сожалению, почти не существует научных трудов, посвященных данной теме, и вокальные педагоги вынуждены опираться либо на собственный опыт, либо искать нужные сведения по крупицам в теоретических работах известных певцов-педагогов.

Перед преподавателем русского языка как иностранного, работающим над произношением с иностранным вокалистом, таким образом, стоит двойная задача: не только поставить правильное произношение, но и проследить за тем, чтобы поставленные звуки не деформировались при пении, принимая во внимание особенности вокальной речи. Наиболее полным трудом, посвященным теме особенностей произношения при вокализации, является книга «Орфоэпия в пении» В.И. Садовникова. Работы В.П. Морозова «Искусство резонансного пения» и Дмитриева Л.Б. «Основы вокальной методики» всесторонне освещают тему функционирования голосового аппарата певца. И, наконец, среди наиболее авторитетных специалистов, занимающимися сегодня вопросами произношения в пении, можно назвать Заслуженного артиста РФ, профессора Р.П. Лисициана. Опираясь на работы как этих ученых, так и признанных педагогов-вокалистов, мы бы хотели обозначить в данной статье основные отличия между вокальным и речевым произношением.

Особенности певческого звукообразования.

Профессиональное пение нельзя рассматривать как растянутую на определенных звуках речь, так как голосовой аппарат певца решает иные задачи, чем аппарат говорящего человека, а следовательно, и приспособления для вокализации будут другими. Основная задача вокалиста – быть хорошо слышимым в больших помещениях концертных залов. Тем не менее, не сила голоса, а красота его тембра и ясная дикция – определяющие факторы успешной профессиональной деятельности вокалиста. Так, певческий звук требует особого положения и приспособления гортани, более широкого открытия рта и такой формы ротоглоточных полостей, которая способствовала бы наилучшему выведению звуковой энергии в наружное пространство. Вопрос о

положении гортани вообще является одним из ключевых в вокальной педагогике, так как общеизвестно, что её смещение приводит к изменению тембра певческого голоса. В 1952-56 годах Л.Б Дмитриевым в Государственном музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных рентгенографическим методом была обследована группа профессиональных певцов. Исследования показали постоянное положение гортани в пении на всех протяженных гласных и на всем диапазоне голоса. Это особое стабильное положение не совпадает ни с положением гортани в состоянии покоя, ни с её речевой установкой, причем у каждого певца оно индивидуально и может быть как пониженным, так и повышенным. Удобное положение гортани находится певцом в процессе занятий и не должно зависеть от артикуляторных движений голосового аппарата. Благодаря постоянному положению гортани все звуки голоса становятся «равновокальными», то есть в одинаковой степени содержат все характерные особенности певческого тембра голоса, ровное вибрато, что делает голосовой аппарат музыкальным инструментом с единым тембром.

Произношение согласных в речи и пении существенно не различается, в то время как при формировании гласных в пении артикуляторному аппарату приходится работать в условиях изменившейся длины надставной трубки (из-за певческого положения гортани (см. выше) и более широкого открытого рта (из-за стремления к большей силе звука). Певческие гласные хорошо поставленного голоса более округлы по сравнению с речевыми. Они менее «чисты» по звучанию и поэтому ближе по звучанию друг к другу. Так, певческий звук *a* содержит примесь *o*; *y* также тяготеет к *o*; *e* походит на *э*, а *и* содержит звук *ы*. Иначе говоря, *и* и *e* несколько более широки и округлены, чем в речи, как и *a*, от которого требуется полнота и округлость. Далекий по звучанию *y* несколько выводится вперед и становится более ярким путем приближения к *o*. Бытовое произношение гласных в пении делает его некрасивым, вульгарным, звучание приобретает характер народной манеры пения. Преподаватель, проводящий фонетический курс, должен принимать во внимание вышеуказанные тонкости и, желая добиться максимальной чистоты гласных, не требовать от учащегося невозможного, разрушая координацию работы его голосового аппарата.

Кроме того, если в фонетике различаются пять основных гласных звуков, а гласный звук *ы* [ɨ] считается разновидностью

звука [i] и может звучать только одно мгновение, то в певческой практике данный звук часто фиксируется протяженностью звука и становится самостоятельным. Таким образом, в вокальном употреблении имеется шесть гласных звуков. Постановка вокального звука [ɨ], к сожалению, часто становится непреодолимой трудностью. Если на занятиях преподавателю и удастся достичь хороших результатов, то в пении обычно необходимо значительное время для закрепления навыка.

Говоря о певческой орфоэпии, нельзя обойти вниманием такое явление, как певческая редукция. В речи степень и вид редукции обусловлены местоположением гласной в слове, а в пении долгота звучания гласных определяется исключительно длительностью нот, составляющих мелодический рисунок, следовательно, совершенно исключаются случаи исчезновения гласного. Любой самый короткий звук при вокализации длиннее самого длинного звука в речи. Именно поэтому качественная редукция в пении не может сравниться с речевой. Но это не означает, что предударные и ударные гласные надо произносить подобно ударным: здесь также есть степени редуцирования, определяемые большей или меньшей длительностью, ясностью гласного и силой его звучания.

Певческая редукция может выражаться в ослаблении силы звука и заглушении его фонетической ясности. Так, если в речи слово «голова» будет произноситься [гълава], то в пении степень редукции **а** хотя и остаётся, но в менее заметной форме, и будет произноситься как [глава’].

Безударный **э** (а также йотированный **э**, то есть **е**) при речевой редукции как бы смешивается с **и** [и³]. Во всех безударных слогах он произносится одинаково, а первый предударный слог отличается от прочих безударных только в количественном отношении, то есть он несколько длиннее прочих. В пении же, где длительность определена композитором, редукция **е** сводится к ослаблению динамики, и только в очень кратких длительностях (как, например, в речитативах) возможно приближение к речевым нормам.

Говоря о йотированном гласном **а**, то есть **я**, нужно отметить, что в речи вместо безударного **я** произносится звук, смешанный из **и** и **е** [и³] (гряда). В пении тоже нельзя обойтись без смешения, но здесь предлагается более подходящее для протяженного звучания смешение **а** и **е** [а³]. Так, гряда будет произно-

ситься как [гр'а³да]. Такой же редукции подвергается безударный **я** в начале слова (явись). Но для произношения **я** на конце слова, например, лобзанья, можно пользоваться только ослаблением динамики.

Любопытно, что если мы обратимся к практике некоторых композиторов и посмотрим как они считались с вопросами орфоэпии, то заметим, что, например, Мусоргский шел по пути приближения музыкальных интонаций к речевым, а у Чайковского музыкальная структура преобладала над речевой, поэтому часты случаи несовпадения музыкальной длительности гласной с её речевой длительностью и необходимой степенью редукции. Певец, чтобы избежать лишних ударных гласных в слове, должен хорошо знать особенности певческой редукции, которая колеблется то в сторону речевых, то певческих норм, и с помощью динамики корректировать несоответствия.

Сочетания гласных в безударных слогах *ао, оо, ео, еа, еи, ее* в пении требуют произнесения обоих гласных звуков с достаточной фонетической ясностью, причем сочетания *ао* и *оо* произносятся как [аа]. Подобные сочетания звуков часто образуются на стыке приставки и корня слова (поиграть), на стыке предлога и следующего за ним слова, начинающегося с гласного (на окне).

Следует указать некоторые грамматические формы, произношение которых в пении расходится с орфоэпическими нормами.

Согласно словарю проф. Р.И. Аванесова, «окончание **ий** в именительном падеже единственного числа мужского рода прилагательных и причастий произносится так, как *ой*. Таким образом, слова старый, добрый, умный и т.д. произносятся так же, как и формы косвенных падежей женского рода, – к старой, доброй и др.». Но если в речи одинаковое звучание этих окончаний объясняется краткостью произношения (редукция), то в пении, как уже было указано, редукция основана не на краткости, а на фонетической неясности и ослаблении динамики. Следовательно, в пении каждый редуцированный гласный будет иметь свой характер: то есть слова нежный и нежной будут произноситься в соответствии с их написанием. Аналогична ситуация с прилагательными и причастиями, оканчивающимися на *ий*, которые, согласно орфоэпическим правилам, приобретают звучание, более похожее на *ей*.

В книге «Русское литературное произношение» Р.И. Аванесов говорит о том, что «окончание *-ые, -ие* в именительном падеже множественного числа прилагательных и причастий произ-

носится как *ьи, ии*, например *слепьи, летнии*». Однако, если на последнюю гласную в слове выпадает большая музыкальная длительность, то спетый протяженный [i] оставляет ощущение фонетической нелепости, следовательно, произношение окончаний должно соответствовать написанию.

В музыкальной литературе можно встретить и другие сложные случаи, когда не удастся применить нормы, указанные в орфоэпическом словаре. В такой ситуации, как было сказано, главная роль принадлежит музыкальной длительности, а певец должен скорректировать, «замаскировать» несоответствие.

Завершая данную работу, я бы хотела отметить, что плохое произношение и нечеткая дикция певца в опере не только затрудняют понимание текста, но и разрушают художественный образ. Если в повседневной жизни наличие иностранного акцента в речи говорящего ничуть не мешает коммуникации, то на сцене даже небольшой акцент таких персонажей как Татьяна, Онегин или Ленский становится катастрофическим для зрительского восприятия. Поэтому работа преподавателя по постановке произношения должна быть проделана самым тщательным образом.

Литература

- Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1984.
Бондаренко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В. Основы общей фонетики. СПб., 2004.
Винокур Г.О. Русское сценическое произношение. М., 2010.
Дмитриев Л.Б. Основы вокальной методики. М., 2000.
Кузнецов Н.И. Мысль и слово в творчестве оперного актера. М., 2004.
Мальшева Н.М. О пении. Из опыта работы с певцами. М., Музыка, 2001.
Морозов В.П. Искусство резонансного пения. М., 2002.
Садовников В.И. Орфоэпия в пении. М., 2001.
Яковлева А. С. Русская вокальная школа: Исторический очерк развития от истоков до середины XIX столетия. 2-е изд. М., 2003.

Учебники и учебные пособия для начального этапа

- Сценическая речь: Учебник под ред. Козляниновой И.П. и Промптовой И.Ю. М., 2000.

Словари и справочники

- Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы. Под ред. Аванесова Р.И. М., 1988.

Problems that a Russian language teacher encounters in the process of training foreign singers performing Russian operatic repertoire are analyzed in this article. The author reveals distinctions between vocal and ordinary speech and describes vocal phonation peculiarities that cause them. Particular attention is devoted to the vocal reduction rules. In addition, the article discusses the current question about the choice of opera language in theatres around the world and gives a description of the Russian operatic school.

Keywords: *pronunciation, operatic school, vocal speech, phonation, vocal reduction.*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена проблеме обучения иностранных учащихся межкультурной коммуникации. Рассматривается один аспект проблемы – формирование социокультурной компетенции у китайских студентов. Анализируются причины возникновения социокультурной интерференции и предлагаются пути их преодоления.

***Ключевые слова:** обучение межкультурной коммуникации, социокультурная компетерция, социокультурная интерференция.*

Известно, что каждый народ имеет свои устойчивые представления о других народах и других национальных культурах. В условиях реформирования китайского общества и глобализации всего мирового сообщества система образования должна подготовить интеллектуально развитого специалиста, владеющего современными технологиями исследовательской деятельности, обладающего навыками творческой деятельности и межкультурной коммуникации. Актуальность темы исследования соотносится с тем фактом, что в основу современного языкового образования положен социокультурный компонент, которому принадлежит ведущая роль в воспитании поликультурной личности. Общеизвестно, что межкультурные различия мешают людям понимать друг друга, так как “коммуникативное влияние как результат обмена информацией возможно лишь тогда, когда коммуникатор и реципиент обладают единой или сходной системой кодификации и декодификации” (Н.В. Елухина), в которую входит не только язык общения, но и система социальных и культурных реалий партнёров по общению. Межкультурная коммуникация понимается сегодня как общение носителей разных культур и, чаще всего, разных языков. Целью обучения иноязычному общению, по мнению многих исследователей, является достижение коммуникативной компетенции, которая состоит из речевой, языковой и социокультурной компетенции. Последняя подразумевает знание правил и социальных норм поведения носителей языка, традиций истории, культуры и социальной системы страны изучаемого языка и потому представляет для нас особый интерес. Там, где происходит контакт языков и культур, в ча-

тности, при обучении возникает и социокультурная интерференция, которая оказывает неблагоприятное влияние на процесс и результаты этого обучения.

Интерференция в большинстве специальных исследований понимается как нарушение норм иностранного языка под влиянием родного языка. Например, по определению Т.Н. Киселевой, “интерференция—это обусловленный объективными расхождениями процесс конфликтного взаимодействия речевых механизмов, внешне проявляющийся в речи билингва в отклонениях от закономерностей одного языка под влиянием отрицательного воздействия другого или вследствие внутриязыковых влияний аналогичного характера” (Т.Н. Киселева). Лингвистическая интерференция исследовалась в трудах Л.И. Баранниковой, Е.П. Ершовой, Ю.В. Розенцвейга. Представляет интерес рассмотрение явления интерференции при помощи комплексного интердисциплинарного подхода, предложенного М.М. Фоминым, который предполагает анализировать эту проблему в лингвистическом, психологическом, психолингвистическом планах с учётом социально-исторических и социологических факторов в целом. В широком смысле интерференция—понятие междисциплинарное и может проявляться на любом уровне межкультурной коммуникации. Интерференцию на социокультурном уровне, то есть в области знания правил, социальных и культурных норм поведения индивидов, мы понимаем как социокультурную интерференцию.

Методологической основой нашего исследования проблемы социокультурной интерференции в процессе межкультурной или межэтнической коммуникации являются социолингвистический подход (Ю.К. Бабанский, Е.М. Верещагин, И.А. Зимняя, Л.С. Выготский), культурологический подход (В.В. Воробьев, В.С. Коростелев и др.), концепция билингвизма (Ю.Д. Дешериев, И.А. Зимняя, М.М. Фомин). Предметом исследования является влияние социокультурной интерференции на учебно-воспитательный процесс в условиях университета иностранных языков.

Объектом исследования является обучение общению на русском языке китайских студентов 1-2 курсов вуза с приоритетом родного языка.

На данном этапе нами выделяются две основные проблемы в обучении иностранному языку (ИЯ), возникающие вследствие негативного влияния социокультурной интерференции.

1. В китайском государственном вузовском обучении преобладает одноязычная, а именно, китайская форма коммуникации, и преподаватели условно являются носителями русской культуры. Обучение в таких условиях имеет свои проблемы. Характерной трудностью при этом является осуществление двойного перевода культурно-коннотативной лексики – с родного на русский и с русского на родной, вследствие чего возникают соответственно два вида искажений: первый связан с недостатком или отсутствием в родном языке прямых лексико-семантических аналогий с русским языком, а второй уровень – с отсутствием в русском языке подобных аналогий с родным языком. Это приводит к вынужденным заменам разнообразных словосочетаний русского языка не вполне адекватными вариантами родного языка, а в широком смысле происходит замена понятий одного языка не вполне адекватными понятиями другого языка. В результате возникает «смысловое рассогласование» оригинального текста и перевода. С подобными искажениями необходимо бороться, совершенствуя русские языковые навыки и одновременно расширяя знакомство китайских студентов с русской культурой.

2. Другой проблемой, которую порождает социокультурная интерференция, является трудность психологической адаптации китайских студентов к социокультурной среде вуза, к условиям обучения и жизни. Этот процесс усложняется из-за различного уровня базовой подготовки, уровня интеллектуального развития, возраста студентов. Исследователи проблемы говорят о необходимости межкультурной адаптации, которая «представляет собой процесс вхождения в новую культуру, постепенное освоение её норм, ценностей, образцов поведения. При этом подлинная адаптация предполагает достижение социальной и психологической интеграции с ещё одной культурой без потери богатств собственной» (Т.Н. Стефаненко). Адаптация китайских студентов начального этапа обучения к условиям обучения в вузе имеет черты межкультурной адаптации, так как имеет место вхождение их в новую – преобладающую русскую культуру вуза. Специалисты выделяют два вида факторов, влияющих на степень и продолжительность межкультурной адаптации: индивидуальные и групповые. К первым факторам относятся индивидуальные характери-

стики – демографические и личностные, например, возраст, пол, образование, а также обстоятельства жизненного опыта учащегося, например, наличие доконтактного опыта. К коллективным факторам – относится степень схождения и различия между культурами, то есть язык, религия, структура семьи, наличие или отсутствие конфликтов между двумя народами и другое. Приведем пример. Хотя слова “*семья*” и “*家* (по-русски произносят цзя)” синонимичны по значению, в словарях как русского языка, так и в китайского определяются как группа живущих вместе близких родственников, но многие факторы показывают, что мы не можем хорошо овладеть смыслом и употреблением этого слова, если мы исходим только из анализа языка. См. диалог: – *Где живет твоя семья* (*你住哪里?* по-русски: *ни цзя чжу на ли*)? – *Моя семья живет в городе* (*我家住在城里* по-русски: *во цзя чжу цзай чэн ли*). Этот диалог выражает социальную китайскую привычку общения. Ведь в Китае, когда спрашивают «где ты живешь?» на самом деле имеют виду, где живут твои родители. В Китае понятие “*家*” включает, прежде всего, родителей коммуниканта, его братьев и сестер или место, где родители очень и очень долго жили, конечно, и его собственную семью. А если неженатому русскому молодому человеку задают этот вопрос, то обязательно возникнет культурный шок, потому что неженатый русский молодой человек будет смущен, ведь он еще не женат. В то же время, если он отвечает: “*Что вы, я еще не женат.*”, то это выражает, что он по-русски понимает слово “*семья*”. Это обозначает, что в действительности это понятие представляется в сознании китайцев и русских очень неодинаково, т.е. означаемое (所指) этих двух слов в действительности неодинаково. Это, в значительной степени, возникает из-за того, что “*семья*” (по-китайски 家庭) в качестве социальной единицы в обществе двух стран играет неодинаковую роль, и из-за разной общественно-экономической идеологии. Очевидно, в коммуникации люди не понимают друг друга не столько из-за недостаточного знания языка, сколько из-за культурной интерференции, возникающей при взаимодействии культур.

Важно учитывать также особенности родной культуры индивидов. В качестве примера здесь можно привести факт менее успешной адаптации представителей, не желающих изучать русский язык и культуру; оказывают влияние особенности взаимодействующей культуры, например, большая толерантность плю-

ралистических обществ по сравнению с монистическими.

Следует подчеркнуть, что успешная межкультурная адаптация означает не простое приспособление к чужой культуре, а интеграцию. Для этого необходимо приобретение индивидом знаний об обычаях, нормах, ценностях, стереотипах поведения другой культуры при сохранении собственной культуры. Приведем в качестве примера использование слов *"Он"* и *"Он"*. См. диалог: – *Иван Петрович дома?* – *Да, отец дома. Он сейчас подойдет.* В этом диалоге ни в коем случае нельзя отвечать – *Да, он дома. Он сейчас подойдет.*, потому что будет звучать грубо и неуважительно, хотя по значению *"Он"* и *"Он"* синонимичны. В нашем дальнейшем исследовании мы будем подробнее затрагивать тему социокультурной адаптации, которая «относится к совокупности внешних поведенческих следствий связи индивидов с их новой средой, включая их способность решать ежедневные социально-культурные проблемы (в семье, в быту, на работу и в вузе)» (Н.М. Лебедева).

Вышеуказанные проблемы несомненно оказывают негативное влияние на учебно-воспитательный процесс в вузе. Для решения проблемы социокультурной интерференции модель поэтапного формирования знаний, умений и навыков по преодолению данной интерференции. Мы выделяем три ступени деятельности студента по преодолению социокультурной интерференции: 1) Мотивационно-деятельный этап, 2) Аналитико-синтетический этап, 3) Реализующий контрольный этап. Целью деятельности на первом этапе является формирование знаний о социокультурной интерференции как проблеме межкультурной коммуникации. Материалом для этого служит введение в спецкурс по преодолению социокультурной интерференции. На данном этапе преобладают рецептивно-репродуктивные учебные действия студента.

Цель деятельности на втором этапе – формирование навыков преодоления социокультурной интерференции. Материалом является аналитическая работа с текстами. Предполагаются репродуктивно-продуктивные учебные действия студента.

Формирование умений по преодолению социокультурной интерференции является целью третьего этапа деятельности студента. Материалом служат ролевые, деловые игры, проекты. Учебные действия предполагают продуктивно-творческую самостоятельную деятельность. Саморазвитие обучаемого в процессе

межкультурной коммуникации является показателем уровня формирования навыков и умений по преодолению социокультурной интерференции на данном этапе.

Итак, преодоление социокультурной интерференции будет являться одним из действенных средств оптимизации учебно-воспитательного процесса в целом.

Литература

Елухина Н.В. Преодоление основных трудностей понимания иноязычной речи на слух как условие формирования способности устно общаться. ИЯШ, 1996 №4.

Киселева Т.Н. Преодоление лексико-грамматической интерференции при обучении немецкому языку как второму специальности при первом английском: Дисс.. канд. пед. наук, М., 1989.

Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999.

Стефаненко Т. Н. Этнопсихология. М., 1999.

Фомин М.М. Обучение иностранному языку в условиях многоязычия (двуязычия). М., 1998.

This article deals with the problem of teaching intercultural communication skills to the foreign students. Forming of sociocultural competence among Chinese students as an aspect of this problem is described. The reasons of sociocultural interference are analyzed and some ways of overcoming it are suggested.

Keywords: intercultural communication teaching, sociocultural competence, sociocultural interference.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОМУ ЭТИКЕТУ ОБЩЕНИЯ

В статье рассматриваются особенности современного этикета общения, анализируются ошибки в речи и поведении инофонов, вызванные невладением стереотипами поведения, незнанием русского речевого этикета и невербальных средств коммуникации, определяются пути обучения иностранных учащихся этикетным нормам.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, современный этикет общения, речевой этикет, невербальные средства коммуникации.

Важнейшей составной частью национальной культуры является этикет. В нем отражена неповторимость обычаев, образа жизни, условий быта народа. Что представляет собой современный этикет общения, каковы его основные составляющие, как научить иностранцев этикетным нормам – все эти вопросы затрагиваются в статье.

1.1. Этикет – сложное многообразное явление. Прежде всего, этикет рассматривается как социальное понятие, т.е. исторически сложившаяся система *правил социального поведения*, принятых в традиционных для данного этноса ситуациях общения.

1.2. Однако понимание этикета не ограничивается лишь описанием установившихся в обществе правил, регулирующих наше поведение в соответствии с социальными требованиями. Важную роль в этикете играет и наша речь. Под *речевым этикетом* понимается система устойчивых формул общения, используемых для установления контакта собеседников, поддержания общения соответственно их социальным ролям в официальной и неофициальной обстановке.

Различают речевой этикет в широком и узком смысле [Формановская 1990, 413-414]. Речевой этикет в широком смысле связан с социальным понятием этикета. Он осуществляет выбор формы общения в зависимости от социального статуса коммуникантов, места общения (например, обращение на «ты» или на «вы», по имени-отчеству или просто по имени, или по имени в уменьшительной форме). Какое средство наиболее уместно

именно в данной ситуации зависит от того, кто говорит и с кем говорит, в какой обстановке происходит общение. Дома в неформальной обстановке мама может сказать сыну: «Витюш, дай-ка мне этот журнал». На работе же более уместным будет обращение на «вы» и по имени-отчеству: «Виктор Петрович, вы не дадите мне этот журнал?» Этикет регулирует выбор наиболее подходящего средства.

Речевой этикет в узком смысле слова представляет собой микросистему стереотипных вербальных единиц, используемых для проявления доброжелательного отношения к собеседнику в различных ситуациях общения. Эти ситуации типичны, так как они повторяются практически ежедневно. Мы знакомимся с людьми, стараемся привлечь их внимание, здороваемся, прощаемся, извиняемся, благодарим, поздравляем, обращаемся с просьбой, приглашаем, ходим в гости и т.д. И всякий раз мы употребляем уже готовые, отложившиеся в нашем языковом сознании устойчивые выражения, определенные формулы общения. Здраваясь, мы говорим: «Здравствуй!», «Здравствуйте!», «Добрый день!», «Доброе утро!», «Добрый вечер!», «Привет!», «Здорово!», «Приветствую вас!». Прощаясь, говорим: «До свидания!», «Всего доброго!», «Всего хорошего!», «До завтра!», «Пока!», «Позвольте откланяться!» и т.д. Выбор конкретной формы зависит от того, в какой обстановке (официальной или неофициальной) происходит общение, а также от социального статуса, возраста собеседников и т.п.

Исследователи признают, что «в целом речевой этикет – это зона устойчивых, стереотипных коммуникативных единиц языка» [Формановская 2002, 70-71]. Но и здесь есть возможность создавать новое. Так, по модели «Желаю удачи!» образуются «Приятных выходных!», «Приятного вечера!», «Лётной погоды!» и др. С появлением ночных радио- и телепередач появилось приветствие «Доброй ночи!». Интересно, что построено оно не по модели уже существующих в языке приветствий «Доброе утро!», «Добрый день!», «Добрый вечер!», а все по той же модели пожелания: «Спокойной ночи!».

1.3. При изучении этикета важное место отводится *невербальным средствам* коммуникации. Этикетное значение могут иметь разнообразные движения человека, позы, которые он принимает, его жесты, мимика, взгляд. Далеко не всякий жест является коммуникативно значимым. Можно почесать себе руку или затылок, потому что просто чешется. Первый жест будет только

физиологическим. А вот второй может быть и чисто физиологическим движением и коммуникативно значимым жестом, говорящим о том, что человек озадачен, растерян, не знает, что сказать в данную минуту, как поступить. Один и тот же жест в зависимости от ситуации общения можно трактовать по-разному. Кивок головой, например, означает приветствие, прощание, согласие, внимание, с которым мы слушаем собеседника.

В некоторых ситуациях жесты, как и речевые стереотипы, образуют синонимические ряды. Прощаясь, мужчины приподнимают головной убор, обмениваются рукопожатиями, женщины могут ограничиться кивком головы, легким поклоном, с близкими друзьями или родственниками можно обняться и поцеловаться. Выбор конкретного жеста, как и речевого стереотипа, зависит от ситуации общения и от адресата.

Между речевыми стереотипами и невербальными средствами иногда наблюдается тесная связь. Человек, который, прощаясь, говорит: «Разрешите откланяться! или «Позвольте попрощаться!», наверняка слегка поклонится и приподнимет шляпу, поцелует даме руку. Ну а тот, кто громко скажет «Ну, бывай!», скорее всего, протянет для пожатия руку или похлопает своего знакомого по плечу. Такая связь, по мнению В.Е. Голдина, вполне естественна, «ведь знаки речевого и неречевого этикета передают однородное содержание» [Гольдин 1983, 51]. Иными словами, и речевые стереотипы, и невербальные средства общения употребляются в одной этикетной ситуации, они несут одинаковую информацию об отношениях собеседников, о социальном распределении ролей в процессе общения и т.п. Поэтому в определенной этикетной ситуации речевые стереотипы могут не только сопровождаться невербальными средствами, но и заменяться ими.

Важную роль в установлении контакта играет зона общения – расстояние между собеседниками в процессе общения. У каждого народа есть свое четко обозначенное пространство, в пределах которого осуществляется процесс общения. Положение собеседников относительно друг друга, дистанция общения – эти вопросы, которые изучает проксемика, чрезвычайно актуальны при обсуждении этикетных моментов. У русских, например, зона общения невелика и определяется расстоянием, равным длине двух рук, протянутых для рукопожатия – приблизительно полтора шага. Дружеская зона намного меньше, она равна длине со-

гнутых в локте рук – приблизительно полшага [Акишина, Кано, Акишина 1991, 149].

2.1. В процессе общения с русскими в речи и поведении иностранных учащихся наблюдаются коммуникативные сбои, вызванные незнанием этикетных норм. Этикетные ошибки могут быть разделены на три группы.

(1) *Ошибки, вызванные неведением стереотипами поведения.* Например, мужчины-иностранцы никогда не подают своим спутницам пальто, что воспринимается русскими как невоспитанность. Студентки из Западной Европы и Америки предпочитают надеть пальто сами, настойчиво забирая его из рук готового помочь мужчины. Весьма настороженно они относятся и к готовности русских мужчин подхватить только что снятое женщиной пальто. Такое поведение характеризуется русскими как очень странное. Русские женщины, оказываясь за границей, с трудом привыкают к тому, что, придя в театр и скидывая с плеч свое пальто, обнаруживают его не в руках спутника, а на полу. Одна моя знакомая, увидев дважды свою белую норковую шубу на полу в театральном гардеробе, решила не выходить замуж за человека, который, по ее представлениям, не умеет себя вести. Вот к таким плачевным последствиям может привести незнание этикетных норм, причем незнание обоюдное, ведь в данном случае коммуниканты соблюдали стереотипы поведения, принятые в их родной культуре.

(2) *Ошибки, вызванные незнанием речевого этикета.* Многие иностранные студенты, услышав фразы: «Загляните к нам как-нибудь вечером», «Заходите к нам, будем рады», зачастую реагируют так: «Спасибо за приглашение, с удовольствием приду. А когда?» Приглашение в такой форме – не более, чем вежливая формула. Это собственно и не приглашение по своей сути, а лишь знак, говорящий о том, что человек вежлив, он знаком с правилами этикета, принятыми в данном обществе. В ответ обычно говорят: «Спасибо, как-нибудь зайдём», или в свою очередь приглашают: «А, может быть, вы к нам заглянете?» И при этом никто никуда не заходит. Если же действительно хотят пригласить в гости, то сначала спросят о планах, например, на ближайшую субботу (обычно в гости приглашают в выходные дни): «На эту субботу у вас есть уже какие-нибудь планы?» Узнав, что определенных планов нет, приглашают, называя при этом точное время: «Если вы свободны, мы будем рады вас видеть. Приходите

к нам в субботу в 6 часов». В этой ситуации употребляется глагол «приходить», слово «как-нибудь» не произносится.

Русские любят приглашать гостей, и иностранцы с удовольствием к ним приходят. Однако незнание речевого этикета приводит к недоразумениям. Однажды японские студенты, побывав в гостях у своих русских друзей, делились впечатлениями: «Нас все время заставляли пить и есть и не разрешали уйти домой, а потом пригласили прийти еще раз, но не сказали, когда». Действительно русское застолье имеет целый ряд особенностей. Хозяйка предлагает гостям попробовать все блюда. «Угощайтесь!», «Берите салат!», «Попробуйте вот это!», «Возьмите вот этот кусочек, он смотрит прямо на вас!» и т.д. Но это не значит, что гости должны есть больше, чем они хотят. За столом не принято сидеть с пустой тарелкой. Если в тарелке ничего нет, хозяйка будет уговаривать съесть что-нибудь еще. Следует просто оставить что-нибудь в тарелке. И тогда в ответ на предложение хозяйки попробовать очередное блюдо, указывая глазами на тарелку, можно смело сказать: «Спасибо, у меня еще есть салат».

Не менее сложный этикетный ритуал связан с уходом гостей. Гости начинают расходиться после чая. Они благодарят хозяев за приятный вечер, смотрят на часы и говорят: «Спасибо за чудесный вечер. К сожалению, нам пора». Хозяйка восклицает: «Вы уже собираетесь уходить? Побудьте еще немного. Время совсем не позднее». Данная фраза не должна останавливать гостей. Это всего лишь этикетная формула. В ответ на нее следует еще раз повторить: «Увы, нам действительно пора». И с этими словами устремиться в прихожую. Уже стоя в дверях, гости еще раз благодарят за приятный вечер, хозяева, в свою очередь, благодарят гостей, за то, что они пришли. Происходит обмен этикетными фразами: «Спасибо, что пришли. Будете в наших краях заходите», - говорят хозяйка. «Теперь уже вы к нам, будем очень рады», - отвечают гости. Все произносимые в данной ситуации общения фразы являются лишь носителями этикетной информации. Они информируют только об одном: человек, говорящий их, вежлив, он соблюдает принятые в русской культуре правила этикета. Если не сказать эти этикетные формулы, может возникнуть ситуация, которую В.Е.Гольдин охарактеризовал так: «ничто превращается в нечто» [Гольдин 1983, 26, 30]. Иными словами, отсутствие удерживающих гостя этикетных фраз трактуется им (т.е. гостем) однозначно: «Я засиделся, хозяйка уже давно ждет,

когда я уйду». Таким образом, в обмене этикетными фразами важно не значение высказывания, а сам факт его произнесения.

(3) *Ошибки, вызванные незнанием невербальных средств общения.* Вступая в контакт с людьми иной национальной культуры, следует помнить, что кинесический язык не универсален. Автоматический перенос кинем, принятых в родной культуре учащихся, в культуру изучаемую, ведет к непониманию. Однажды я была свидетелем любопытной сцены. Две тайваньские студентки увидели в конце университетского коридора свою знакомую из России. Назвав ее имя, они радостно замахали руками. Русская, услышав свое имя, оглянулась, улыбнулась и, крикнув «Пока!», тоже махнула рукой. Тайваньские девушки были явно разочарованы. Почему? Дело в том, что они принятым на Тайване жестом хотели позвать русскую девушку. А она восприняла его как жест прощания. В похожих на первый взгляд жестах значимым оказываются разные составляющие этого жеста. Для русских важно положение ладони: ладонь развернута к себе. Для китайцев значимы взмах руки и движение кистью и пальцами. Положение ладони значения не имеет. Таким образом, идентификация похожих жестов идет по различным признакам, что приводит к непониманию, к появлению, по словам Э.Хаугена, «акцента в отношении культуры» [Хауген 1972, 60].

Необходимо учитывать особый «*этикет жеста*» [Акишина, Кано, Акишина 1991, 146]. Так, у русских считается невежливым показывать пальцем на что-либо. А особенно на кого-либо. В случае необходимости указывают направление рукой («Метро направо»), делают движение в нужную сторону головой («Вон там!») или незаметно бросают взгляд на человека, о котором говорят. В некоторых странах можно в этих ситуациях показывать пальцем. Этот жест там воспринимается как нейтральный.

Можно говорить и об *этикете взгляда*. В русской культуре принято смотреть в глаза собеседнику. В Китае это считается невежливым. Во время разговора китайцы либо смотрят в сторону, либо останавливают свой взгляд где-то на уровне шеи собеседника, либо переводят взгляд из стороны в сторону. Такой бегущий взгляд русские расценивают однозначно: этот человек хитрый, будьте осторожны!

Важно соблюдать и *этикет дистанции*. Отметим случаи нарушения пространственных границ, в пределах которых осуществляется процесс общения. Интимная зона общения амери-

канцев составляет 15-46 см, европейцев -23-25 см [Пиз 1995, 35-36], у японцев расстояние между собеседниками определяются поклонами. Разговаривая с американцами, японцы, европейцы, в том числе и русские, испытывают некоторое неудобство, находясь от собеседника на непривычно далеком от себя расстоянии, и делают шаг вперед. Американцы же воспринимают подобное действие как вторжение в свою интимную зону и отступают на шаг. А.Пиз снял однажды на конференции разговор японца с американцем. Прокрутив пленку в ускоренном темпе, ученый обратил внимание, что этот разговор проходит в ритме танца, причем японец ведет своего партнера [Пиз 1995, 43]. Аналогичный результат получили и мы, записав разговор русского с американцем. Таким образом, каждый участник беседы пытается приспособиться к привычному и удобному для него пространству общения.

3.1. Как научить студентов, изучающих русский язык, этикетным нормам, принятым в русской культуре? Как нам кажется, существует два пути.

3.2. Первый путь – это анализ отрывков из художественных текстов и кинофильмов с точки зрения представленных в них норм современного этикета. В хрестоматии «Из истории русской культуры» современному этикету общения посвящена целая глава [Короткова 2008, 49-81]. В ней анализируется ряд этикетных ситуаций: приветствие и прощание, знакомство и др. В качестве примера рассмотрим ситуацию «Знакомство». Прежде всего, обращается внимание учащихся на то, что в России люди могут знакомиться не только, как и везде в мире, через посредника, но и самостоятельно. Однако в последнем случае важно учитывать, при каких обстоятельствах происходит знакомство. Достаточно легко представиться, если сама ситуация помогает избежать многих формальностей. Скажем, вы купили новую квартиру, можно пойти и познакомиться с соседями. На конференции вы встречаете ученого, чьи работы хорошо знаете. Можно подойти к нему, сказать, что вы читали его работы и познакомиться с ним лично. Однако бывают ситуации, когда при самостоятельном знакомстве необходимо соблюдать определенный ритуал. Перед тем как познакомиться, должен состояться небольшой разговор. Инициатива исходит от мужчины. Увидев девушку, изучающую, например, карту города, он может предложить ей свою помощь, посоветовать, куда лучше пойти, что посмотреть. В середине разговора

можно сказать: «А теперь давайте познакомимся». И первым представиться. А что делать девушке, если вдруг ей понравится какой-нибудь молодой человек. Увы, ничего. В России первой проявлять инициативу девушке не принято. Конечно, она может постараться привлечь внимание. Можно, например, что-нибудь уронить (по правилам этикета молодой человек должен поднять упавшую вещь). Можно спросить, где находится та или иная улица, как пройти до ближайшей станции метро и т.д. Но и в этом случае инициатива знакомства принадлежит представителю сильного пола.

Изучив этикет знакомства, учащиеся читают отрывок из рассказа Л.Улицкой «Цю-юрихъ». Героиня этого рассказа Лидия мечтает познакомиться с иностранцем, поэтому уже третий день сидит с учебником немецкого языка перед павильоном, где проходит швейцарская выставка. И вот, наконец, к ней на скамейку садится вышедший из павильона швейцарец. Лидия, делая вид, что сосредоточенно читает учебник, разворачивает его таким образом, чтобы мужчине была видна обложка. Он тут же реагирует на эту уловку и начинает разговор, который, как пишет Л.Улицкая, потек «ручейком тонким, но уверенным». Все правила этикета соблюдены. В результате герои познакомились, швейцарец пригласил Лидию осмотреть его стенд и выпить чашечку кофе. Как видим, выполнив все этикетные нормы, героиня достигла своей цели.

Помочь разобраться в особенностях русского этикета помогает комментарий, которым сопровождается каждый художественный текст или отрывок из фильма. В комментарии анализируются стереотипы поведения, обращается внимание на речевой этикет, а также на невербальные средства общения. Таким образом, читая текст, смотря отрывки из фильмов, студент расширяет свои познания в области современного этикета общения, принятого в русской культуре.

3.3. Второй путь обучения этикету – это создание учебников, которые бы учили иностранных учащихся общаться на русском языке. А реальное общение невозможно без знания этикетных норм. Один из таких учебников – «Загадай желание!», по которому на филологическом факультете МГУ ведется обучение иностранных студентов на продвинутом этапе [Короткова, Одиноца 2010]. Большое внимание в этом пособии уделяется проблемам этикета. Учащиеся знакомятся с определенными правилами

поведения, принятыми в России, получают представление о существующей системе разрешений и запретов, принятых в нашем обществе. Приглашение, прием гостей, выбор и преподнесение подарков, правила делового общения и т.д. – в этих и многих других ситуациях описаны правила поведения, отражающие национально-культурную специфику организации и содержания общения. Задания, связанные с речевым этикетом, помогают сформировать у учащихся навыки речевого поведения в разных ситуациях общения. Задания, предлагаемые учащимся, можно разделить на три группы:

- задания, предполагающие проведение «компаративного культурологического анализа» [Шихардина 2003, 28], основанно на принципах идентификации и дифференциации;

- задания направленные на то, чтобы элиминировать «этикетные ошибки», вызванные незнанием правил речевого этикета, социально-ролевых аспектов коммуникации;

- задания, предлагающие учащимся определить этикетные ошибки, допущенные героями книги.

Выполнив всю цепочку коммуникативных упражнений, учащиеся не только получают достаточно полное представление о правилах поведения, принятых в России, но и учатся действовать в реальных ситуациях общения.

Важную роль в обучении общению играют невербальные средства коммуникации: жесты, поза, мимика, дистанция общения. В пособии достаточно большое место уделено кинесическому языку. Так, например, говоря, как знакомятся русские, показываются и жесты, употребляемые в этой ситуации. Обращается внимание на то, в каких случаях русские обмениваются рукопожатиями (кто при этом первым протягивает руку), в каких – можно ограничиться кивком головы, а в каких – вполне уместно поцеловать даме руку. Одновременно обсуждается диапазон общения, принятый в разных культурах. Практика показывает, что жесты, вплетаемые в контекст общения, проигранные в различных ситуациях, помогают лучше усвоить языковой материал, выработать умение общаться.

Таким образом, для того чтобы овладеть современным этикетом общения, важно пройти несколько этапов: осознать специфику стереотипов поведения в разных ситуациях общения, выучить хотя бы наиболее распространенные формулы речевого этикета, познакомиться с основными невербальными средства-

ми общения. Изучив принятый в России этикет общения, иностранные учащиеся сделают еще один шаг к пониманию русской культуры.

Литература

- Акишина А., Кано Х., Акишина Т. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. М., 1991.
- Гольдин В.Е. Речь и этикет. – М., 1983.
- Короткова О.Н. Современный этикет общения // Из истории русской культуры. Хрестоматия. М., 2008.
- Короткова О.Н., Одинцова И.В. Загадай желание. Пособие по развитию речи для изучающих русский язык. 2-ое изд. СПб., 2010.
- Пиз А. Язык телодвижений. Как читать мысли других людей по их жестам. Нижний Новгород, 1995.
- Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике, № 6. – М., 1972.
- Формановская Н.И. Языковой этикет // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Формановская Н.И. Культура общения и речевой этикет. М., 2002.
- Шахардина Л.Н. Межкультурный диалог на уроках по иностранному языку как фактор развития личности учащегося: автореферат канд. дисс. Челябинск, 2003.

The article studies the peculiarities of teaching Russian etiquette to foreign students. The author describes some mistakes both in the students' speech and in their behaviour caused by inexperience in Russian norms of behaviour, speech etiquette and non-verbal means of communication.

Keywords: *Russian as a foreign language, Russian etiquette, speech etiquette, non-verbal communication.*

РУССКАЯ ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА – ОТ ИСТОКОВ ДО 1917 ГОДА

В статье дается краткое описание русской истории и культуры от летописных истоков до 1917 г. Статья предназначена для ознакомления иностранных учащихся с базовыми фактами русской истории и культуры. Также в статье кратко прослеживается развитие ключевых культурно-философских идей и представлений, характерных для русской ментальности, и важных культурных мифологем, тем и образов.

Ключевые слова: *Русь, Россия, история, литература, религия, философия, Петр I, Екатерина II, Александр II, Николай II, Карамзин, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Толстой, Чехов, Горький, символисты, акмеисты, футуристы.*

Необходимый компонент любого обучения языку – не только собственно языковые курсы, это вещь самоочевидная, но и так называемые «содержательные курсы на преподаваемом языке». Такие курсы могут иметь разную форму и разную направленность – от основанных на художественном материале языковых курсов (для студентов, изучающих язык на продвинутом и профессиональном уровнях) до курсов, посвященных разным частям и аспектам культуры и литературы изучаемого языка. Но каким бы ни был отдельный курс, особенно если это курс по отдельному аспекту русской литературы, представляется совершенно необходимым предпосылать ему краткое описание русской истории и литературы, которое можно уложить в один час (что я неоднократно делала с разными группами студентов), сопровождая его соответствующим иллюстративным материалом.

В этой лекции должны быть отражены ключевые моменты, оказавшие принципиальное влияние на культуру страны и на мировосприятие, и необходимо также объяснять, почему именно описываемое вами историческое или культурное явление включено в этот краткий очерк. Как это можно сделать, я и планирую показать. Разумеется, этот краткий очерк можно расширять до беспредельности, но одновременно такая лекция показывает, как обширный материал можно *сжать* и при этом сохранить определенную долю сложности описываемых явлений. Это не должна быть сложная лекция об истории и культуре, но она должна познакомить учащихся с минимальным багажом знаний среднего образованного человека.

В 2012 году Россия отмечала тысячу сто пятьдесят лет российской государственности. Правда, отмечала без особой пышности и речей, но тем не менее об этом появлялись статьи в газетах и репортажи по телевидению. Эта дата вызывает некоторое удивление, поскольку некоторые историки вообще сомневаются в реальности события, от которого отсчитываются эти самые тысяча и сто пятьдесят лет. В 862 г. Великий Новгород на севере Руси призвал на царство трех братьев-варягов, Рюрика, Трувора и Синеуса. Рюрик дал если не начало, то, по крайней мере, имя первой русской княжеской династии, которая правила 736 лет (!) и прекратила свое существование только в 1598 г. со смертью бездетного Федора Иоанновича, сына Ивана Грозного. История о варягах до сих пор вызывает споры, а слово «варяг» вошло в русский язык не только для обозначения выходцев из Скандинавии в Древней Руси, но и как название любого руководителя, приглашенного управлять каким-то коллективом со стороны. «Иван Иваныч уволился, на его место никто из наших не хочет, опять пригласят варяга», – такое часто можно услышать в самых разных современных учреждениях. Таким образом, русская государственность уже начинается со споров и конфликтов, и противоречивые оценки будут сопровождать почти все ключевые события русской истории, и, как всегда, истина будет лежать где-то между полярными оценками. Как бы то ни было, второй после Рюрика варяжский князь Олег (Helgi, «священный»), получивший прозвище Вещий (А.С.Пушкин в XIX и В.С.Высоцкий в XX вв. писали о Вещем Олеге) в 882 г. завоевал Киев и стал князем Киевским.

Русь довольно долго оставалась языческой, но в царствование князя Владимира Киевского наступил перелом в религиозной ситуации на Руси. Владимир явно понимал важность религии как государственного инструмента и вначале попытался ввести на Руси объединенный пантеон языческих богов. Летописи сохранили эту историю, и именно благодаря этой записи мы знаем имена некоторых языческих богов Руси. Владимир поставил идолы Перуна (громовника), а также шести других богов, из них пять стояли рядом с Перуном в княжеской части Киева, а идол Велеса – на Подоле, в торговом районе. Владимир явно пытался ввести некую иерархию богов и прежде всего сделать центральным поклонение громовнику Перуну. Однако положение языческого го-

сударства оказалось для Руси неудобным – желая укрепить связи с богатой и могущественной Византией, Владимир посватался к византийской принцессе Анне, но, будучи язычником, получил отказ. Тогда Владимир осадил и взял византийский город Корсунь (Херсон или Херсонес), и все равно византийцы упорствовали. Владимиру ничего не оставалось, как принять христианство в его восточном, православном варианте.

Летописи приводят поэтичную легенду о том, как Владимир выслушивал представителей разных религий; от ислама отказался потому, что ислам запрещает вино («Руси веселье питье, не можем без того быти»), а православие выбрал потому, что отправленные в Константинополь послы были потрясены красотой православной службы и не знали, на «небеси» ли были или на земле. Русь была крещена в 988 г. быстро и радикально. Быстрая, массовая и насильственная христианизация Руси имела несколько важных последствий – христианство вытеснило язычество практически полностью; мы практически ничего не знаем о славянской мифологии; но это вытеснение произошло на уровне имен и названий, а по сути русский народ остался языческим, и когда в XX в. Георгий Федотов стал изучать русскую веру по фольклорным текстам, он воссоздал фактически языческие представления о Боге и языческую крестьянскую этику и мораль. С другой стороны, именно тогда зародилось русское христианское мессианство, пылким проповедником которого стал в XIX в. (девять столетий спустя!) Федор Достоевский. Но было и третье, самое важное следствие – православие пришло на Русь вместе со славянской грамотой, созданной греческими монахами Константином (Кириллом) и Мефодием специально для ведения миссионерской деятельности среди славян. А вместе с грамотой на Русь хлынул поток переводной литературы. Таким образом, с самого своего появления на Руси грамота и литература имели не просто культурное, но религиозное значение, и за словом на бумаге всегда стояло Слово из Евангелия от Иоанна, то Слово, которое было вначале и было у Бога, и было Бог, то Слово, которым создавали мир. Долгое время литература на Руси остается прежде всего церковной и религиозной.

Мы почти не знаем памятников средневекового русского эпоса. Самое примечательное исключение – «Слово о полку Игореве», созданное примерно в 1185 г. Оно было найдено в XVIII в. в единственной рукописи, которая потом сгорела, и с тех пор не

умолкают споры о том, действительно ли «Слово» – памятник XII в., или же более поздняя подделка.

Киевская Русь была процветающим государством. Киевские князья выдавали своих дочерей за монархов разных европейских стран. Например, Анна, дочь Ярослава Мудрого и шведской принцессы Ингигерды, была женой французского короля Генриха I. Отправившись во Францию, она жаловалась отцу: «В какую варварскую страну ты меня послал; здесь жилища мрачны, церкви безобразны и нравы ужасны». Анна входила в дела управления государством, и папа Николай II писал ей: «Слух о ваших добродетелях, восхитительная девушка, дошел до наших ушей, и с великою радостью слышим мы, что вы выполняете в этом очень христианском государстве свои королевские обязанности с похвальным рвением и замечательным умом». В отличие от неграмотного Генриха, она умела писать, и сохранилась ее подпись (кириллицей) «Ана рѣина».

Существование Руси, тесно связанной с Европой и Византией, прервалось в 1237 г., когда на Европу обрушились войска монголов, доходившие до самого центра Европы. На Руси наступил период татаро-монгольского ига, установившегося после многолетних боев на русских землях. Князья получали от Золотой Орды разрешения, т.н. ярлыки, на княжение, Русь платила Орде дань.

Однако жизнь шла своим чередом, и из Руси, состоявшей из множества удельных княжеств, Русь постепенно становилась единым государством, которое объединяли под своей властью князья Москвы, впервые упомянутой в летописях под 1147 г. В 1380 г. московский князь Дмитрий дал хану Мамаю битву на Куликовом поле между реками Доном и Непрядвой, окончившуюся победой русского войска. Дмитрий стал именоваться Донским. Однако формально татаро-монгольское иго закончилось только в 1480 г. после т.н. Стояния на Угре – не дошедшего до сражения противостояния между Иваном III и ханом Ахматом. Таким образом, в 1480 г. Московское княжество стало полностью независимым.

Чуть ранее, в 1478 г., тот же Иван III присоединил к Московскому княжеству Новгород, один из древнейших русских городов, со своеобразной системой управления, включавшей как князя и городскую администрацию (т.н. посадник), так и народное собрание, или вече, традиционно считающееся русским вариан-

том в прямом смысле демократического государственного устройства. Иван III продолжил соби́рание земель вокруг Москвы и далее.

Иван III был Рюриковичем, потомком легендарного варяга, и, как уже говорилось, эта династия правила Русью до 1598 г. Предпоследним и очень знаменитым Рюриковичем был Иван Грозный (1530-1584), формально правивший с 1533 г. Иван присоединил к Москве Казань, первым принял царский титул, в его царствование началось присоединение Сибири к России (поход Ермака Тимофеевича в 1580 г.) Более печально Грозный прославился тем, что провел первый в стране террор (опричнина) и был женат восемь раз. По легенде, в приступе гнева убил своего наследника сына Ивана (одно из самых знаменитых произведений на эту тему – картина И.Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», в народе известная как «Иван Грозный убивает своего сына»). При Иване Грозном был построен символ Москвы и России, собор Василия Блаженного. По легенде, правда, безосновательной, Грозный приказал ослепить создателей собора архитекторов Барму и Постника, чтобы они не построили ничего подобного.

После смерти Грозного царем стал его сын Федор, при котором правил государством его шури́н Борис Годунов. После смерти Федора династия Рюриковичей угасла. Иван Грозный оставил еще одного сына, Димитрия, но тот ребенком умер в Угличе – по одной версии, упал на нож во время припадка эпилепсии, по другой – был убит по приказу Бориса Годунова. История убийства Димитрия породила первую на Руси легенду о чудесно спасшемся царевиче. Что бы на самом деле ни произошло с Димитрием, после смерти Федора на престол взошел Борис Годунов, но его царствование было беспокойным; он умер в 1605 г. Царем стал его сын Федор, но был свергнут, и на престол взошел самозванец Лже-Дмитрий I, скорее всего, монах-расстрига Григорий Отрепьев, выдававший себя за чудесно спасшегося царевича Димитрия. Однако был свергнут после года правления. На Руси началось т.н. Смутное время, и с тех пор так называют любую эпоху безначалия и беззакония. Смута закончилась в 1613 г., когда царем стал Михаил Романов, ставший первым правителем из династии Романовых, которой предстояло править до 1917 г.

XVII век ознаменовался еще одним важным событием – расколом в русской церкви. Русь-Россия уже давно притязала на

первенство среди православных стран и на то, что она является единственной носительницей истинного христианства. В 1453 г. под напором турок-османов пал Константинополь, и примерно в 1520-х гг. старец Елеазаровского монастыря Филофей в своих письмах создал концепцию Москвы – Третьего Рима (после собственно Рима и Константинополя), средоточия истинного христианства: «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать». В царствование сына Михаила Романова Алексея (1629-1676) патриарх Никон решил воплотить эту идею в жизнь. На реке Истре был построен монастырь, названный Новый Иерусалим – его уникальная архитектура напоминает Небесный Иерусалим с икон. Часть Истры была переименована в Иордан. Но для претворения идей Никона в жизнь потребовалось исправить церковные книги, изобилующие ошибками, и это раскололо церковь. Как уже говорилось, слово на бумаге воспринималось тождественным божественному Слову, а значит, любое исправление – это богохульство. Поэтому часть церковников провозгласила Никона антихристом, заявила, что церковь пала и близок конец света. Расколу обязано своим появлением уникальное произведение древнерусской литературы – «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное». Житие – это житие святого, которое пишется после подтверждения его святости и после его смерти, а тут – раскольник Аввакум сам пишет свое житие, описывая собственные страдания за истинную веру. Аввакум провел долгое время в заключении и в конце концов был сожжен. Старообрядческая церковь существует в России и по настоящее время, старообрядцы, общаясь с принявшими реформированное православие, тем не менее четко отделяют себя от них. Например, зачастую не будут пользоваться одной посудой с новоправославными, считая их нечистыми.

Алексей Михайлович Романов умер в 1676 г., оставив после себя несколько детей, в том числе сыновей Федора, Ивана и Петра и дочь Софью. Федор, болезненный юноша, умер в 1682 г. в возрасте 20 лет, и соправителями стали Иван и Петр, регентшей при них – Софья. С 1689 г. Петр правил самостоятельно, и с его именем связаны радикальные преобразования России.

Петр I ориентировал Россию на Европу во всем, от крупных до мелких вещей, от образования (посылая юношей учиться за границу) до введения балов, называвшихся ассамблеями, повеления брить бороды, пить кофе и курить табак. Петр также был бу-

квально одержим морем, мечтал о том, чтобы Россия получила выход к морю и стала морской державой, и для этого начал войну со Швецией, в которой и победил, отвоевав для России выход к Балтийскому морю. В 1703 г. в устье реки Невы был заложен новый город Санкт-Петербург, названный так в честь св. Петра, небесного покровителя Петра I. При Петре существовала, возможно, единственная в своем роде меритократия – он привлекал к себе и возвышал людей по их умениям и заслугам, а не по знатности рода. Его первой женой была знатная боярышня Евдокия Лопухина, от которой у Петра был сын Алексей, но Лопухина была «принцесса лицом изрядная, токмо ума посреднего и нравом не сходная к своему супругу, отчего всё счастье своё потеряла и весь род свой сгубила...», и Петр женился на Марте Скавронской, латышской служанке, ставшей военным трофеем полководца Шереметева. Марте предстояло стать императрицей Екатериной I. Лопухину уже после второго брака Петра (он женился на своей любовнице как капитан Михайлов) насильно постригли в монахини. По легенде, перед отправкой в монастырь она предрекла Петербургу мерзость запустения: «Быть пусту месту сему», и эта легенда, в числе всего прочего, упоминается у Анны Ахматовой: «царицей Авдотьей заклятый», – пишет она про Петербург в «Поэме без героя».

В 1721 г. Петр принял титул императора. Он умер в 1725 г., оставив после себя изрядно переменившуюся Россию. Он дал ей новую столицу, создал российский флот, реформировал армию, заложил основы новой русской образованности, ориентированной прежде всего на Запад, провел церковную реформу, создав церковный синод, подотчетный обер-прокурору, подчиненному непосредственно императору. Таким образом, *de facto* Петр подчинил церковь государству. Одновременно Петр заложил основы многих мифов и проблем будущей России – резко переориентировав ее на Запад, он поставил россиян в неудобное положение, при котором они толком не могли понять собственную идентичность, заставил Россию постоянно оглядываться на Запад в качестве образца и примера и одновременно вызвал реакцию, утверждавшую особый путь России, отличный от западного, и подобные споры продолжаются по сей день. Он построил Петербург в необитаемом месте, построил буквально на костях множества строителей, умиравших в невских болотах как мухи, и так начался миф о двуликом Петербурге, городе роскошных набережных и

дворцов, который убивает своих жителей, сводит их с ума, заставляет совершать преступления. Таким будет Петербург в русской литературе на протяжении XIX-XX веков. Споры об историческом наследии Петра I продолжаются по сей день.

После Петра наступила эпоха дворцовых переворотов. На престол восходили разные люди, пока в 1741 г. на престол не вступила младшая дочь Петра I Елизавета. У нее не было наследников, и она пригласила из немецкого герцогства Голштейн-Готторпского своего племянника, сына сестры Анны, будущего императора Петра III. Он был провозглашен императором после смерти Елизаветы в 1762 г., но был свергнут своей женой Екатериной (Софией-Фредерикой Ангальт-Цербстской), которая взошла на престол как Екатерина II и правила до 1796 г. Петр III был убит в заточении.

Эпоху Екатерины называют Золотым веком России. В ее царствование были расширены границы империи, в частности присоединен Крым, проводились различные политические реформы, Екатерина покровительствовала наукам и искусствам. Именно с завоеванием Крыма связан миф о потемкинских деревнях – якобы фаворит Екатерины Григорий Потемкин приказал во время поездки Екатерины в Крым построить бутафорские деревни, где императрицу встречали радостные селяне. В ее царствование был создан самый знаменитый, пожалуй, петербургский памятник – Медный Всадник, памятник Петру I, работы французского скульптора Этьеном-Морисом Фальконе. Этот памятник сам станет одной из легенд русской культуры и одним из персонажей поэмы Александра Пушкина «Медный всадник», воплощением двусмысленности созданного Петром города. Одновременно правление Екатерины было отмечено одним из самых кровавых и долгих крестьянских восстаний, пугачевским бунтом, также ставшим основой повести Пушкина «Капитанская дочка». В эпоху Екатерины возникает целая волна самозванцев, провозгласивших себя чудесно спасшимся императором Петром, и Пугачев был одним из них. Еще одним был некий Кондратий Селиванов, основатель секты скопцов. Он провозгласил себя богом, но этого ему, очевидно, казалось мало, потому что он также назвал себя Петром III. История Селиванова показательна как маркер совершенно особого отношения к правителям, которые воспринимаются как фигуры божественные. Император Павел, кстати, удостоил Селиванова личной аудиенции.

После смерти Екатерины на престол взошел ее сын Павел I, не разделявший взглядов матери, считавший, что она незаконно отстранила его отца от престола, а потому начавший систематически отменять то, что делала его мать. Павел панически боялся заговоров и приказал построить для себя Михайловский замок, где и был убит в 1801 г., видимо, с ведома своего старшего сына Александра, будущего императора Александра I. Павел был, в числе прочего, гроссмейстером Мальтийского ордена.

Михайловский замок в дальнейшем стал Инженерным училищем, и именно там учился Федор Михайлович Достоевский. Одним из трагических эпизодов его жизни была смерть его отца Михаила Андреевича, и жизнь в училище, где с ведома сына был убит отец, явно наложила свой отпечаток на будущего романиста.

Александр I, воспитывавшийся своей бабкой Екатериной, начинал как один из самых либеральных русских императоров, но его царствование видело войну 1812 г. с Наполеоном, пожар Москвы, тот самый, в котором сгорела рукопись «Слова о полку Игореве», а под конец правления он полностью доверился печально прославившемуся своим самодурством А.Аракчееву, и конец царствования Александра был омрачен этими событиями.

В царствование Екатерины также начинается история классической русской литературы, той самой, которая составляет славу русской культуры. При Екатерине творит поэт **Гавриил Романович Державин (1743-1816)**. В конце царствования Екатерины начинает свою литературную деятельность **Николай Петрович Карамзин (1766-1826)**. Карамзин – реформатор и в большой степени создатель современного русского языка, он писал в рамках всех литературных течений, существовавших в его время, от сентиментализма до романтизма, и из своих литературных произведений наиболее знаменит короткой повестью «Бедная Лиза» о судьбе крестьянки, которая полюбила дворянина и покончила с собой, когда он бросил ее. Повесть прославилась, в частности, тем, что в ней было провозглашено «и крестьянки любить умеют», то есть за крестьянами, бывшими в течение веков имуществом, прикрепленным к земле, признавалась такая же способность к эмоциональной и внутренней жизни, как и за представителями других сословий. Другие знаменитые произведения Карамзина включают в себя «Письма русского путешественника», описывающие путешествие Карамзина по Европе и его встречи со зна-

менитыми авторами, включая, в частности, И. Канта, а также многотомную «История государства Российского».

В царствование Александра I начинается творческий путь поэта, признаваемого величайшим автором русской литературы, **Александра Сергеевича Пушкина (1799-1837)**. «Пушкин – наше всё», – скажет про него критик Аполлон Григорьев. Действительно, гений Пушкина, поэтический и прозаический, огромен. Если Карамзин создал современный русский литературный язык, то Пушкин закрепил и развил его в своем творчестве. В числе самых знаменитых его произведений – повесть «Капитанская дочка», поэма «Медный всадник», роман в стихах «Евгений Онегин». Пушкин также автор большого количества стихотворений, среди которых одно из самых известных – это «Пророк». Мы уже неоднократно говорили о том, что за словом в русской культуре всегда стояло божественное Слово, и в «Пророке» Пушкин закрепляет религиозную роль художника-поэта в обществе и мире. Поэт – избранник, существо, обладающее нечеловеческой пронизательностью и способностью к постижению, которыми его наделяет посланник Бога, и его предназначение – несение читателям истины. Достоевский назовет Пушкина воплощением русского национального характера, и он видит особенность Пушкина прежде всего в универсальности его духа, в умении проникаться духом всех народов, брать от всех культур и создавать свою особую культуру.

Александр I умирает в 1825 г. (по легенде, он на самом деле не умер, а отрекся от престола и под видом старца Федора Кузьмича отправился странствовать в поисках духовной истины), его брат Константин отрекается от наследования престола, и трон должен перейти к Николаю. Но в декабре 1825 г. происходит восстание декабристов – восстание дворян, желавших превратить Россию в конституционное государство. Восстание было подавлено, пятеро зачинщиков повешены, остальные сосланы в Сибирь. Это восстание оказало глубокое влияние на Николая, получившего прозвище «Палкин» и ставшего одним из самых реакционных российских монархов.

При Николае вновь разгораются споры об историческом пути России. В 1836 г. **Петр Яковлевич Чаадаев (1794-1856)** публикует «Первое философическое письмо», где Россия в сравнении с Западом объявляется аморфной, бесформенной и бесплодной, а все, что в ней создано – игрой исторической случайности. Чаада-

ев был объявлен сумасшедшим, но его «Письмо» привело к оформлению двух противоположных историко-философских точек зрения, к появлению западников и славянофилов. Первые стремились к западной модели развития, вторые – к собственно русскому, уникальному пути развития. Эти споры продолжаются и по сей день. Однако «Письмо» Чаадаева подчеркнуло одну особенность России – практическое отсутствие формальной философии и даже схоластической теологии, роль которых, по сути, взяла на себя литература, и те вопросы, которые обычно обсуждаются философами, теологами, философами истории и т.д. в России обсуждали люди, связанные с художественным творчеством.

Еще одно крупное имя в русской поэзии и прозе – **Михаил Юрьевич Лермонтов (1814-1841)**, первоначально прославившийся неопубликованным, но мгновенно ставшим известным стихотворением «Смерть поэта», посвященным гибели Пушкина на дуэли. Лермонтов – один из самых известных романтических поэтов России. Среди его произведений – поэмы «Демон» и «Мцыри», а также роман «Герой нашего времени». Романтический герой Лермонтова похож на романтического героя Байрона. Кстати, по легенде, родоначальник рода Лермонтовых – шотландский рыцарь Лермонт (таким образом, дальним родственником Лермонтова оказывается Томас Лермонт, или Томас из Эрселдуна, Том-Рифмоплет, якобы живший какое-то время с феями). Романтический герой Лермонтова – человек необыкновенный, имеющий удивительную власть над людьми и в то же время не разделяющий обычной человеческой жизни. И хотя в своем романе Лермонтов словно бы иронически относится к этому образу, в значительной степени восхищение этим героем остается. И дальнейшая русская литература, создавая своих отрицательных демонических и одновременно притягательных героев будет в значительной степени ориентироваться на Лермонтова. Лермонтов, как и Пушкин, был убит на дуэли.

Замечательным и очень необычным автором николаевской эпохи был **Николай Васильевич Гоголь (1809-1852)**. Родом с Украины, он написал «Вечера на хуторе близ Диканьки», основанные на фольклорных историях и поверьях, а также куда более мрачные «Петербургские повести»: «Шинель», «Нос» и так далее. Его Петербург – это призрачный город, прекрасный и пугающий, смертельный для разума и души человека. Мы уже неоднократно говорили о сильной религиозно-философской состав-

ляющей русской литературы, и в Гоголе пытались увидеть ту же традицию, тем более что сам Гоголь был человеком глубоко воцерковленным и действительно пытался найти духовную и религиозную сердцевину жизни. Однако одно из главных произведений Гоголя называется «Мертвые души» и повествует о мошеннике, который скупает крепостных крестьян, уже умерших, но еще не вычеркнутых из официальных списков, и название «мертвые души» отражает основной парадокс творчества Гоголя – душа не может быть мертвой, а она мертва. Персонажи Гоголя – не живые лица, а карикатуры. У таких героев есть за плечами солидная традиция, даже герои Лермонтова были во многом не столько героями, сколько философскими схемами, но герои Гоголя – карикатуры, в которых человеческое ищется, но почти не находится, или даже вообще не находится. Гоголя называли автором, который пишет о «маленьком человеке», задавленном обществом, средой, но этот человек прежде всего задавлен собственным душевным и духовным небытием. Среди русских писателей Гоголь – первый постмодернист еще до постмодернизма, потому что при всей своей воцерковленности Гоголь пытался и не мог обрести подлинную веру – соприкосновение мирам иным. И в отсутствие такой веры Гоголь оказывается неспособным создать живого персонажа, похожего на человека, а не на шарж на человечество. «Мертвые души» задумывались как трилогия наподобие «Божественной комедии» Данте, но Гоголь смог создать только «Ад». Второй том он сжег сам, и этот поступок стал своего рода культурным знаком, мифом, сам по себе.

Царствование Николая I закончилось провальной для России Крымской русско-турецкой войной, и после смерти Николая на престол вступил его сын Александр II. Царствование Александра стало долгожданным временем реформ. В частности, была проведена судебная реформа, а также, в 1861 г., было отменено крепостное право, превращавшее живых людей в движимую или даже недвижимую, прикрепленную к земле собственность. Поэтому Александра II именовали «освободителем».

В литературе и культуре также происходят существенные изменения. Уже в сороковые годы вышел из употребления романтизм, хотя жанр романтической повести, по сути дела, готического рассказа, т.е. жанра ужасов, оставался. Однако на сцену выступает реализм, а главное, социально ориентированная литература. Герои-одиночки, замкнутые на себе, уступают место анали-

зу взаимоотношений человека и общества, и на первый план выходят уже не духовные, а социальные искания, хотя и здесь литература продолжает играть роль философии – теперь уже не религиозной, а социальной. Возникает ключевая тема «лишнего человека», который по какой-то причине не может найти свое место в обществе. Истоки этого образа возводились к Пушкину и его Евгению Онегину, но если у авторов дореалистического направления выключенность человека из жизни чаще всего представлялась результатом решений, принятых самим человеком, то теперь люди становятся лишними, потому что общество не принимает прямых, честных, самостоятельных, независимо мыслящих людей.

Один из знаковых писателей того времени – **Иван Александрович Гончаров (1812-1891)**, чей роман «Обломов» зафиксировал определенное социальное явление, так и названное «обломовщиной» – в романе противопоставлены барин Обломов, проводящий свою жизнь на диване, и его активный друг Штольц с характерно немецкой фамилией, не понимающий апатии своего приятеля. На какой-то момент кажется, что Штольцу и предлагаемой им жизни удастся преодолеть бездеятельность Обломова, но в конце концов он возвращается к привычному ничегонеделанию, и так его жизнь и течет до самой смерти. Образ жизни Обломова получил двойное толкование – либо как характерная для русского духа бездеятельная созерцательность с отрицательной окраской, либо как собственно русский созерцательный путь, противостоящий бурной деятельности современного делового буржуазного мира.

Особой фигурой русской литературы был **Николай Гаврилович Чернышевский (1828-1889)**, автор романа «Что делать?». Наряду с заглавием романа Герцена «Кто виноват?», название романа Чернышевского считается одним из двух ключевых вопросов русской истории. (Иногда к нему добавляют шуточный третий – и что делать с тем, кто виноват). Собственно, это не столько художественное произведение, сколько философско-социальный трактат о будущем социалистическом устройстве России. Чернышевский – проповедник т.н. разумного эгоизма. Будущее – общий труд, общая жизнь в «хрустальном дворце» – рисуется в четырех снах главной героини Веры Павловны. Строго материалистический идеал обобществленного будущего стал мишенью едкой иронии многих других писателей, поскольку

Чернышевский отрицал те категории, которые были фундаментальными для антропологии русских писателей, например, свободу воли, полагая человека социально детерминированным. Если в русской художественной антропологии человек принципиально свободен и скорее детерминирует собой окружающий его мир, то Чернышевский провозглашает принципиально противоположный принцип, в большой степени характерный для литературы социальной направленности.

Еще один важный автор того времени – **Иван Сергеевич Тургенев (1818-1883)**, знаменитый многими произведениями и, в частности, стихотворением в прозе «Русский язык» (1882): «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» Тургенев был гением лирической прозы, получившей наиболее знаменитое воплощение в цикле очерков «Записки охотника», однако писал романы на социальные темы, отражая реальности социальных тенденций русской общественной жизни. Самый знаменитый его роман – «Отцы и дети», название которого вошло в поговорку для отражения проблематики конфликта поколений. Главный герой романа – нигилист Базаров, который описывается в контексте мирной, традиционно-культурной помещичьей жизни семейства Кирсановых. Для Базарова главное – общественная польза, а не изящество культуры. Он неприятен Кирсановым, но он видит в себе двигатель будущей общественной жизни. Базаров несколько колеблется в своих убеждениях, встретив красавицу Анну Одинцову, но конфликта не возникает, и история разрешаются не в результате каких-то действий героев, а в результате случайности – Базаров умирает, заразившись трупным ядом во время вскрытия, умирает, жалея о бесплодно пропадающих неистраченных силах.

С точки зрения философской и социальной художественной антропологии гораздо интереснее менее известные произведения Тургенева, в частности, его рассказ «Постоялый двор» (1852), где возникает мир русского крестьянства – не поэтический мир лесов, берез и жизни в труде, а мир детерминированный, мир людей без свободы воли, определяемых случайностями жизни и судьбы, над которой они не имеют никакого контроля.

Следует также упомянуть **Николая Алексеевича Некрасова (1821-1878)** – поэта, также посвятившего себя прежде всего общественной пользе. Если Пушкин утверждал, что поэт – это прежде всего пророк высшей истины, то Некрасов пишет стихотворение «Поэт и гражданин», в котором декларирует совершенно иную роль поэта. Поэт больше не связан с высшим миром, он прочно укоренен в мире земном, более того, в общественной жизни этого мира, и его роль декларируется следующим образом:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.
А что такое гражданин?
Отечества достойный сын.

Также в поговорку вошло название поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», своего рода социальный трэвелог группы крестьян, желающих разрешить для себя этот вопрос.

Одним из крупнейших авторов эпохи Николая и Александра был **Федор Михайлович Достоевский (1821-1881)**, начавший литературную карьеру вполне гоголевским романом «Бедные люди», где, продолжая изобразительные традиции Гоголя, он одновременно спорит с ним в отношении социальной и философской антропологии, превращая типично гоголевского мелкого чиновника из гоголевской карикатуры в достойного, любящего, верного, жертвенного человека.

Достоевский активно спорил с писателями в духе Чернышевского в своих «Записки из подполья», где он описал особый психологический тип «подпольного человека», который, вопреки утверждениям того же Чернышевского, превыше всего ценит не свою пользу в духе разумного эгоизма, а собственное своеволие, возможность сделать так, как ему хочется, пусть даже это повлечет за собой ужасные последствия для него самого. Тема маленького и лишнего человека перерабатывается и становится не свидетельством удушающего влияния общества на человека, а неспособности самого человека открыться миру, другим людям, найти общность с миром не в налаживании общественной жизни и обобществленного производства, а в истинной любви к другому человеку.

Достоевский отдал дань увлечению социалистическими теориями, и это ему дорого обошлось – по делу петрашевцев он был приговорен к смерти, выведен на Семеновский плац, и только в последний момент казнь была заменена на каторжные работы.

Достоевский провел четыре года в Омском остроге, и художественным результатом этих лет стали «Записки из Мертвого дома». Достоевский по сути развивает замеченную еще Тургеневым тему особого мира русского крестьянства. В его романе крестьяне-каторжники предстают полной противоположностью каторжникам-дворянам. Их мир – это мир, лишенный свободы воли, predeterminedный их семьей и окружающим миром, в отличие от мира дворян, живущих в ощущении того, что они определяют себя и окружающий мир своей свободной волей. Это открытие так потрясло Достоевского, что только пятнадцать лет спустя он нашел в себе силы заявить о том, что увидел в русском народе истинную веру и подлинное христианство.

Достоевский написал пять крупных романов, из которых четыре стали своего рода культурными символами, причем не только в России, но и по всему миру. Фраза «Преступление и наказание» вошла во многие языки мира. Проблематика романов Достоевского сходная. Это почти всегда поиск героем уже не просто своего места в мире, но выхода за пределы человеческого бытия, достижения героем сверхчеловеческого статуса собственными усилиями. Это достижение неизменно совершается через нарушение нравственных норм («тварь я дрожащая или право имею», – думает Раскольников, собираясь опробовать себя в убийстве), а найти разрешение можно только в признании своей человечности и в обретении общности с человечеством в христианской любви. Та же проблематика присутствует в романе «Бесы» на фоне едкой критики нигилистов и социалистов (из-за чего роман долгое время был полузапрещен в Советском Союзе).

Особая проблематика присутствует в романе «Идиот» – изображении «положительно прекрасного человека», но печальная концовка романа свидетельствует не о том, что христианский идеал обречен на поражение, а о том, что человек только своими силами, живущий человеческой жизнью и желающий вполне человеческого счастья, неспособен стать спасителем. «Идиот» – апофатическое доказательство бытия Божия и божественности Христа.

Особое место занимает последний роман «Братья Карамазовы», произведение крайней сложности композиции. Центральное место в нем занимает т.н. «Поэма о великом инквизиторе». Это ключевое для XX в. философское описание положения и философской антропологии человека для всей последующей европей-

ской культуры и всех культур, генетически связанных с европейской. Здесь великий инквизитор утверждает, что человек прежде всего слаб, он не может справиться с истинной свободой, которая неизбежно влечет за собой ответственность, и готов отказаться от свободы ради беспроблемной и безответственной жизни. Формулировка Достоевского – вершина размышлений европейской культуры на эту тему, и с тех пор это утверждение повторялось бесчисленное количество раз как в высокой, так и в массовой культуре.

Одновременно можно сказать, что Достоевский – один из основоположников жанра детективного романа. И «Преступление и наказание», и «Братья Карамазовы» – классические детективные романы, написанные так, чтобы удерживать интерес читателя на всем протяжении.

Еще один столп русской романистики XIX в. – **Лев Николаевич Толстой (1828-1910)**, автор романов «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение». Толстого, как и Достоевского, также интересует прежде всего религиозно-философская проблематика самоопределения человека в мире, этому посвящены истории духовных исканий Пьера Безухова в «Войне и мире» и Левина в «Анне Карениной», князя Нехлюдова в «Воскресении». В отличие от Достоевского, искания Толстого менее догматичны (он был отлучен от православной церкви и потому похоронен не на кладбище, а в своем имении в Ясной Поляне). Толстой стал идейным отцом целого религиозного течения – толстовства, основными положениями которого были опрощение, т.е. отказ от мирских благ, и непротivление злу насилieм. Опрощение практикуют почти все положительные герои Толстого, в частности, наиболее знаменита сцена, где Левин в «Анне Карениной» косит сено вместе с мужиками. Непротivление злу насилieм, которое Толстой возводил к Евангелию, имеет свои основания также и в буддизме, и то состояние, в которое впадают опрощающиеся герои Толстого, например, тот же Левин, очень напоминает некое растворение в мире, своего рода временное впадение в нирвану. Проблематика личности как феномена, отчуждающего человека от мира, была одной из важных проблем русской литературы, но растворение в мире у Толстого, пусть и временное, – один из самых радикальных и необычных путей ее художественного разрешения.

Толстой был также большим просветителем, писал множество сказок и рассказов для детей. Он был автором ряда коротких рассказов и повестей, один из его наиболее популярных рассказов – «Смерть Ивана Ильича», в котором умирающий (предположительно от рака) судейский чиновник вдруг понимает бессмысленность своей жизни, совершенно обычной жизни обычного чиновника, и ужас предстоящей смерти.

В 1881 г. был убит император Александр II. Россия отблагодарила императора-освободителя террористическим актом – народоволец Игнатий Гриневицкий бросил бомбу в императорскую карету. Император был смертельно ранен во время взрыва второй бомбы – он мог бы уцелеть, но вышел из кареты, чтобы помочь пострадавшему во время первого взрыва мальчику. По иронии судьбы именно в день покушения Александр собирался подписать проект первой русской конституции.

После его смерти на престол вззошел более реакционно настроенный Александр III, которому принадлежит до сих пор цитируемая фраза: «У России есть только два настоящих союзника – ее армия и флот». Он царствовал недолго, и в 1894 г. на престол вззошел его сын, император Николай II. Коронация Николая была омрачена давкой на Ходынском поле, где предполагалось устроить народные гуляния и раздачу подарков в честь коронации. Погибло более тысячи человек, сотни получили увечья. Николай, однако, не отменил ни бал в Кремле, ни бал у французского посланника (хотя столица была в Петербурге, короновались императоры в Успенском соборе в Москве).

В царствования Александра III и Николая II в России началась творческая деятельность еще одного писателя, ставшего мировым символом русского искусства – **Антон Павловича Чехова (1860-1904)**. Он начинал с легких, забавных и трогательных юморесок, иногда окрашенных социальной сатирой, иногда просто забавных. Любимым примером на рассогласование деепричастия служит цитата из чеховского рассказа «Жалобная книга»: «Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа». Однако в историю мировой литературы Чехов вошел прежде всего своими пьесами, ставившимися в Московском Художественном театре, основанном Константином Сергеевичем Станиславским и Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко (актерский метод Станиславского до сих пор пользуется популярностью и успехом по всему миру). Пьесы Чехова

«Чайка», «Вишневый сад», «Дядя Ваня» представляли собой радикальный отход от традиционных драматургических принципов, настолько радикальный, что вначале Чехова упрекали даже в неумении выстроить действие. Однако фактическое отсутствие действия продиктовано несколькими причинами. Во-первых, Чехов стремился передавать не некие экстраординарные ситуации, в которых происходят ключевые события художественного произведения, а реальность жизни, в которой драма часто кроется под обликом простых бытовых событий. Как писал сам Чехов, «люди обедают, только обедают, а в это время рушатся их жизни, и слагается их счастье». Во-вторых, с Чеховым в литературоведении в значительной степени произошло то же, что с Гоголем – в нем пытались увидеть традиционные для русской литературы ценности и конфликты, которых там не было. Социальные события «Вишневого сада», где помещики, живущие, как Обломов, в бездействии, проигрывают деловому, как Штольц, Лопухину, и продолжают прежнее существование, а будущее предположительно остается за идеалистическими героями, чем-то напоминающими утопические построения Чернышевского, мотивируются не только конкретной социальной ситуацией, но и метафизической ситуацией. Гоголь стремился истинно верить, Чехов же жил в сугубо безрелигиозном мире, и в силу безрелигиозности этого мира в контексте напряженно религиозной культуры, движимой конфликтом метафизических добра и зла, в отсутствие этого конфликта самый мир оказывается миром стасиса и неподвижности. Если Гоголя можно назвать постмодернистом до постмодернизма, то Чехова можно назвать мастером театра абсурда до появления театра абсурда. Одна из самых знаменитых пьес театра абсурда – «В ожидании Годо» Самуэля Бекета, где двое персонажей ведут бессмысленные разговоры в ожидании некоего Годо (предположительно Бога, от английского слова God – Бог). В пьесах Чехова происходит нечто очень похожее, и в них присутствует тот же стасис, что и в пьесе Бекета. Стасис мироздания и жизни станет одной из ключевых тем европейской культуры XX-XXI вв., и зарождается он не в абсурдистской драме середины XX в., но в формально традиционных пьесах Чехова.

Однако в то же время происходит всплеск поэтического творчества. Одно за другим появляются движения символистов (распространенное по всей Европе), акмеистов и футуристов. К символистам принадлежали **Александр Блок (1880-1921), Вячеслав**

Иванов (1866-1949), Валерий Брюсов (1873-1924), к акмеистам – **Анна Ахматова (1889-1966), Николай Гумилев (1886-1921), Осип Мандельштам (1891-1938?)**, особняком стояла **Марина Цветаева (1892-1941)**, к футуристам принадлежали **Велимир Хлебников (1885-1922) и Владимир Маяковский (1893-1930)**.

Символистов и акмеистов объединяли внимание к культуре и прошлому, интерес к религиозно-философскому (символисты) и мифологическому (акмеисты) способам осмысления мира. Футуристы, наоборот, требовали отказаться от прошлого («Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности»). Поэты всех направлений создавали особый миф о роли поэта в мироздании. Продолжая пушкинскую традицию восприятия поэта как носителя высшей метафизической истины, они дополняют эту литературную мифологию собственно мифологическими мотивами, видя в поэте прежде всего культурного героя, который своей жизнью и своим творчеством, нераздельно слитыми, способствует поддержанию бытия мира.

Одновременно появляются новые писатели социального толка, в частности, **Максим Горький** (литературный псевдоним Алексея Максимовича Пешкова), автор романов «Детство», «В людях» и «Мои университеты» и пьес, одной из самых знаменитых и сложных из которых является «На дне», где ставится вопрос о выборе между признанием горькой правды социальной жизни низов или поиска утешения во лжи во спасение.

В начале XX в. Россия переживает тяжелые времена. Николай II оказался неподходящим человеком на роль императора России. Он втянул Россию в провальную войну с Японией. Одним из иконических моментов войны стала гибель крейсера «Варяг» и канонерки «Кореец», которые экипажи, не имея возможности продолжать бой, затопили («Варяг») и взорвали («Кореец»). Название до сих пор популярной песни «Врагу не сдастся наш гордый “Варяг”» (написанной австрийским поэтом Рудольфом Грейнцем, переведенной Е. Студенской и положенной на музыку А.Турищевым) вошло в поговорку. (Это не первый случай, когда классическая русская песня обязана своим происхождением иностранному поэту; знаменитый «Вечерний звон» был переведен И. Козловым с английского оригинала Томаса Мура).

После русско-японской войны последовала первая русская революция, подавленная правительством. В результате этой ре-

волюции Россия получила свой первый парламент, состоявший из двух палат – Государственного совета и Думы.

Однако политика Николая продолжала быть катастрофической. Его жена Александра долгое время не могла родить сына, ставя под угрозу наследование трона, но Николай не отменил запрет женщинам наследовать трон, введенный Павлом I из ненависти к матери. Когда у царской четы, наконец, родился сын, оказалось, что он болен унаследованной от матери гемофилией. Это повлекло за собой почти безумие Александры и ее увлечение всеми, кто мог помочь сыну, в том числе ее поклонение Распутину, что вызвало протесты дворянства.

Худшим решением царствования Николая стало вступление России в Первую мировую войну. В.И. Ленин, оценивая шансы революции на успех, писал, что «война между Россией и Австрией была бы наиболее полезна для революции, но это крайне невероятно, что Франц-Иосиф и Николай сделают нам такой подарок», однако именно это оба императора и сделали. Результатом войны стали еще две революции, радикально перевернувшие Россию, да и почти весь мир.

После второй и третьей русской революций не только общественная, но и философская, культурная и литературная картины мира изменились радикально.

The article offers a brief outline of the Russian history and culture from their beginnings in the chronicles to 1917. It is designed as an introduction for foreign students to the basic facts of the Russian history and culture. Also, the article traces the development of the key cultural and philosophical ideas and notions typical of the Russian worldview, as well as of certain important cultural mythologems, topics, and images.

Keywords: *Rus, Russia, history, literature, religion, philosophy, Peter I, Catherine II, Alexander II, Nicolas II, Karamzin, Pushkin, Lermontov, Gogol, Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov, Gorky, symbolists, acmeists, futurists.*

Практикум РКИ

И.П. Кузьмич

СКАЗКА НА УРОКЕ ГРАММАТИКИ

В статье показаны возможности подготовки трёх учебных текстов на базе русской народной сказки.

Ключевые слова: *Текст-источник, учебный текст, грамматика РКИ, преобразование текста, адаптация текста.*

При обучении русскому языку инофонов порой возникает необходимость отработать (затренировать, или продемонстрировать, или проконтролировать) употребление тех или иных лексико-грамматических единиц на материале связного текста. Как правило, подобрать аутентичный текст – художественное произведение, его фрагмент, статью из научного или научно-популярного журнала и под., – который мог бы послужить для таких узкоутилитарных целей, весьма трудно. В идеальном случае автором подобного текста выступает преподаватель. Обычная практика – это использование для учебных целей имеющихся в культурном обиходе произведений. Даже если подобранное произведение содержит нужные для отработки (демонстрации, контроля) языковые единицы, включить его в учебный процесс без определённых преобразований невозможно.

В качестве примера рассмотрим русскую народную сказку «Журавль и цапля»:

Летала сова – веселая голова; вот она летала, летала и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела, и опять полетела; летала, летала и села, хвостиком повертела да по сторонам посмотрела... Это присказка, сказка вся впереди.

Жили-были на болоте журавль да цапля, построили себе по концам избушки. Журавлю показалось скучно жить одному, и задумал он жениться.

– Дай пойду посватаюсь на цапле!

Пошел журавль – тяп, тяп! Семь вёрст болото месил; приходит и говорит:

– Дома ли цапля?

– Дома.

– Выдь за меня замуж!

– Нет, журавль, нейду за тя замуж: у тебя ноги долги, платье коротко, сам худо летаешь, и кормить-то меня тебе нечем! Ступай прочь, долговязый! Журавль, как не солоно похлебал, ушёл домой.

Цапля после раздумалась и сказала:

– Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля.

Приходит к журавлю и говорит:

– Журавль, возьми меня замуж!

– Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не беру тебя замуж. Убирайся!

Цапля заплакала со стыда и воротилась назад. Журавль раздумался и сказал:

– Напрасно не взял за себя цаплю; ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму её замуж.

Приходит и говорит:

– Цапля! Я вздумал на тебе жениться; поди за меня.

– Нет, журавль, нейду за тя замуж!

Пошёл журавль домой.

Тут цапля раздумалась:

– Зачем отказала? Что одной-то жить? Лучше за журавля пойду!

Приходит свататься, а журавль не хочет.

Вот так-то и ходят они по сю пору один на другом свататься, да никак не женятся. [Народные русские сказки 1978: 53–54].

В сказке, описывающей сватовство героев, естественным образом употребляются глаголы *жениться*, *свататься*, описательные предикаты *взять замуж*, *выйти/пойти замуж*. Для преподавателя заманчиво использовать это фольклорное произведение при изучении языковых средств, обслуживающих ситуацию «Женитьба». Однако наличие сказочной формулы зачина («присказки»), диалектизмов, нестандартных морфологических и синтаксических форм не позволяет взять этот текст в качестве учебного в неадаптированном виде, особенно для нефилологической аудитории. Следовательно, чтобы стать учебным, исходный текст сказки должен подвергнуться некоторым изменениям и преобразованиям. Придётся отказаться от «присказки», ряда фразеологизмов, частей предложений (*Чем одной жить, ...*), малоупотребительной лексики (*долговязый*), частиц (*тяп, тяп*). В других

случаях можно подобрать соответствующие синонимы (как не солоно похлебал = грустный, опечаленный), диалектные и просторечные формы, разумеется, нужно заменить литературными (Выходи за меня замуж! вместо Выдь за меня!). Предложение с нереализованной глагольной валентностью (Приходит свататься, а журавль не хочет) должно быть дополнено инфинитивом. Чтобы придать сказочным героям ещё большую «одушевлённость», названия птиц журавль и цапля превратим в имена собственные: Журавль, Цапля. Для полноты представления ситуации женитьбы введём в текст сказки новых героев – друзей Журавля и подруг Цапли, которые, выполняя свои роли, инициируют дополнительные диалоги, включающие нужные для изучения языковые единицы. И, наконец, необходимо определить объём языковых средств, представляющих ситуацию женитьбы. Наиболее типичными и нейтральными в стилистическом отношении здесь будут конструкции с глаголами жениться, пожениться, женить и описательными предикатами выдавать – выдать замуж, выходить – выйти замуж. Эти конструкции и послужат основными строевыми единицами для создания нового учебного текста, который может быть предъявлен учащимся со следующим заданием:

Дополните текст нужными формами глаголов жениться, пожениться, женить, выдавать – выдать (замуж), выходить – выйти (замуж).

Текст 1

Журавль и Цапля

Жил-был на болоте Журавль. Скучно показалось жить ему одному, и задумал он ..¹.. Друзья ему говорят:

– Давай мы тебя ..².. на Цапле. Чем не невеста?

Пошел Журавль к Цапле.

– Цапля! ..³.. за меня замуж!

– Нет, – отвечает Цапля, – не ..⁴.. за тебя: у тебя ноги долги, платье коротко, ты худо летаешь, кормить меня тебе нечем! Иди прочь!

Журавль, опечаленный, ушёл домой. А подруги говорят Цапле:

– Что ты, Цапля, чем не жених Журавль? Зачем тебе одной жить? Давай мы тебя ..⁵.. замуж за Журавля.

Пошла Цапля к Журавлю, просит:

– Журавль, возьми меня замуж!

– Нет, Цапля, не хочу я на тебе ..⁶ .. .

Цапля заплакала от стыда и вернулась домой. А Журавль думал – думал и сказал:

– Напрасно я не ..⁷.. на Цапле. Одному-то скучно! Пойду-ка я к ней.

Приходит и говорит:

– Прости меня, Цапля. Давай с тобой ..⁸.. , ..⁹.. за меня замуж!

– Нет, Журавль, теперь я раздумала ..¹⁰.. за тебя.

Пошел Журавль домой. А Цапля одумалась:

– Зачем же я отказала Журавлю? Надо нам с ним ..¹¹.. !

Приходит к Журавлю, а он не хочет ..¹².. . Вот так-то и ходят они по сию пору, да никак не ..¹³.. .

Работая с данным текстом, учащиеся должны дополнить его следующими формами глаголов: ¹жениться, ²женим, ³выходи, ⁴выйду, ⁵выдадим, ⁶жениться, ⁷женился, ⁸поженимся, ⁹выходи, ¹⁰выходить, ¹¹пожениться, ¹²жениться, ¹³поженятся. Перечисленные глагольные формы являются объектом изучения как с точки зрения правильности употребления лексических единиц, так и с точки зрения адекватного использования видо-временных форм. Обращение к тексту 1 в дальнейшем, например, с целью воспроизведения его содержания с опорой на вопросы (1) Когда Журавль решил *жениться* на Цапле? 2) На ком предложили его *женить* друзья? 3) Почему Цапля не хотела *выходить замуж* за Журавля? 4) За кого хотели *выдать замуж* Цаплю её подруги? и под.) или организации беседы по этому произведению ещё раз обратит внимание учащихся на языковые единицы, описывающие ситуацию женитьбы.

Как видим, вновь созданный текст несколько уменьшился по объёму по сравнению с исходным, включающим 226 слов, и содержит 203 слова. Он сохраняет основные признаки текста как единицы коммуникации (связность, цельность, непрерывность, завершённость) и передаёт априорно известное содержание сказки другими языковыми средствами. Поскольку бытование сказки предполагает импровизацию конкретного рассказчика, вновь созданный текст может рассматриваться не просто как учебный, но и как вариант исходного текста сказки, который мог бы быть реализован в определённых условиях общения.

Изучение языковых явлений целесообразно проводить на текстах, содержание которых знакомо учащимся. Поэтому сюжет этой сказки может послужить основой для создания других учебных текстов, обучающих, например, употреблению глаголов *думать* и *помнить* с разными приставками и без них. С этой целью сказочный сюжет передаётся таким образом, чтобы была возможность максимально «напитать» текст приставочными глаголами, которые подлежат отработке. При этом одни эпизоды исходного текста свёртываются или даже опускаются, а другие развёртываются, «обрастают» новыми деталями (что в целом, кстати, соответствует импровизационному поведению рассказчика в реальной коммуникации).

Приведём ещё два адаптированных текста с заданиями и «ключами».

Задание к тексту 2. Дополните текст нужными формами глагола *думать* с приставками или без приставок (*выдумать, задумать, задуматься, обдумать, одуматься, передумать, подумывать, придумать, раздумать, раздумывать*), с частицей *-ся* или *без неё*.

Текст 2

Журавль и Цапля

Жил-был на болоте Журавль. Скучно показалось жить ему одному, и ..¹.. он жениться. Друзья ему говорят:

– Давай мы тебя женим на Цапле. Чем не невеста Цапля? ..².. хорошенько!

Журавль ..³.. слова своих друзей и решил, что они хорошо ..⁴.. И вот пошёл он к Цапле.

– Цапля! Выходи за меня замуж!

А Цапля не ..⁵.. ни на минутку, она сразу сказала:

– Нет, не пойду за тебя замуж: у тебя ноги долги, платье коротко, ты худо летаешь, кормить меня тебе нечем! Иди прочь!

Журавль, опечаленный, ушёл домой. А подруги говорят Цапле:

– Цапля, что ты ..⁶.. ? Чем не жених Журавль? Ты не права! ..⁷.. ! Зачем тебе одной жить? Давай мы тебя выдадим замуж за Журавля.

Цапля всю ночь не спала, ..⁸.. над словами подруг. Много она ..⁹.. за ночь.

А наутро пошла Цапля к Журавлю и просит:

– Журавль, возьми меня замуж!

– Нет, Цапля, я ..¹⁰.. жениться.

Цапля заплакала от стыда и вернулась домой. А Журавль ..¹¹.. целый день и сказал себе:

– Напрасно я не женился на Цапле. Одному-то скучно! Пойду-ка я к ней.

Приходит и говорит:

– Прости меня, Цапля. Давай с тобой поженемся, выходи за меня замуж!

– Нет, Журавль, теперь я ..¹².. выходить за тебя замуж.

Пошёл Журавль домой. А Цапля ..¹³.. ещё немного и ..¹⁴..

:

– Зачем же я отказала Журавлю? Надо нам с ним пожениться!

Приходит к Журавлю, а он не хочет жениться. Вот так-то и ходят они по сю пору, да никак не поженятся.

Текст 2 дополняют следующие формы глаголов: ¹задумал, ²подумай, ³обдумал / ⁴продумал, ⁴придумали, ⁵задумалась, ⁶выдумала / ⁷выдумываешь, ⁷одумайся, ⁸думала / ⁹раздумывала, ⁹передумала, ¹⁰раздумал, ¹¹думал / ¹²раздумывал / ¹³продумал, ¹²раздумала, ¹³подумала, ¹⁴одумалась. Анализируя текст, необходимо обратить внимание на возможность употребления в отдельных предложениях вариативных форм и выяснить их различия.

Задание к тексту 3. Дополните текст нужными формами глагола *помнить* с приставками или без приставок (*вспоминать – вспомнить, запоминать – запомнить, напоминать – напомнить, опомниться, припоминать – припомнить*).

Текст 3

Журавль и Цапля

Жил-был на болоте Журавль. Скучно показалось жить ему одному, задумал он жениться и сказал об этом друзьям. Тогда друзья ..¹.. ему, что неподалёку живёт красавица Цапля, и предложили:

– Чем не невеста Цапля? Давай мы тебя женим на Цапле.

Журавль ..².. Цаплю и решил, что друзья хорошо придумали. И вот пошёл он к Цапле.

– Здравствуй, Цапля!

– Кто ты? – спросила Цапля. – Что-то я тебя не ..³..

– Я твой сосед.

– У меня много соседей. Всех и не ..⁴.. , – отвечает Цапля.

– Я – Журавль, живу на болоте.

– А, Журавль. Теперь я тебя ..⁵.. . У тебя ко мне какое-то дело?

– Да, Цапля! Выходи за меня замуж!

Цапля засмеялась и сказала:

– Журавль, ..⁶.. , посмотри на себя: у тебя ноги долги, платье коротко, ты худо летаешь! Нет, не пойду за тебя замуж! Иди прочь!

Журавль, опечаленный, ушёл домой. В это время к Цапле пришли подруги, ..⁷.. ей, какой умный, серьёзный и красивый Журавль, и сказали:

– Цапля, зачем тебе одной жить? Чем не жених Журавль? Ты не права! ..⁸.. ! Давай мы тебя выдадим замуж за Журавля.

Цапля всю ночь не спала, ..⁹.. слова подруг. Многое она ..¹⁰.. за ночь.

А наутро пошла Цапля к Журавлю и просит:

– Журавль, возьми меня замуж!

– Нет, Цапля, я хорошо ..¹¹.. твои слова, что у меня ноги долги, платье коротко, что я худо летаю. Нет, я раздумал жениться.

Цапля заплакала от стыда и вернулась домой. А Журавль целый день ..¹².. их разговор и сказал себе:

– Напрасно я не женился на Цапле. Одному-то скучно! Пойду-ка я к ней.

Приходит и говорит:

– Прости меня, Цапля. Не будем ..¹³.. плохое. Давай с тобой поженимся, выходи за меня замуж!

– Нет, Журавль, теперь я раздумала выходить за тебя замуж.

Пошёл Журавль домой. А Цапля подумала ещё немного и говорит:

– Зачем же я отказала Журавлю? Надо нам с ним пожениться!

Приходит к Журавлю, а он не хочет жениться. Вот так-то и ходят они по сю пору, да никак не поженятся.

Текст 3 дополняют такие формы глаголов: ¹напомнили, ²вспомнил / припомнил, ³помню / припоминаю, ⁴запомнишь / упомнишь / помню, ⁵вспомнила / вспоминаю / припоминаю, ⁶опомнись, ⁷напомнили, ⁸опомнись, ⁹вспоминала, ¹⁰вспомнила, ¹¹запомнил / помню, ¹²вспоминал, ¹³вспоминать / помнить.

Представленные три текста, имея одну сюжетную основу, отличаются объёмом: по сравнению с текстом 1, текст 2, содержащий 240 слов, и особенно текст 3, состоящий из 320 слов, превышают объём исходного текста сказки. Это объясняется тем, что намеренное использование определённых лексико-грамматических единиц формирует новые, дополнительные, контексты. Например, стремление включить в текст глагол *припоминать* влечёт за собой добавление вопроса (*Кто ты?*) и объяснения, почему этот вопрос задан (*Что-то я тебя не припоминаю*).

Пример адаптации сказки «Журавль и Цапля» при изучении темы «Виды глагола» можно видеть в учебном пособии [Скворцова 2008: 42].

Под термином «адаптация» применительно к тексту обычно понимается «упрощение текста для начинающих изучать иностранные языки и малоподготовленных читателей» [Словарь 1991: 89]. В научной литературе существует и другое его толкование, при котором адаптация понимается как изменение текста в связи с новыми условиями его функционирования [например, Дьякова 2009]. Тогда в понятие «адаптация» входят как операции по сокращению, так и по расширению текста. В таком понимании этот термин удобно использовать в практике обучения русскому языку как иностранному для обозначения способов создания учебного текста на базе аутентичного произведения.

Как уже говорилось, целью преобразований исходного текста является передача его содержания другими языковыми средствами. Изменения и преобразования проводятся на разных уровнях: лексическом, морфологическом, синтаксическом, текстовом. Текст-источник освобождается от диалектных, просторечных, нестандартных морфологических и синтаксических форм, от некоторых фразеологизмов, частиц, неупотребительной лексики и под. Содержание текста-источника излагается таким образом, чтобы была возможность употребить изучаемые языковые единицы. В этом случае могут возникать дополнительные контексты. Иногда некоторыми эпизодами исходного текста приходится жертвовать (сокращать или совсем опускать). Эпизоды,

позволяющие использовать изучаемые средства в других коммуникативных условиях, напротив, расширяются, приобретают новую детализацию. Полученный в результате учебный текст, безусловно, сохраняющий основные признаки текста как единицы коммуникации, должен служить для формирования, развития и совершенствования *языковой* компетенции иностранных учащихся.

Литература

Дьякова А.А. Интердискурсивная адаптация текста. АКД, Волгоград, 2009.

Народные русские сказки. Из сборника А.Н. Афанасьева. М., 1978.

Скворцова Г.Л. Употребление видов глагола в русском языке. Учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык. М., 2008.

Словарь современного русского литературного языка в 20 томах. Том I. М., 1991.

The possibilities of preparing of three educational texts based on Russian folk tales are presented in this article.

Keywords: *source text, educational text, Russian grammar for foreigners, text transformation, text adaptation.*

РЕЦЕНЗИИ

В.Г. Кульпина, В.А. Татаринов

ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ РУССКОГО ГЛАГОЛА В ИСТОРИИ ЯЗЫКА КАК КОГНИТИВНЫЙ КОМПЛЕКС ИНТРА- И ЭКСТРАЛИН- ГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ¹

Предметом рецензии являются монография «Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка» и диссертационное исследование «Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка: полиаспектный анализ» Л.В. Табаченко. Анализ показывает эволюцию форм и семантики глагола и конструкций существительных. Исследование имеет историческую, культурную и когнитивную ценность. Его результаты полезны для изучающих русский язык иностранцев с точки зрения семантики глагольных форм. Исследования создают базу для актуального подхода к изучению русского языка как иностранного.

Ключевые слова: глагол, приставка, падежная конструкция, история языка, русский язык как иностранный.

Книга и диссертационное исследование Л.В. Табаченко, выполненные на материале древнерусского языка, относятся к диахроническим исследованиям грамматической (но отчасти и лексической) семантики, имеющим сложную когнитивную составляющую, тем более сложную, что процессы познания прослеживаются от периода древнерусского мира и вплоть до современности.

Книга Л.В. Табаченко «Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка» посвящена важным этапам становления системы глагола в истории русского языка, связанным с развитием приставочного внутриглагольного образования.

В первой главе «Приставочное внутриглагольное словообразование в свете праиндоевропейских истоков» анализируются генезис и эволюция глагольных приставок, выявляется их динамика в плане отношения к категории пространства, прослежи-

¹ Табаченко Л.В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2010. 336 с.; Табаченко Л.В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка: полиаспектный анализ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 49 с.

вается развитие у глагольных приставок значений предельности, результативности, а также вида. Русский глагол рассматривается в структурно-семантическом и когнитивном аспектах.

Во второй главе «Семантические особенности позиционных глаголов в русском языке XI–XVII вв.» дается общая характеристика лексико-семантической группы позиционных глаголов. Детально рассматриваются собственно позиционные значения, а также локальные и экзистенциальные.

Третья глава «Позиционные глаголы в истории русского языка: след пространственной семантики» является самой развернутой (С. 70–306). В ней выявляются и описываются словообразовательные типы позиционных глаголов. При этом лейтмотивом описания является обнаружение у этих глаголов следов пространственной семантики, подвергшейся разнообразным трансформациям. Ценно, что Л.В. Табаченко исследует семантику глагольных конструкций в комплексе с падежными формами и предложно-падежными конструкциями, заостряя внимание на денотативной составляющей последних (типах денотатов, служащих наполнением конструкций существительных) в условиях развития предложно-падежных конструкций в ущерб беспредложным. Указывается, что «позиционные глаголы с локальными приставками передают пространственное соотношение между статичными предметами – пассивными субъектами ситуации локализации. Это и натурфакты (*гора, море, облака, ельник* и др.), и артефакты (обычно больших размеров – *город, пристань*), или субъекты, хотя и одушевленные, но вне характеристики по признакам, связанным с представлением об активности/неактивности. Поэтому и одушевленные субъекты представлены только как физические тела, локализованные в пространстве» (С. 71). Подчеркивается, что «переносные значения, возникшие на базе первичных – пространственных, следует отличать от значений в рамках новых СТ [словообразовательных типов], омонимичных пространственным, появившихся в результате словообразовательной модификации и мутации» (Там же). Изменение значений приставок в направлении их превращения в основные знаки ситуаций, появление новых словообразовательных типов Л.В. Табаченко считает следствием возникшей необходимости обозначить новые классы глагольных ситуаций путем переосмысления их структуры, что в свою очередь было вызвано к

жизни усложнением субъекта, увеличением количества объектов и усилением полиситуативности как таковой.

Непосредственным объектом докторской диссертации Л.В. Табаченко «Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка: полиаспектный анализ» являются позиционные глаголы, развивающие целый спектр значений, в том числе и пространственных, чрезвычайно важных в системе языка, в свою очередь служащих базой для развития объектных, результативных, темпоральных и других значений и семантических комплексов на глагольной основе. Выделение в качестве предмета анализа семантических групп позиционных глаголов представляется плодотворным с точки зрения изучения путей их развития и обретения ими целого ряда новых значений, а также потенциала динамики их развития. Этот сегмент лексико-грамматических отношений является исключительно показательным с точки зрения экспликации весьма древних истоков современного состояния глагольной системы. В языковом сознании людей, говоривших на языке, который мы называем древнерусским, присутствовала тонкая нюансировка в сфере позиционных глаголов. Утраченные и реконструированные Л.В. Табаченко семантические сегменты весьма интересны с лингвокогнитивной точки зрения. Приводимые примеры разных периодов развития языка – как древнерусского, так и русского, являют собой наглядный иллюстративный материал, на котором прослеживается тенденция к семантизации синтаксических отношений. Труды Л.В. Табаченко вносят значительный вклад в разработку теории омонимии и полисемии приставочных глаголов. Исследования автора исключительно интересны и важны с точки зрения формирования семантики падежных форм и предложно-падежных конструкций.

Проведенное Л.В. Табаченко исследование, представленное в книге и в автореферате ее докторской диссертации, носит фундаментальный характер. Работа многослойная, богатая сюжетными линиями, лингвистически очень интересная, законченная и зрелая. В ней даны тонкие исторические срезы семантики приставочных глаголов. Исследование имеет много выходов в проблематику языка и мышления. Л.В. Табаченко используется современный и актуальный лингвистический понятийно-терминологический аппарат на основе изученности предыдущей традиции исследований глагольной семантики – всё это вместе взятое обеспечивает широту научных взглядов исследователя.

Проведенное исследование имеет широкие перспективы прикладного использования. Особо хотелось бы подчеркнуть вклад Л.В. Табаченко в лексикографирование глаголов древнерусского языка. Исследование важно также для современной практической лексикографии – толковой и двуязычной, в том числе учебной лексикографии русского языка для иностранных учащихся, для которых семантика русского глагола, в том числе привносимые приставками нюансы, мутации и модификации, представляют собой серьезную сложность, самостоятельное же выявление семантики глаголов из контекста и разграничение омонимов и полисемантов является подчас непосильной задачей.

Радует широкое ознакомление научной общественности с результатами исследования, представленного в 53 публикациях по теме диссертации, в том числе в столь содержательной монографии.

Нет сомнения, что рецензируемые работы найдут своего благодарного читателя как в нашей стране, так и за рубежом.

The object of the review is Ljudmila Tabachenko's monograph "The prefix verbs of positioning in the history of Russian language" and her Doctor of Science thesis "The prefix verbs of positioning in the history of Russian language: multilateral analysis". The analysis demonstrates formal and semantic evolution of verb and noun structures. The researches have historical, cultural and cognitive value. The analysis is useful for foreigners studying Russian from the point of view of verb forms' nuances of semantics. The researches underpin the actual approach to learning Russian as a foreign language.

Keywords: *verb, prefix, case structures, history of language, Russian language for foreigners.*

Оглавление

Теория языка в аспекте преподавания РКИ	
<i>Кудрявцева Ю.В.</i> Способы выражения временных и пространственных отношений в русском языке и в болгарском языке	3
<i>Саккини М. (Италия)</i> Категория способа действия: ее отражение в языке и телодвижениях	11
<i>Шувалова О.Н.</i> Модели, которые мы выбираем: вымышленные языки в системе современной виртуальной культуры	27
<i>Дастамуз С. (Иран)</i> Квазиэкзистенциальные вопросительные инфинитивные предложения	44
<i>Алияришорехдели М. (Иран)</i> Функциональное взаимодействие залога и вида: частные видовые значения НСВ в пассиве	52
<i>Тумурхояг Б. (Монголия)</i> Метафора в монгольском политическом дискурсе	61
Теория и практика перевода	
<i>Гу Хонфэй, Ху Сяоцин (КНР)</i> Сертификационный тест по устному переводу с китайского языка на русский и с русского на китайский и анализ его заданий	66
<i>Бахарлу Хади (Иран)</i> К проблеме нормализации аэрокосмической терминологии в русском и персидском языках	73
Интерпретация художественного текста	
<i>Маляева Т.А.</i> Семантика «сада» и межтекстуальные связи в поэме В. Маяковского «Про это»	81
<i>Ковалевская Т.В.</i> Шекспир в русских переводах: на перекрестке культур	90
<i>Коростелева А.А.</i> О возможностях русских коммуникативных средств при создании принципиально противоположных образов в кино (коммуникативное противопоставление персонажей в к/с «Небесный суд»)	103
<i>Чжоу Сянлу (КНР)</i> Обыденная жизнь: банальные штампы или чудесный подарок? (сравнительный анализ произведений Т.Толстой и Ван Ань И)	122
<i>Чжан Сянь (КНР)</i> Реализации подтекста в повести А.И. Куприна «Олеся»	129
Методика преподавания русского языка как неродного	
<i>Белякова Н.Н., Кулькова Р.А. (Республика Корея)</i> К проблеме обучения естественному общению в иноязычной среде обитания	133
<i>Брулёва Ф.Г., Бегалиева С.Б. (Республика Казахстан)</i> Речевой этикет как методическая проблема в обучении иностранных студентов из стран Южной Азии	138

<i>Мамытбекова Л.К. (Республика Казахстан)</i> Из опыта проведения речевой практики в иностранной аудитории	147
<i>Хэ Шеумэй, Ян Лимэй (КНР)</i> Применение сознательно-практического метода в целях обучения РКИ	153
<i>Маркова А.С.</i> Особенности русской орфоэпии в пении	156
<i>Бу Юньянь, Ян Чуньлэй (КНР)</i> Социокультурная интерференция как проблема межкультурной коммуникации	166
Страноведение	
<i>Короткова О.Н.</i> Некоторые особенности обучения современному этикету общения	172
<i>Ковалевская Т.В.</i> Русская история и литература – от истоков до 1917 года	182
Практикум РКИ	
<i>Кузьмич И.П.</i> Сказка на уроке грамматики	203
Рецензии	
<i>Кульпина В.Г., Татиринов В.А.</i> Трансформации системы русского глагола в истории языка как когнитивный комплекс интра- и экстралингвистических факторов	212
Оглавление	
	216

Научное издание

СЛОВО. ГРАММАТИКА. РЕЧЬ

Вып. XIV

Сборник научно-методических статей
по преподаванию РКИ

Зав. редакционно-издательским отделом
филологического факультета *Е. Г. Домогацкая*
edit@philol.msu.ru

Напечатано с готового оригинал-макета

Подписано в печать 17.06.2013.
Формат 60x90 1/16. Усл.печ.л. 13,75. Тираж 200 экз. Изд. № 184.

Отпечатано в ООО «МАКС Пресс»
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 939-3890, 939-3891. Тел./Факс 939-3891.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №